

Г 585

Толстог А. В.
Миргород. т. 1.
Летвсту
Суд., 1835

Летвсту.

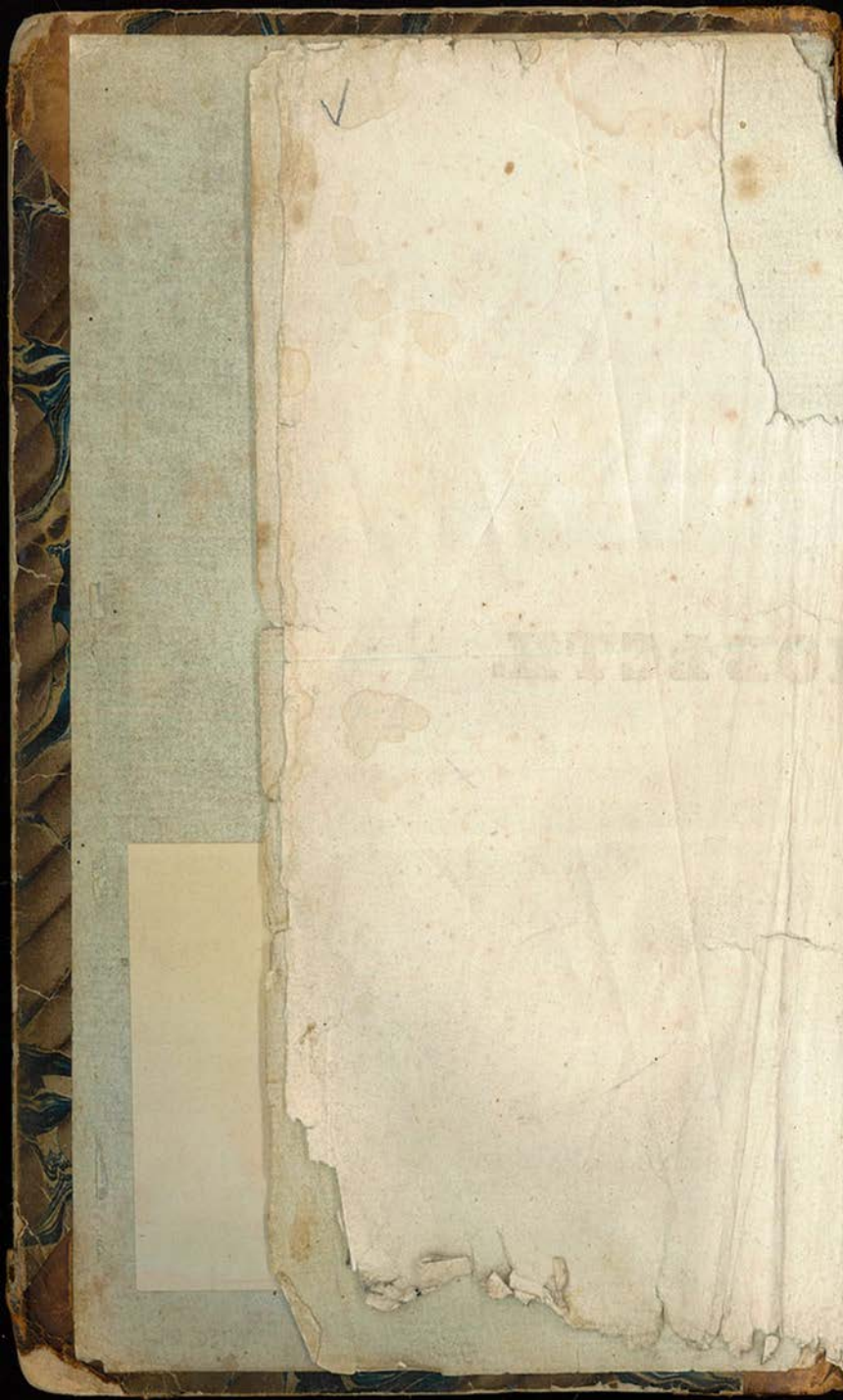
1244 1300

13529

РГ

П С

ПОВѢСТИ.

МІРГОРОДЪ.

ПОВѢСТИ,

Служація продолженіємъ *Весеровъ на хуторъ близъ Диканьки.*

Н. ГОГОЛЯ.

Миргородъ нарочито невеликій при
рѣкѣ Хоролѣ городъ. Имѣеть і ка-
нашную фабрику, і кирпичный за-
водъ, 4 водяныхъ и 45 вътреныхъ
мельницъ.

Географія Збловскаго.

Хомя въ Миргородѣ пекутся буб-
лики изъ чернаго шѣста, но довольно
вкусны.

*Изъ записокъ одного путе-
шественника.*

Часть первая.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1835.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чшобы по напечатаніи представлены были
въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. С
пешербургъ, 29 Декабря 1834 года.

Ценсоръ В. Семеновъ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ.

33 10 р 475078 103

Державна історична
бібліотека УРСР

820

СТАРОСВѢТСКІЕ

НОМЪЩИКИ.

ОПИСЪ ПИСЕМЪ

ВЪ КНИЖНИЦѢ ИМПЕРАТОРСКОГО
УЧЕБНАГО ЗАВѢДѢНІЯ

ВЪ САНКТЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ Санктъ-Петербургѣ, въ Императорскомъ
Учебномъ Завѣдѣніи, въ 1864 году.
Печатно въ Императорской Типографіи.
Въ С.-Петербургѣ, въ Императорской
Типографіи, въ 1864 году.
Въ С.-Петербургѣ, въ Императорской
Типографіи, въ 1864 году.

СТАРОСВѢТСКІЕ
ПОМѢЩИКИ.

Я очень люблю скромную жизнь шѣхъ уединенныхъ владѣшелей опдаленныхъ деревень, кошорыхъ въ Малороссіи обыкновенно называютъ старосвѣтскими, кошорые, какъ дряхлые живописные домики, хороши своею простотою и совершенною противоположношью съ новымъ гладенькимъ строеніемъ, кошораго ешѣтъ не

промыль еще дождь, крыши не покрыла зеленая плесень и лишенное щекошурки крыльцо не показываешь своихъ красныхъ кирпичей. Я иногда люблю сойши на минушу въ сферу эшой необыкновенно уединенной жизни, гдѣ ни одно желаніе не перелешаешь за часпоколь, окружающій небольшой дворикъ, за плешень сада, наполненнаго яблонями и сливами, за деревенскія избы, его окружающія, пошашнувшіяся на шпорону, осѣненные вербами, бузиною и грушами. Жизнь ихъ скромныхъ владѣшелей шакъ шиха, шакъ шиха, чшо на минушу забываешся и думаешь, чшо спрасши, желанія и шѣ неспокойныя порожденія злаго духа, возмущающія міръ, вовсе не сущесшвуюють, и ты ихъ видѣль шолько въ блестящемъ сверкающемъ сно-видѣніи. Я ошсюда вижу низенькій домикъ съ галлереею изъ маленькихъ почерпѣлыхъ деревянныхъ шолбиковъ, идущеео вокругъ всего дома, чшобы можно было во время грома и града зашворишь спавни оконъ не замочась дождемъ. За нимъ душишшая черемуха, цѣлые ряды низенькихъ

Фруктовыхъ деревъ, пошопленныхъ багрянцемъ вишенъ и яхонтовымъ моремъ сливъ, покрышыхъ свинцовымъ машомъ, развѣсншый клень, въ шѣни кошораго разошланъ для ошдыха коверъ; передъ домомъ проспориный дворъ съ низенькою свѣжею правкою, съ прошопшанною дорожкой ошъ анбара до кухни и ошъ кухни до барскихъ покоевъ; длинношейный гусь пьющій воду съ молодыми и нѣжными, какъ пухъ, гусяшами; часпоколь, обвѣшанный связками сушеныхъ грушъ и яблокъ и провѣшривающимися коврами, возъ съ дынями, сшоящій возлѣ анбара, ошпряженный волъ, лѣнливо лежащій возлѣ него, — все это для меня имѣешь неизъяснимую прелеснь; можешь бышь ошъ шого, чшо я уже не вижу ихъ и чшо намъ мило все шо, съ чѣмъ мы въ разлукѣ. Какъ бы шо ни было, но даже шогда, когда бричка моя подѣзжала къ крыльцу эшого домика, душа принимала удившешельно пріятное и спокойное сосшояніе; лошади весело подкачивали подѣ крыльцо, кучеръ преспокійно слезалъ съ козелъ и набивалъ шрубку,

какъ будто бы онъ пріѣзжалъ въ собствен-
ный домъ свой; самый лай, кошорый под-
нимали флегматическіе барбосы, бровки
и жучки, былъ пріятенъ моимъ ушамъ.
Но болѣе всего мнѣ нравились самыя вла-
дѣтели эсихъ скромныхъ уголковъ, сша-
рички, сшарушки, заботливо выходившіе
на встрѣчу. Ихъ лица мнѣ представля-
ются и шеперь, иногда въ шумѣ и толпѣ
среди модныхъ фраковъ, и тогда вдругъ
на меня находишь полусонъ и мерещишея
былое. На лицахъ у нихъ всегда нап-
сана такая доброша, такое радушіе и
чистосердечіе, что невольно опказываеш-
ся, хотя по крайней мѣрѣ на короткое
время, онъ всѣхъ дерзкихъ мечтаній и
незамѣтно переходишь всѣми чувствами
въ изменную буколическую жизнь.

Я до сихъ поръ не могу позабышь
двухъ шаричковъ прошедшаго вѣка, ко-
шорыхъ, увы! шеперь уже нѣтъ, но душа
моя полна еще до сихъ поръ жалости, и
чувства мои сшранно сжимаются, когда
воображу себѣ, что пріѣду со временемъ
опянь на ихъ прежнее, нынѣ опущенное

жилице, и увижу кучу развалившихся ханъ, заглохшій прудъ, заросшій ровъ на шомъ мѣстѣ, гдѣ споялъ низенькой домикъ — и ничего болѣе. Грустно! мнѣ заранѣе грустно! Но обратимся къ разсказу. Аоонасій Ивановичъ Товешогубъ и жена его Пульхерія Иванова Товешогубиха, по выраженію окружныхъ мужиковъ, были шѣ старики, о кошорыхъ я началъ разсказывать. Если бы я былъ живописецъ и хошѣлъ изобразить на полошнѣ Филемона и Бавкиду, я бы никогда не избралъ другаго оригинала, кромѣ ихъ. Аоонасію Ивановичу было шесшьдесять лѣтъ, Пульхеріи Ивановнѣ пяшьдесять пяшь. Аоонасій Ивановичъ былъ высокаго росша, ходилъ всегда въ бараньемъ шулупчикѣ, покрышомъ камлошомъ, сидѣлъ согнувшись и всегда почти улыбался, хошя бы разсказывалъ, или проешо слушалъ. Пульхерія Ивановна была нѣсколько сурьезна, почти никогда не смѣялась; но на лицѣ и въ глазахъ ея было написано шолько доброшы, шолько гошовности угосишь васъ веъмъ, чше было у нихъ луч-

шаго, что вы вѣрно нашли бы улыбку уже черезъ чуръ прищорною для ея добраго лица. Легкія морщины на ихъ лицахъ были расположены съ такою пріямностію, что художникъ вѣрно бы укралъ ихъ. По нимъ можно было, казалось, читашь всю жизнь ихъ, ясную, спокойную, жизнь, кошорую вели шарыя національныя, простиосердечныя и вмѣстѣ богашыя фамиліи, всегда сосшавляющія прошивоположностъ шѣмъ низкимъ Малороссіянамъ, кошорые выдираюшся изъ дегшярей, шоргашей, наполняюшъ, какъ саранча, палашы и присушешвенныя мѣша, дерушъ послѣднюю кошѣйку съ своихъ же земляковъ, наводняюшъ Пешербургъ ябедниками, наживаюшъ наконецъ кашпашъ и шоржешвенно прибавляюшъ къ фамиліи своей, оканчивающейся на о, слогъ *овъ*. Нѣшъ, они не были похожи на эшихъ презрѣнныхъ и жалкихъ швореній, шакже какъ и всѣ Малороссійскія шаринныя и коренныя фамиліи. Нельзя было глядѣшъ безъ участвія на ихъ взаимную любовь. Они никогда не говорили другъ другу шы, но

всегда вы: вы, Аоонасій Ивановичъ; вы, Пульхерія Ивановна. »Эшо вы продавили ешуль, Аоонасій Ивановичъ?« — »Ничего, не сердитесь, Пульхерія Ивановна: эшо я.« Они никогда не имѣли дѣшей и ошъ шого вся привязанность ихъ сосредоточилась въ нихъ самихъ. Когда-шо въ молодости Аоонасій Ивановичъ служилъ въ компанейцахъ, былъ послѣ секундъ-маіоромъ, но эшо уже было очень давно, уже прошло, уже самъ Аоонасій Ивановичъ почти никогда не воспоминалъ о немъ. Аоонасій Ивановичъ женился шридцати лѣтъ, когда былъ молодцомъ и носилъ ширый камзолъ; онъ даже увезъ довольно ловко Пульхерію Ивановну, кошорую родешвенники не хошѣли ошдать за него; но и объ эшомъ уже онъ очень мало помнилъ, по крайней мѣрѣ никогда не говорилъ о немъ. Всѣ эши давнія, необыкновенныя происшествія давно преврашились или замѣнились спокойною и уединенною жизнію, шѣми дремлющими и вмѣшѣ какими-шо гармоническими грезами, кошорыя ощущаете вы, еидя на деревенскомъ балкоцѣ, обращен-

номъ въ садъ, когда прекрасный дождь роскошно шумишь, хлопая по древеснымъ листьямъ, свежая журчащими ручьями и наговаривая дрему на ваши члены, а между шѣмъ радуга крадется изъ за деревьевъ и въ видѣ полуразрушеннаго свода свѣшитъ машовыми семью цвѣтами на небѣ. Или когда укачиваетъ васъ коляска, ныряющая между зелеными кустарниками, а сешной перепелъ гремишь и душистая права вмѣсѣ съ хлѣбными колосьями и полевыми цвѣтами лезеши въ дверцы коляски, пріятно ударяя васъ по рукамъ и лицу. Онъ всегда слушалъ съ пріятною улыбкою гостей, пріѣзжавшихъ къ нему, иногда и самъ говорилъ, но болѣе спрашивалъ. Онъ не принадлежалъ къ числу шѣхъ шариковъ, копорые надѣдаюши вѣчными похвалами шарому времени, или порицаніями новаго. Онъ, напрошивъ, спрашивая васъ, показывалъ большое любопытство и участие въ обстоятельствѣхъ вашей собешвенной жизни, удачахъ и неудачахъ, копорыми обыкновенно ишпересеюшея всѣ добрые шарикки, хоши оно

нѣсколько похоже на любопытство ребенка, кошорый въ то время, когда говоришь съ вами, разсмащриваетъ печашку вашихъ часовъ. Тогда лицо его, можно сказашъ, дышало доброшою. Комнашы домика, въ кошоромъ жили наши шарички, были маленьки, низеньки, какія обыкновенно встрѣчающа у шароевѣшекныхъ людей. Въ каждой комнашѣ была огромная печь, занимавшая почти шрепью часашъ ея. Комнашки эши были ужасно теплы, пошому, что и Аонасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна очень любили теплоту. Топки ихъ были все проведены въ сѣни, всегда почти до самаго пошолка наполненны соломою, кошорую обыкновенно употребляютъ въ Малороссіи вмѣсто дровъ. Трескъ эшой горящей соломы и освѣщеніе дѣлающъ сѣни чрезвычайно пріятными въ зимній вечеръ, когда, прозабнувши ошъ преслѣдованія за какой нибудь брюнешкой, вбѣгаешъ въ нихъ, похлопывая ладонями. Сѣсны комнашы убраны были нѣсколькими картинами и каршиками въ шаринныхъ узенькихъ рамахъ. Я увѣренъ, что сами

хозяева давно позабыли ихъ содержаніе и еси бы нѣкошорыя изъ нихъ были унесены, шо они бы вѣрно этого не замѣшили. Два поршреша было большихъ, писанныхъ масляными красками. Одинъ предшавлялъ какого-шо Архіерея, другой Петра III. Изъ узенькихъ рамъ глядѣла Герцогиня Ла Вальеръ, обпачканная мухами. Вокругъ оконъ и надъ дверями находилось множесшво небольшихъ каршинокъ, кошорыхъ какъ-шо привыкаешъ почишашъ за пяшна на спѣнѣ и пошому ихъ вовсе не размашривашъ. Полъ почти во всѣхъ комнашахъ былъ глиняной, но шакъ чешо вымазаный и содержался съ шакою опряшношю, съ шакою вѣрно не содержался ни одинъ паркешъ въ богашомъ домѣ, лѣниво подмешаемый невыспавшимся господиномъ въ ливрѣ. Комнаша Пульхеріи Ивановны была вся ушавлена сундуками, ящиками, ящичками и сундучечками. Множесшво узелковъ и мѣшковъ съ семенами, цвѣшочными, огородными, арбузными, висѣли по спѣнамъ. Множесшво клубковъ съ разноцвѣшною шерешю, доскушковъ шарни-

ныхъ плашьевъ, шипныхъ за полешольшія прежде, были укладены по угламъ въ сундучкахъ и между сундучками. Пульхерія Ивановна была большая хозяйка и собирала все, хошя иногда сама не знала на что оно пошомъ упошребишя. Но самое замъчашельное въ домъ — были поющія двери. Какъ шолько насавало ушро, пѣніе дверей раздавалось по всему дому. Я не могу сказашь ошъ чего они пѣли: перржавѣвшія ли пешли были шому виною, или самъ механикъ, дѣлавшій ихъ, скрылъ въ нихъ какой нибудь секрешъ; но замъчашельно шо, что каждая дверь имѣла свой особенный голосъ: дверь, ведущая въ спальню, пѣла самымъ шоненькимъ дисканшомъ; дверь, ведшая въ шоловую, хрипѣла басомъ; но ша, кошорая была въ сѣняхъ, издавала какой-шо странный дребезжащій и вмѣшъ шонущій звукъ, шакъ что, вслушиваясь въ него, очень ясно наконецъ слышалось: башюшки, я зябну! Я знаю, что многимъ очень не нравишя сей звукъ; но я его очень люблю, и если мнѣ случишя иногда здѣсь услышашъ

скрыпъ дверей, тогда мнѣ вдругъ шакъ и запахнешь деревнею, низенькой комнашкой, озаренной свѣчкой въ шаринномъ подсвѣяникѣ, шужиномъ уже шстоящимъ на шполѣ, Майскою шемною ночью, глядящею изъ сада сквозь расшворенное окно на шполѣ, усшавленный приборами, соловьемъ обладающимъ садъ, домъ и дальнюю рѣку своими раскашами, шпрахомъ и шорохомъ вѣшвей.... и Боже какая длинная навѣваешся мнѣ шогда вереница воспоминаній! Стулья въ комнашѣ были деревянные, массивные, какими обыкновенно опшичаешся шарина; они были все съ высокими вышоченными спинками въ нашуральномъ видѣ безъ всякаго лака и краски; они не были даже обышы машериєю и были нѣсколько похожи на шѣ стулья, на кошорые и до нынѣ сядяшся Архіереи. Трехъугольные штолпки по угламъ, чешырехъугольные передъ диваномъ и зеркаломъ въ шоненькихъ золошыхъ рамахъ, вышоченныхъ лисшьями, кошорыхъ мухи ушѣяли черными шочками, коверъ передъ диваномъ съ шпицами, похожими

на цвѣшы и цвѣшами, похожими на шицы — вошь все почши убраниево невзыскашельнаго домика, гдѣ жили мои шарики. Дѣвчья была набиша молодыми и немолодыми дѣвушками въ полосатыхъ пецодницахъ, кошорымъ иногда Пульхерія Ивановна давала шишь какія нибудь бездѣлушки и засшавляла чисшишь ягоды, но кошорья большею часшю бѣгали на кухню и спали. Пульхерія Ивановна почишала необходимошью держашъ ихъ въ домѣ и сшрого смосшрѣла за ихъ нравешвенношню. Но къ чрезвычайному ея удивленію, не проходило нѣсколькихъ мѣсяцевъ, чшобы у кошорой нибудь изъ ея дѣвушекъ спань не дѣлался гораздо полнѣе обыкновеннаго; шѣмъ болѣе эшо казалосъ удивишельно, чшо въ домѣ почиши никого не было изъ холосшыхъ людей, выключая развѣ шолько комнашнаго мальчика, кошорый ходилъ въ сѣромъ полуфракѣ съ босыми ногами и если не ѣлъ, шо ужъ вѣрно спаль. Пульхерія Ивановна обыкновенно бранила виновную и наказывала сшрого, чшобы впередъ эшого не было. На сшеклахъ оконъ

звенѣло спрашное множество мухъ, кошорыхъ вѣхъ покрываль шолешый басъ шмеля, иногда сопровождаемый пронзительными визжаніями ось; но какъ только подавали свѣчи, вся эта вапата опшривлялась на ночлеги и покрывала черною шучею весь пошолокъ.

Аоонасіи Ивановичъ очень мало занимался хозяйствомъ, хотя впрочемъ ѣздилъ иногда къ косарямъ и жнецамъ и смолрѣлъ довольно прищально на ихъ работу; все время правленія лежало на Пульхеріи Ивановнѣ. Хозяйство Пульхеріи Ивановны состояло въ безпрешанномъ опшираніи и запираніи кладовой, въ соленіи, сушеніи, вареніи безчисленнаго множества фрукшовъ и расшеній. Ея домъ былъ совершенно похожъ на химическую лабораторію. Подъ яблонею вѣчно былъ разложенъ огонь; и никогда почи не снимался съ желѣзнаго шреножника кошель или мѣдный шазъ съ вареньемъ, желемъ, пашилою, дѣланыхъ на меду въ сахаръ и не помню еще на чѣмъ. Подъ другимъ деревомъ кучерь вѣчно перетонялъ въ

мѣдномъ лембикѣ водку на персиковыя лисшья, на черемуховый цвѣшъ, на золопошьясячникъ, на вишневыя косшочки и къ концу эшого процесса совершенно не былъ въ состояніи поворошить языкомъ, болшалъ шакой вздоръ, что Пульхерія Ивановна ничего не могла понять, и отпра-влялся на кухню спать. Всей эшой дрянн наваривалось, насаливалось, насушивалось шакое множештво, что, вѣрояшно, они пошопили бы наконецъ весь дворъ, пошому что Пульхерія Ивановна всегда сверхъ расчисленнаго на пошребленіе любила пригошовляшь еще на запасъ, если бы большая половина эшаго не съѣдалась дворовыми дѣвками, кошорья, забираясь въ кладовую, шакъ ужасно шамъ объѣдались, что цѣлый день спонали и жаловались на живошы свои. Въ хлѣбопашештво и прочія хозяйешвенныя ешашьи виѣ двора Пульхерія Ивановна мало имѣла возможности входить. Прикащикъ, соединившись съ войшомъ, обкрадывали немилосерднымъ образомъ. Они завели обыкновение входить въ господскіе лѣса, какъ въ свои собешвен-

475078

ные, надѣлывали изъ нихъ множество санин, и продавали ихъ на ближней ярмаркѣ; кромѣ того всѣ шолешные дубы они продавали на срубъ для мельницъ сосѣднимъ казакамъ. Одинъ только разъ Пульхерія Ивановна пожелала обревизировать свои лѣса. Для этого были запряжены дрожки, съ огромными кожанными фаршухами, ошъ кошорыхъ, какъ шолько кучерь вспряхиваль возжами и лошади, служившія еще въ милиціи, шрогались съ своего мѣша, воздухъ наполнялся спрашными звуками, шакъ чшо вдругъ были слышны и флейша и бубны и барабанъ; каждый гвоздикъ и желѣзная скобка звенѣла, шакъ чшо возлѣ самыхъ мельницъ было слышно, какъ пани выѣзжала со двора, хоня это разстояніе было не менѣе двухъ версгъ. Пульхерія Ивановна не могла не замѣнить спрашнаго опустошенія въ лѣсу и потери шѣхъ дубовъ, кошорыхъ она еще въ дѣшешвѣ знавала сполѣшными. «Ошъ чего это оу себя, Ничипоръ,» сказала она, «обращаясь къ своему прикащику, шущъ же находившемуся» дубки сдѣлались шакъ рѣдкими?

Гляди, чшобы у шебя волосы не были рѣдки.« — » Ошъ чего рѣдки?« говариваль обыкновенно прикащикъ: » пропали! Такъ шаки совсѣмъ пропали: и громомъ побило, и черви прошочили — пропали, пани, пропали.« Пульхерія Ивановна совершенно удовлетворялась эшимъ ошвѣшомъ и, прѣхавши домой, давала повелѣніе удвоишь шолько спражу въ саду около шпанскихъ вишень и большихъ зимнихъ дулей. Эши досшойные правишели, прикащикъ и войншъ, нашли вовее излишнимъ привозишь всю муку въ барскіе анбары, а чшо съ баръ будешъ довольно и половины, наконецъ и эту половину привозили они заплеснѣвшую или подмоченную, которую обраковали на ярмаркѣ. Но сколько ни обкрадывали прикащикъ и войншъ, какъ ни ужасно жрали все въ дворѣ, начиная ошъ ключницы до свиней, которые ишпробляли спрашное множешво сливъ и яблокъ, и часто собешвенною мордою шолкали дерево, чшобы спрахнушь съ него цѣлый дождь фрукшовъ, сколько ни клевали ихъ воробьи и вороны, сколько вся дворня ни

*

носила госшинцевъ своимъ кумовьямъ въ другія деревни и даже паскала изъ анбаровъ сшарыя полошна и пряжу, чшо все обращалось къ всемірному испочнику, ш. е. къ шинку, сколько ни крали госши, флегматическіе кучера и лакеи, — но благословенная земля производила всего въ шакомъ множесшвѣ, Аоонасію Ивановичу и Пульхеріи Ивановнѣ шакъ мало было нужно, чшо всеѣ эши спрашныя хищенія казались вовсе незамѣшными въ ихъ хозяйсшвѣ.

Оба сшарички, по сшаринному обычаю сшаросевѣшескихъ помѣщиковъ, очень любили покушашь. Какъ шолько занималась заря (они всегда вешавали рано) и двери заводили свой разногласный концершъ, они уже сидѣли за сшолокомъ и пили кофе. Напившисъ кофею, Аоонасіій Ивановичъ выходилъ въ сѣни и, спрѣхнувши плашкомъ, говорилъ: »Кишъ, кишъ! пошли, гуси, съ крыльца!« На дворѣ ему обыкновенно попадался прикащикъ. Онъ, по обыкновенію, вешупалъ съ нимъ въ разговоръ, распрашивалъ о работахъ, съ величайшею

подробносью, и такія сообщалъ ему замѣчанія и приказанія, кошорыя удивили бы всякаго необыкновеннымъ познаніемъ хозяйства и какой нибудь новичекъ не осмѣлился бы и подумашь о шомъ, чшобы можно было укрась у такого зоркаго хозяина. Но прикащикъ его былъ обспрѣлянная шица: онъ зналъ какъ нужно опшвѣчашь, а еще болѣе какъ нужно хозяйничашь. Послѣ этого Аоонасій Ивановичъ возвращался въ покои и говорилъ, приблизившись къ Пульхеріи Ивановнѣ: » А чшо, Пульхерія Ивановна, можешь бышь пора закусишь чего нибудь. « — » Чего же бы шеперь, Аоонасій Ивановичъ, закусишь? развѣ коржиковъ съ саломъ, или пирожковъ съ макомъ, или можешь бышь рыжиковъ соленыхъ? « — Пожалуй хощь и рыжиковъ, или пирожковъ, « опшвѣчалъ Аоонасій Ивановичъ, и на сполѣ вдругъ являлась скашершь съ пирожками и рыжиками. За часъ до обѣда Аоонасій Ивановичъ закусывалъ снова, вышивалъ шаринную серебрянную чарку водки, заѣдалъ грибками, разными сушеными рыбками и

прочимъ. Обѣдашь садилсь въ двѣнадцать часовъ. Кромѣ блюдь и соуениковъ, на ешолѣ ешояло множесшво горшечковъ съ замазанными крышками, чшобы не могло выдыхашься какое нибудь ашпешинное издѣліе ешаринной вкусной кухни. За обѣдомъ обыкновенно шель разговоръ о предмешахъ самыхъ близкихъ къ обѣду. » Миѣ кажешся, какъ будшо эша каша«, говариваль обыкновенно Аоонасіѣ Ивановичѣ, »немного пригорѣла; вамъ эшаго не кажешся, Пульхерія Ивановна?« — »Нѣшъ, Аоонасіѣ Ивановичѣ; вы положите побольше масла, шогда она не будешъ казашься пригорѣлою, или вошъ возмите эшого соуеса съ грибами и подлейте къ ней.« — »Пожалуй«, говориль Аоонасіѣ Ивановичѣ и подсшавляль свою шарелку: »попробуемъ, какъ оно будешъ.« Послѣ обѣда Аоонасіѣ Ивановичѣ шель ошдохнушь одинъ часикъ, послѣ чегѣ Пульхерія Ивановна приносила разрѣзанный арбузь и говорила: »Вошъ попробуйте, Аоонасіѣ Ивановичѣ, какой хорошій арбузь.« — »Да вы не вѣрьте, Пульхерія Ивановна, чшо онѣ красный въ

срединь, « говорилъ Аонасій Ивановичъ принимая порядочный ломошь: » бываешь, чшо и красный, да не хорошій. « Но арбузь немедленно пчезалъ. Послѣ этого Аонасій Ивановичъ съѣдалъ еще нѣсколько грушъ и ошправлялся погуляшь по саду вмѣстѣ съ Пульхеріей Ивановной. Пришедши домой, Пульхерія Ивановна ошправлялась по своимъ дѣламъ, а онъ садился подь навѣсомъ, обращеннымъ къ двору, и глядѣль, какъ кладовая безпреснанно показывала и закрывала свою внушренность и дѣвки, шолкая одна другую, шо вносили, шо выносили кучу всякаго дрызга въ деревянныхъ ящикахъ, рѣшетахъ, ночевкахъ и въ прочихъ фрукшо-хранилищахъ. Немного погода онъ посылалъ за Пульхеріей Ивановной, или самъ ошправлялся къ ней и говорилъ: » чего бы шакого поѣшь миѣ, Пульхерія Ивановна? « — » Чего же бы шакого? « говорила Пульхерія Ивановна: » развѣ я пойду скажу, чшобы вамъ принесли варениковъ съ ягодами, кошорыхъ приказала я нарочно для васъ ошавишь? « — » И шо добре «, ошвѣчалъ Аонасій Ивано-

вичъ. » Или, можешъ бышь, вы съѣли бы киселику? « — » И то хороше «, отвѣчалъ Аоонасій Ивановичъ. Послѣ чего все это немедленно было приносимо и, какъ водится, было съѣдено. Передъ ужиномъ Аоонасій Ивановичъ еще кое чего закушивалъ. Въ половинѣ десяаго сѣдлись ужинать. Послѣ ужина шопчасъ отпра- влялись оняшь спать и всеобщая тишина водворялась въ этомъ дѣяшельномъ и вмѣ- ештѣ спокойномъ уголкѣ. Комната, въ ко- торой спали Аоонасій Ивановичъ и Пуль- херія Ивановна, была шакъ жарка, что рѣдкій былъ бы въ состояннн оспашься въ ней нѣсколько часовъ. Но Аоонасій Ивановичъ еще сверхъ того, что бы было щептѣ, спалъ на лежанкѣ, хошя сильный жаръ часпо засшавлялъ его нѣсколько разъ всшавашь среди ночи и прохаживашься по комнашъ. Иногда Аоонасій Ивановичъ, ходя по комнашъ, спональ. Тогда Пуль- херія Ивановна спрашивала: » чего вы спопеше, Аоонасій Ивановичъ? « — » Богъ его знаешъ, Пульхерія Ивановна, шакъ какъ будно немного живощь болишь «, говорилъ

Аоонасій Ивановичь. »Можешъ бышь, вы бы чего нибудь съѣли, Аоонасій Ивановичь?« — » Не знаю, будешъ ли оно хорошо, Пульхерія Ивановна! впрочемъ, чего жъ бы шакого съѣшь? « — » Киселаго молочка, или жиденькаго узвара съ сушеными грушами. « — » Пожалуй, развѣ шакъ шолько попробовашь «, говорилъ Аоонасій Ивановичь. Сонная дѣвка ошправлялася рышься по шкапамъ и Аоонасій Ивановичь съѣдалъ шарелочку. Послѣ чего онъ обыкновенно говорилъ : » шеперь шакъ какъ будшо съдлалось легче. «

Иногда, если было ясное время и въ комнашахъ довольно шепло напоцнено, Аоонасій Ивановичь, развеселившись, любилъ пошущишь надъ Пульхерією Ивановною и поговоришь о чемъ нибудь пошороннемъ. »А чшо, Пульхерія Ивановна, « говорилъ онъ : » если бы вдругъ загорѣлся домъ нашъ, куда бы мы дѣлнесь? « — » Вошь эшо Боже сохрани, « говорила Пульхерія Ивановна кресшясь. — » Ну, да положимъ, чшо домъ нашъ сгорѣлъ, куда бы мы перешли шогда? « — » Богъ знаешъ, чшо вы

говорише, Аонасій Ивановичь! какъ можно, чшобы домъ могъ сгорѣшь: Богъ эшого неопуститишь. « — » Ну, а если бы сгорѣлъ? « — » Ну, тогда бы мы перешли въ кухню. Вы бы заняли на время шу комнашку, кошорую занимаешь ключница. « — » А если бы и кухня сгорѣла? « — » Вошь пусть Богъ сохранишь ошь шакого поущенія, чшобы вдругъ и домъ и кухня сгорѣли! Ну, тогда бы въ кладовую, покамѣшь выспроился бы новый домъ. « — » А если бы и кладовая сгорѣла? « — » Богъ знаешь, чшо вы говорише! я и слушаешь васъ не хочу! Грѣхъ эшо говоришь, и Богъ наказываетъ за шакия рѣчи. « Но Аонасій Ивановичь, довольный шѣмъ, чшо подшушилъ надъ Пульхерією Ивановною, улыбался сидя на своемъ стулѣ. X

Но иншеснѣе всего казался для меня шарички въ шо время, когда бывали у нихъ госши. Тогда все въ ихъ домъ принимало другой видъ. Эши добрые люди, можно сказашъ, жили для госшей. Все, чшо у нихъ ни было лучшаго, все эшо выносилося. Они наперерывъ шарались

угощешь васъ всеѣмъ, что только производило ихъ хозяйство. Но болѣе всего пріятно мнѣ было то, что во всей ихъ услужливости не было никакой прищорности. Это радушіе и готовность такъ крошко выражались на ихъ лицахъ, такъ шли къ нимъ, что по неволѣ соглашался на ихъ просьбы. Они были слѣдешвіе чистой, ясной просмотры ихъ добрыхъ, безхитросныхъ душъ. Это радушіе вовсе не то, съ какимъ угощаешь васъ чиновникъ Казенной Палаты, вышедшій въ люди вашими стараніями, называющій васъ благодѣтелемъ и ползающій у ногъ вашихъ. Господь ни какимъ образомъ не былъ опущаемъ того же дня: онъ долженъ былъ непременно переночевать. » Какъ можно такую позднюю порою отправляться въ такую дальнюю дорогу! « всегда говорила Пульхерія Ивановна (господь обыкновенно жилъ въ 3^{хъ} или въ 4^{хъ} отъ нихъ верстахъ). » Конечно, « говорилъ Аонасій Ивановичъ: » неравно всякаго случая: нападутъ разбойники, или другой недоброй человекъ. « — » Пусть Богъ милуетъ онъ

разбойниковъ!» говорила Пульхерія Ивановна. «И къ чему рассказываеть эдакое на ночь. Разбойники не разбойники, а время шемное, негоднися совсѣмъ ѣхашь. Да и вашъ кучеръ, я знаю вашего кучера, онъ шакой шендишной да маленькой, его всякая кобыла добьешь; да при шомъ шенерь онъ уже вѣрно наклюкался и снись гдѣ нибудь.»

И гость долженъ былъ непременно осмашься; но впрочемъ вечеръ въ низенькой шеплой комнашъ, радушный, грѣющій и усыпляющій рассказъ, несущійся паръ онъ поданнаго на столъ кушанья, всегда пишашельнаго и масшерки стоговленнаго, бывашь для него наградою. Я вижу какъ шенерь, какъ Аонасій Ивановичъ согнувшись сидишь на ешулѣ со всегдашнею своею улыбкой и слушаешь со вниманіемъ и даже наслажденіемъ гостя! Часно рѣчь заходила и объ полишникѣ. Гость, шоже весьма рѣдко выѣзжавшій изъ своей деревни, часно съ значительнымъ видомъ и шацнешвеннымъ выраженіемъ лица выводилъ свои догадки и рассказывалъ, что

Французъ тайно согласился съ Англичаниномъ выпустить опять на Россію Бонапарша, или просно разсказываль о предстоящей войнѣ, и тогда Аонасій Ивановичъ часно говорилъ какъ будто не глядя на Пульхерію Ивановну: »Я самъ думаю пойди на войну; почему жъ я не могу идти на войну? « — » Вошь уже и пошелъ! « прерывала Пульхерія Ивановна. »Вы не вѣрьте ему, « говорила она, обращаясь къ гостю. »Гдѣ уже ему старому идти на войну! Его первый солдатъ засрѣлишь! Ей Богу засрѣлишь! Вошь какъ шаки прицѣлился и засрѣлишь. « — » Чшо жъ, « говоритъ Аонасій Ивановичъ: »и я его засрѣлю.« — » Вошь слушайте шолько, что онъ говоритъ! « подхватывала Пульхерія Ивановна: »Куда ему идти на войну! И писшли его давно уже заржавѣли и лежатъ въ коморѣ. Если бъ вы ихъ видѣли: шамъ шакіе, что прежде еще нежелли высрѣляшь, разорвешъ ихъ порохомъ. И руки себѣ пошбивашшь и лице изкалечишь и на вѣки несчастнымъ останешся! « — » Чшо жъ, « говоритъ Аонасій Ивановичъ:

» я куплю себѣ новое вооруженіе. Я возьму саблю или казацкую пику. « — » Это все выдумки. Такъ вошь вдругъ прійдешь въ голову и начнешь разсказывать, « подхватывала Пульхерія Ивановна съ досадою. » Я и знаю, что онъ шушишь, но все таки неприятно слушаешь. Вошь эдакое онъ всегда говоришь, иной разъ слушаешь, слушаешь, да и спрашно спанешь. « По Аноасій Ивановичъ, довольный шѣмъ, что нѣсколько напугалъ Пульхерію Ивановну, смѣялся, сидя согнувшись на своемъ стулѣ. Пульхерія Ивановна для меня была занимательнѣе всего тогда, когда подводила гостя къ закускѣ. » Вошь это, « говорила она, снимая пробку съ графина, » водка, настоящая на деревій и шалфей. Если у кого боляшь лопашки или поясница, то она очень помогаетъ. Вошь это на золошныя ячички : если въ ухахъ звенишь и по лицу лишай дѣлаюся, то очень помогаетъ. А вошь эша перегнанная на персиковыя космочки, вошь возмисе рюмку, какой прекрасный запахъ. Если какъ

нибудь, вешавая съ кровати, ударилъся кшо объ уголъ шкапа или епола и набѣжишь на лбу гугля, шо ешойшь шолько одну рюмочку выпиишь передь обѣдомъ — и все какъ рукой снимешь, въ шу же минушу все пройдешь, какъ будшо вовсе не бывало. « Послеъ эшого, шакой перечешь слѣдоваль и другимъ графинямъ, всегда почши имѣвшимъ какія нибудь цѣлебныя свойсхва. Нагрузивши госня всею эшою ашкекою, она подводила его ко множесхву ешойвшихъ шарелокъ. » Вошь эшо грибки съ щебрецомъ! эшо съ гвоздиками и волошекими орѣхами; солишь ихъ выучила меня Туркена, въ шо время, когда еще Турки были у насъ въ плѣну. Такая была добрая Туркена и незамѣнно совѣмъ, чшобы Турецкую вѣру исповѣдывала. Такъ совѣмъ и ходишь почши, какъ у насъ; шолько свинины не ѣла: говоришь, чшо у нихъ какъ-шо шамъ въ законѣ запрещено. Вошь эшо грибки съ смородинымъ лишешомъ и мушкашнымъ орѣхомъ! А вошь эшо большія шравянки: я ихъ еще въ первый разъ мариновала; не знаю, каковы-шо они; я

узнала секретъ ошъ ошца Ивана. Въ маленькой кадущкѣ прежде всего нужно разослашь дубовые лишья и пошомъ посыпашь перцомъ и селипрою и положишь еще, что бываетъ на Ничуйвишерѣ, цвѣшъ, шакъ эшомъ цвѣшъ взяшь и хвосшиками разослашь вверху. А вошъ эшо пирожки! эшо пирожки съ сыромъ! эшо съ урдою! а вошъ эшо шѣ, кошорья Аоонасій Ивановичъ очень любишь, съ капушою и гречневою кашею. «

»Да,« прибавлялъ Аоонасій Ивановичъ: »я ихъ очень люблю; они мягкіе и немножко кисленькіе.« Вообще Пульхерія Ивановна была чрезвычайно въ духѣ, когда бывали у нихъ гости. Добрая шарушка! Она вся была ошдана гостямъ. Я любилъ бывать у нихъ и хошя объѣдался спрашнымъ образомъ, какъ и всѣ, гостившіе у нихъ, хошя мнѣ эшо было очень вредно, однако жъ я всегда бывалъ радъ къ нимъ ѣхашъ. Впрочемъ я думаю, что неимѣешь ли самый воздухъ въ Малороссіи какого-шо особеннаго свойсшва, помогающаго пищеваренію, пошому, что если бы здѣсь

вздумалъ кто нибудь такимъ образомъ накушашься, то, безъ сомнѣнія, вмѣсто пошшли очушился бы лежащимъ на еполь.

Добрые шарички! Но повѣствованіе мое приближаешя къ весьма печальному событію, измѣнившему навсегда жизнь ашаго мирнаго уголка. Событіе это покажешя шѣмъ болѣе разишельнымъ, что произошло ошъ самага маловажаааго случая. Но по спранному усшройешву вещей, всегда ничшожныя причины родили великія событія и, на оборошъ, великія предпріяшія оканчивались ничшожными слѣдешвіями. Какой нибудь завоевашель собираешъ всѣ силы своего Государешва, воюешъ нѣсколькo лѣшъ, Полководцы его прославляюшеш и наконецъ все это оканчиваешеш пріобрѣшеніемъ клочка земли, на кошоромъ нѣгдѣ посяшъ каршофеля; а иногда, напрошивъ, два какіе нибудь колбасника двухъ городовъ подерушеш между собою за вздоръ и сеора объешмешъ наконецъ города, пошомъ веси и деревни, а шамъ и цѣлое Государешво. Но оешавимъ эши разушженія: они не идушъ еюда.

При шомъ я не люблю разсужденій, когда они осмѣяются шолько разсужденіями.

У Пульхеріи Ивановны была серинькая кошечка, кошорая всегда почши лежала свернувшись клубкомъ у ея ногъ. Пульхерія Ивановна иногда ее гладила и щекошала пальцемъ по ея шейкѣ, кошорую бадованная кошечка вышягивала какъ можно выше. Нельзя сказать, чшобы Пульхерія Ивановна слишкомъ любила ее, но просшо привязалась къ ней привыкши ее всегда видѣшь. Аоонасіи Ивановичъ однакожъ часшо подшучиваль надъ шакою привязанностію. » Я не знаю, Пульхерія Ивановна, чшо вы шакого находише въ кошкѣ. На чшо она? Если бы вы имѣли собаку, шогда бы другое дѣло: собаку можно взять на охощу, а кошка на чшо? « — » Ужъ молчише, Аоонасіи Ивановичъ, « говорила Пульхерія Ивановна: » вы любише шолько говоришь и больше ничего. Собака не чшешоплошная, собака нагадишь, собака перебѣшь все, а кошка шихое швореніе, она никому не сдѣлаешъ зла. «

Впрочемъ Аонасію Ивановичу было все равно, что кошки, что собаки; онъ для того только говорилъ шакъ, чтобы немножко подшутить надъ Пульхеріей Ивановной.

За садомъ находился у нихъ большой лѣсъ, кошорый былъ совершенно пощаженъ предприимчивымъ прикащикомъ, можешъ бышь онъ того, что спукъ шопора доходилъ бы до самыхъ ушей Пульхеріи Ивановны. Онъ былъ глухъ, занущенъ, ешарые древесные ешволы были закрышы разросшимся орѣшникомъ и походили на мохнашыя лапы голубей. Въ эшомъ лѣсу обижали дикіе кошы. Лѣсныхъ дикихъ кошовъ не должно смѣшивашъ съ шѣми удалцами, кошорые бѣгаюшъ по крышамъ домовъ. Находясь въ городахъ, они, не емошря на крушой правъ свой, гораздо болѣе цивилизованы, нежели обижашели лѣсовъ. Эшо, напрошивъ шого, болшею частію народъ мрачный и дикій. Они всегда ходяшъ шощіе, худые, мяукаюшъ грубымъ необработаннымъ голосомъ. Они подрываюшся иногда подземнымъ ходомъ

подъ самые анбары и крадушъ сало, являющ-ся даже въ самой кухнѣ, прыгнувши внезапно въ расшворенное окно, когда замѣшашъ, что поваръ пошелъ въ бурьянъ. Вообще никакія благородныя чувешва имъ не извѣшны; они живущъ хищничесшвомъ и душашъ маленькихъ воробьевъ въ самыхъ ихъ гнѣздахъ. Эши кошы долго обнюхивались сквозъ дыру подъ анбаромъ съ крош-кою кошечкою Пульхеріи Ивановны и на-конецъ подманнли ее, какъ ошрядъ сол-дашъ подманиваешъ глущую крешьянку. Пульхерія Ивановна замѣшнла пропажу кошки, послала искашъ ее, но кошка не находилась. Прошло шри дня; Пульхерія Ивановна пожалѣла, наконецъ вовсе о ней позабыла. Въ одинъ день, когда она ре-визировала свой огородъ и возвращалась съ вырванными своею рукою зелеными свѣжими огурцами для Аоонасія Ивано-вича, слухъ ея былъ пораженъ самымъ жалкимъ мяуканьемъ. Она, какъ будшо по инешинкшу, произнесла: кисъ, кисъ! и вдругъ изъ бурьяна вышла ея сѣринькая кошка, худая, шощая; замѣшно было, что

она нѣсколько уже дней не брала въ рошѣ никакой пищи. Пульхерія Ивановна продолжала звать ее, но кошка стояла передъ нею, мяукала и не смѣла подойти близко; видно было, что она очень одичала съ того времени. Пульхерія Ивановна пошла впередъ, продолжая звать кошку, которая боязливо шла за нею до самаго забора. Наконецъ, увидѣвши прежнія, знакомыя мѣста, вошла и въ комнату. Пульхерія Ивановна тотчасъ приказала подать ей молока и мяса и, сидя передъ нею, наслаждалась жадносною бѣдной своей фаворитки, съ какою она глотала кусокъ за кускомъ и хлебала молоко. Сѣринская бѣглянка почти въ глазахъ ея растолстѣла и была уже не такъ жадно. Она прощянула руку, чтобы погладить ее, но неблагодарная видно уже слишкомъ свыкла съ хищными кошками, или набралась романическихъ правилъ, что бѣдность при любви лучше палашъ, а кошки были голы какъ соколы, какъ бы то ни было, она выпрыгнула въ окошко и ни кто изъ дворовыхъ не могъ поймать ее.

Задумалась старушка: » Это смерть моя приходила за мною! « сказала она сама въ себѣ и ничто не могло ее разсѣять. Весь день она была скучна. Напрасно Аоонасіѣ Ивановичъ шушилъ и хошѣлъ узнать, ошъ чего она шакъ вдругъ загруешла: Пульхерія Ивановна была безошвѣшна, или ошвѣчала совершенно не шакъ, чшобы можно было удовлешворить Аоонасію Ивановича. На другой день она замѣшно похушла.

» Чшо это съ вами, Пульхерія Ивановна? Ужъ не больны ли вы? «

» Ншшь, я не больна, Аоонасіѣ Ивановичъ! Я хочу вамъ объявить одно особенное происшествіе: я знаю, чшо я этого лѣша умру: смерть моя уже приходила за мною! «

Уша Аоонасія Ивановича какъ-шо болѣзненно искривилась. Онъ хошѣлъ однакожъ побѣдить въ душѣ своей грустное чувешво и улыгнувшись сказалъ: » Богъ знаетъ чшо вы говорите, Пульхерія Ивановна! Вы вѣрно вмѣешо декогша, чшо часшо пѣете, вышили перешковой. «

» Пѣшь, Аоонасіѣ Ивановичъ, я не пила персиковой, « сказала Пульхерія Ивановна.

И Аоонасію Ивановичу сдѣлалось жалко, что онъ такъ пошушилъ надъ Пульхеріей Ивановной и онъ сморѣлъ на нее и слеза повисла на его рѣсницѣ.

» Я прошу васъ, Аоонасіѣ Ивановичъ, чшобы вы исполнили мою волю, « сказала Пульхерія Ивановна. » Когда я умру, шо похороните меня возлѣ церковной ограды. Плашье надѣньте на меня сѣринькое, шо, что сѣ небольшими цвѣточками по коричневому полю. Апласнаго плашья, что сѣ малиновыми полосками, не надѣвайше на меня: мершвой уже не нужно плашье. На что оно ей? А вамъ оно пригодится: изъ него сошьете себѣ парадный халашъ на случай когда прѣдуть госни, шо что бы можно было вамъ прилично показашься и приняшь ихъ. «

» Богъ знаетъ что вы говорите, Пульхерія Ивановна! « говорилъ Аоонасіѣ Ивановичъ: » когда-шо еще будетъ смерть, а вы уже спрашаше такими словами. «

» Нѣтъ, Аоонасій Ивановичъ, я уже знаю когда моя смершь. Вы однакожь не горюйте за мною: я уже шаруха, и довольно пожила, да и вы уже шары, мы скорѣ увидимся на шомъ свѣшѣ. «

Но Аоонасій Ивановичъ рыдалъ, какъ ребенокъ.

» Грѣхъ плакашь, Аоонасій Ивановичъ! Не грѣшише и Бога не гнѣвише своею печалью. Я не жалѣю о шомъ, что умираю. Объ одномъ шолько жалѣю я (шяжелый вздохъ прервалъ на минушу рѣчь ея): я жалѣю о шомъ, что не знаю, на кого ошавишь васъ, кшо приемошришь за вами, когда я умру. Вы какъ диня маленькое: нужно, чшобы любило васъ шо, которое будешь ухаживать за вами. « При эшомъ на лицѣ ея выразилась шакая глубокая, шакая сокрушительная сердечная жалость, чшо я не знаю, могъ ли бы кшо нибудь въ шо время глядѣшь на нее равнодушно.

» Смощри мнѣ, Авдоха, « говорила она, обращаясь къ ключницѣ, кошорую нарочно велѣла позвать: « когда я умру, чшобы

шы глядѣла за паномъ, чшобы берегла его, какъ глаза своего, какъ свое родное диня. Гляди, чшобы на кухнѣ готовилось шо, чшо онъ любишь. Чшобы бѣлье и плашье шы ему подавала всегда чистое; чшобы, когда госни случашся, шы принарядила его прилично, а шо пожалуй онъ иногда выйдешъ въ спаромъ халашѣ, пошому, чшо и шеперь часшо позабывашъ онъ, когда бывашъ праздничнй день, а когда будничнй. Не своди съ него глазъ, Явдоха, я буду молишься за шебя на шомъ свѣшѣ и Богъ наградишь шебя. Не забывай же, Явдоха: шы уже стара, шебѣ не долго жишь, не набирай грѣха на душу. Когда же не будешъ за нимъ приешривашъ, шо не будешъ шебѣ счастья на свѣшѣ. Я сама буду просишь Бога, чшобы не давалъ шебѣ благополучной кончины. И сама шы будешъ несчастна, и дѣши швои будущъ несчастны, и весь родъ вашъ не будешъ имѣшь ни въ чемъ благословенія Божія.

Бѣдная старушка! она въ шо время не думала ни о шой великой минушѣ, кошорая ее ожидаешъ, ни о душѣ своей, ни

о будущей своей жизни: она думала только о бѣдномъ своемъ спутникѣ, съ кошорымъ провела жизнь и кошораго осмавляла снрымъ и безпріюннимъ. Она съ необыкновенною распоропносшію распорядила все такимъ образомъ, чшобы послѣ нее Аоонасій Ивановичъ не замѣшилъ ея ошсущсшвія. Увѣренность ея въ близкой своей кончинѣ, шакъ была сильна и сосшоаніе души ея шакъ было къ эшому наспроено, чшо дѣйсшвшельно чрезъ нѣскольго дней она слегла въ постелю и не могла уже прнннмашъ никакой шнщн. Аоонасій Ивановичъ весь преврашлся во внимашельность и не ошходплъ ошъ ея постели. »Можешъ бышь вы чего ннбудь бы покушали, Пульхерія Ивановна? « говорплъ онъ, съ безпокойсшвомъ смощра въ глаза ей. Но Пульхерія Ивановна ннчего не говорпл. Наконещъ послѣ долгаго молчанія, какъ будшо хонѣла она чшо-шо сказашъ, пошевела губамн — и дыханіе ея улешѣло.

Аоонасій Ивановичъ былъ совершенно пораженъ. Эшо шакъ казалось ему днко,

что онъ даже не заплакалъ. Мушными глазами глядѣлъ онъ на нее, какъ бы не зная всего значенія шрупа.

Покойницу положили на снопъ, одѣли въ шо самое платье, кошорое она сама назначила, сложили ей руки крешомъ, дали въ руки восковую свѣчу — онъ на все это глядѣлъ безчувешвенно. Множешво народа всякаго званія наполнило дворъ, множешво гешей прѣхало на похороны, длинныя снолы разешавлены были по двору, кушья, наливки, пироги лежали кучами, геши говорили, плакали, глядѣли на покойницу, разешудали о ея качешвахъ, смошрѣли на него; но онъ самъ на все это глядѣлъ ешранно. Покойницу понесли наконецъ, народъ повалилъ слѣдомъ, и онъ пошелъ за нею; священники были въ полномъ облаченіи, солище свѣшило, грудные ребенки плакали на рукахъ машерей, жаворонки пѣли, дѣши въ рубашенкахъ бѣгали и рѣзвились по дорогѣ. Наконецъ гробъ поставили надъ ямой, ему велѣли подойши и поцѣловашъ въ послѣдній разъ покойницу: онъ подошелъ,

поцѣловаль, на глазахъ его показались слезы, но какіе-то безчувственныя слезы. Гробъ опустили, священникъ взялъ засшупъ и первый бросилъ горсть земли, густой просяжной хоръ дьячка и двухъ пономарей проѣлъ вѣчную памяшь подъ чистымъ безоблачнымъ небомъ, рабочники принялись за засшупы и земля уже покрыла и сражняла яму, — въ это время онъ пробрался впередъ; всѣ разсшупились, дали ему мѣсто, желая знашь его намѣреніе. Онъ поднялъ глаза свои, посмошрѣлъ смушно и сказалъ: »Такъ вошь это вы уже и погребли ее! зачѣмъ?!.. « Онъ осшановился и недокончилъ своей рѣчи.

Но когда возвратился онъ домой, когда увидѣлъ, что пусто въ его комнашѣ, что даже сшულъ, на кошоромъ сидѣла Пульхерія Ивановна, былъ вынесенъ — онъ рыдалъ, рыдалъ сильно, рыдалъ неушѣшно и слезы какъ рѣка лились изъ его шусклыхъ очей.

Пяшь лѣшъ прошло съ шого времени. Какого горя не уносишь время? Какая спрасъ уцѣлѣешъ въ неровной бишѣ съ нимъ? Я зналъ одного человекъ въ цвѣшѣ

юныхъ еще силъ , исполненнаго испиннаго благородства и достоинства , я зналъ его влюбленнымъ нѣжно , спрашно , бѣшено , дерзко , скромно , и при мнѣ , при моихъ глазахъ почти , предметъ его спраши — нѣжная прекрасная какъ Ангелъ — была поражена ненасытною смертію . Я никогда не видалъ такихъ ужасныхъ порывовъ душевнаго сраданія , такой бѣшеной палящей шоски , шакого пожирающаго опчаянія , какія волновали несчастнаго любовника . Я никогда не думалъ , чшобы могъ человекъ создать для себя такой адъ , въ кошоромъ ни шѣни , ни образа и ни чего , чшобы сколько нибудь походило на надежду . . . . Его спарались не выпускашь съ глазъ ; онъ него спряшали всѣ орудія , кошорыми бы онъ могъ умершвишь себя . Двѣ недѣли спуся , онъ вдругъ побѣдилъ себя : началъ смѣяться , шушишь ; ему дали свободу , и первое , на что онъ упошребилъ ее , эшо было — купишь писмошеть . Въ одинъ день внезапно раздавшійся выспрѣлъ перепугалъ ужасно его родныхъ . Они вбѣжали въ его

комнашу и увидѣли его распрощершаго съ раздробленнымъ черепомъ. Врачъ, случившійся тогда, объ искусствѣ кошораго гремѣла всеобщая молва, увидѣлъ въ немъ признаки существованія, нашель рану не совѣмъ смертельною и онъ, къ изумленію всѣхъ, былъ вылеченъ. Присмотръ за нимъ увеличили еще болѣе. Даже за шоломъ не клали возлѣ его ножа и шарилсь удалишь все, чѣмъ бы могъ онъ себя ударишь; но онъ въ скоромъ времени нашель новый случай и бросилсь подъ колеса проѣзжавшаго экипажа. Ему разшрощило руку и ногу; но онъ онышь былъ вылеченъ. Годъ послѣ этого я видѣлъ его въ одномъ многлюдномъ залѣ: онъ сидѣлъ за шоломъ, весело говорилъ: пешинш-увершъ закрывши одну каршу и за нимъ облокошившись на спинку его ешула, молоденькая жена его, перебирая его марки.

По исшеченіи сказанныхъ няши лѣшь послѣ смерти Пульхеріи Ивановны, я, будучи въ шѣхъ мѣсахъ, заѣхаль въ хушорокъ Аоонасія Ивановича навѣсшишь моего ешариннаго сосѣда, у кошораго когда-шо

пріятно проводилъ день и всегда объѣдался лучшими издѣліями радушной хозяйки. Когда я подѣхалъ ко двору; домъ мнѣ показался вдвое ширѣе, крестьянскія избы совсѣмъ легли на бокъ, безъ сомнѣнія также, какъ и владѣльцы ихъ; часоколы и плешень въ дворѣ были совсѣмъ разрушены и я видѣлъ самъ, какъ кухарка выдергивала изъ него палки для зашопки печи, тогда какъ ей нужно было сдѣлать шолько два шага лишніхъ, чшобы доспашъ шущъ же наваленнаго хвороса. Я съ грустью подѣхалъ къ крыльцу, шѣ же самыя барбосы и бровки, уже слѣпыя, или съ перебишыми ногами, залаяли поднявши вверхъ свои волнишые, обвѣшенныя репейниками хвосшы. На встрѣчу вышелъ шарикъ. Такъ эшо онъ! я шшчасъ узналъ его; но онъ согнулся уже вдвое прошивъ прежняго. Онъ узналъ меня и привѣшшвовалъ съ шшою же знакомою мнѣ улыбкою. Я вошелъ за нимъ въ комнашы; казалось, все было въ нихъ по прежнему, но я замѣшилъ во всемъ какой-шо спранный безпорядокъ, какое-шо ошущишельное

ошеушешвіе чего-шо; словомъ, я ощушилъ въ себѣ шѣ странныя чувешва, кошорыя одолѣваюшъ нами, когда мы вешупаемъ первой разъ въ жилище вдовца, кошораго прежде знали нераздѣльнымъ съ подругою, сопровождавшею его всю жизнь. Чувешва эши бываюшъ похожи шогда, когда видимъ передъ собою шого челоуѣка, кошораго всегда знали здоровымъ, безъ ноги. Во всемъ видно было ошеушешвіе забашливой Пульхеріи Ивановны: за ешоломъ подали одинъ ножъ безъ колодочки; блюда уже не были пригошовлены съ шакимъ искусшвомъ. О хозяйешвѣ я не хошѣлъ и еспросишъ, боялся даже и взглянушъ на хозяйешвенныя заведенія.

Когда мы сѣли за ешоль, дѣвка завязала Аоонасія Ивановича салфешкою и очень хорошо сдѣлала, пошому, что безъ шого онъ бы весь халашъ свой запачкалъ соусомъ. Я ешарался его чѣмъ нибудъ заняшъ и рассказывалъ ему разныя новеши, онъ слушалъ съ шою же улыбкою, но по временамъ взглядъ его былъ совершенно безчувешвенъ и мысли не разбродились, но

исчезали. Часно поднималъ онъ ложку съ кашею, вмѣсто шого, чшобы подносишь ко ршу, подносилъ къ носу, вилку свою, вмѣсто шого, чшобы вонзисшь въ кусокъ цыпленка, онъ шыкаль въ графинъ, и шогда дѣвка, взявши его за руку, навонила на цыпленка. Мы иногда ожидали по нѣсколько минушь слѣдующаго блюда. Аоонасій Ивановичъ уже самъ замѣчалъ эшо и говорилъ: »Чшо эшо шакъ долго не несущъ кушанья? « Но я видѣль сквозь щель въ дверяхъ, чшо мальчикъ, разносившій намъ блюда, вовсе не думалъ о шомъ и спалъ свѣсивши голову на скамью.

»Вошь эшо шо кушанье,« сказалъ Аоонасій Ивановичъ, когда подали намъ *мншшки* со смѣшаною, »эшо шо кушанье«, продолжалъ онъ и я замѣнилъ, чшо голосъ его началъ дрожать и слеза гошовилась выгянушь изъ его свинцовыхъ глазъ, но онъ собиралъ все усилія, желая удержашъ ее. »Эшо шо кушанье, кошорое по ... по ... покой .... покойни ... « и вдругъ брызнулъ слезами. Рука его упала на шарелку, шарелка опрокинулась, полешѣла и разби-

ласть, соусъ залилъ его всего; онъ сидѣлъ безчувшвенно, безчувшвенно держалъ ложку и слезы, какъ ручей, какъ немолчно точущій фоншанъ, лились, лились ливмя на заспилавшую его салфешку.

Боже! думалъ я, глядя на него: пншь дѣшь все испребляющаго времени — шарикъ уже безчувшвенный, шарикъ, кошораго жизнь, казалось, ни разу не возмушало ни одно сильное ощущение души, кошораго вся жизнь, казалось, состояла только изъ сидѣннй на высокоомъ стулѣ, изъ яденнй сушеныхъ рыбокъ и грушъ, изъ добродушныхъ разеказовъ — и шакая долгая, шакая жаркая печаль? Чшо же сильнѣе надъ нами: спрасшь, или при-вычка? Или всѣ сильныя порывы, весь вихоръ нашихъ желаннй и кипящихъ спрасшей — ешь только слѣдствнй нашего яркаго возраста и пошому одному только кажущая глубоки и сокрушншельны. Чшо бы ни было, но въ эшо время мнѣ казалась дѣшескими всѣ наши спрасши прошивъ эшой долгой, медленной, почти безчувшвенной привычки. Нѣсколькo разъ

сидился онъ выговоришь имя покойницы, но на половинѣ слова спокойное и обыкновенное лице его судорожно исковеркивалось и плачь дичяши поражаль меня въ самое сердце. Нѣтъ, это не шѣ слезы, на кошорые обыкновенно шакъ щедры шарички, представляющіе вамъ жалкое свое положеніе и несчасія: это были шакже не шѣ слезы, кошорыя они роняють за ешаканомъ пуншу; нѣтъ! это были слезы, кошорые шекли неспрашиваясь, сами собою, накопляясь ошъ ѣдкоси боли уже охладѣвшаго сердца.

Онъ недолго послѣ шого жилъ. Я недавно услышалъ объ его смерти. Сшранно однако же шо, что обешояшельсшва кончины его имѣли какое-шо сходешво съ кончиною Пульхеріи Ивановны. Въ одинъ день Аоонасіій Ивановичъ рѣшилсш немного пройшисъ по саду. Когда онъ медленно шель по дорожкѣ, съ обыкновенною своею безпечностію вовсе не имѣя никакой мысли, съ нимъ случилосъ сшранное проешешвіе. Онъ вдругъ услышалъ, что позади его произнесъ кто-шо довольно яв-

сшвеннымъ голосомъ: Аонасій Ивановичъ! Онъ оборотился, но никого совершенно не было, посмотрѣлъ во все стороны, заглянулъ въ кушны — нигдѣ никого. День былъ тихъ и солнце сіяло. Онъ на минушу задумался; лице его какъ-то оживилось и онъ наконецъ произнесъ: » Эшо Пульхерія Ивановна зовешъ меня! « Вамъ, безъ сомнѣнія, когда нибудь случалось слышать голосъ, называющій васъ по имени, который просюлюдимы объясняютъ такъ: что душа спосковалось за челоукомъ и призываетъ его; послѣ кошораго слѣдуешъ неминуемо смерть. Признаюсь, мнѣ всегда былъ спрашенъ эшошъ шайншвенный зовъ. Я помню, что въ дѣшешвѣ я часто его слышала: иногда вдругъ позади меня кшо-шо явшвенно произносилъ мое имя. День обыкновенно въ эшо время былъ самый ясный и солнечный; ни одинъ листъ въ саду на деревъ не шевелился, тишина была мершвая, даже кузнечикъ въ эшо время пересшавалъ, ни души въ саду; но признаюсь, если бы ночь самая бѣшеная и бурная со всемъ адошъ сшихій насшигла

меня одного среди непроходимого лѣса, я бы не шакъ испугался ея, какъ эшой ужасной шишины, среди безоблачнаго дня. Я обыкновенно тогда бѣжалъ съ величайшимъ страхомъ и занимавшимся дыханіемъ изъ сада и тогда только успокоивался, когда попадался мнѣ на встрѣчу какой нибудь человекъ, видъ кошораго изгонялъ эту спрашную сердечную пущыню.

Онъ весь покорился своему душевному убѣжденію, что Пульхерія Ивановна зовешъ его; онъ покорился съ волею послушнаго ребенка, сохнулъ, кашлялъ, шаялъ какъ свѣчка и наконецъ угасъ шакъ какъ она, когда уже ничего не осшалось, что бы могло поддержать бѣдное ея пламя. »Положише меня возлѣ Пульхеріи Ивановны«, вопшъ все, что произнесъ онъ передъ своею кончиною.

Желаніе его исполнили и похоронили возлѣ церкви близъ могилы Пульхеріи Ивановны. Госшей было меньше на похоронахъ, но проешаго народа и нищихъ было шакое же множешво. Домикъ барекій уже сдѣлался вовсе пущь. Предпримчивый

прикащикъ вмѣстѣ съ войномъ перешащили въ свои избы все оставшіяся сшаринныя вещи и рухлядь, кошорую не могла ушацишь ключница. Скоро прѣхаль неизвѣстно ошкуда какой-шо дальній родсвенникъ, наслѣдникъ имѣнія, служившій прежде поручикомъ не помню въ какомъ полку, сшрашный реформашоръ. Онъ увидѣль шомчасъ величайшее разсшройсшво и упущеніе въ хозяйсшвенныхъ дѣлахъ; все это рѣшилсш онъ нешремѣнно искоренишь, исправишь и ввешш во всемъ порядокъ. Накупишь шесшь прекрасныхъ Англическихъ серповъ, приколошилъ къ каждой избѣ особенный номеръ и наконецъ шакъ хорошо распорядилсш, что имѣніе черезъ шесшь мѣсяцевъ взяшо было въ опеку. Мудрая опека (изъ одного бывшаго засѣдшеля и какого-шо шшабесъ-капшшана въ полниямомъ мундирѣ) перевела въ нешродолжшшельное время все куры и яйцы. Избы, почши совсѣмъ лежавшія на землѣ, развалилсш все; мужики распьянсшвовались и сшали болшешо часшю числшсь въ бѣгахъ. Самъ же насшоящій владѣшель,

кошорый впрочемъ жилъ довольно мирно съ своею опекою и шилъ вмѣстѣ съ нею пуншъ, прѣзжалъ очень рѣдко въ свою деревню и проживалъ недолго. Онъ до сихъ поръ ѣздишь по всеѣмъ ярмаркамъ въ Малороссіи; щашельно освѣдомляется и примѣивается къ цѣнамъ на разные большіе произведенія, продающіеся опшомъ, какъ-шо: муку, пеньку, медъ и прочее, но покунаешъ только небольшія бездѣлушки, какъ - шо: кремешки, гвоздь прочищашъ шрубку и вообще все шо, чшо не превышаетъ всеѣмъ опшомъ своимъ цѣны одного рубля.

ТАРАСЪ БУЛЬБА.

А побороши мене! Цілий день
якщо не вийду! Що це за нове
це підвешення? Не дякую, не ходять
вниз?
Таким словом виступав
влада була сповнена сонця, і вранці
на Нівській вулиці в підвешеннях уже
домі катили.

I.

» **А** поворошись сынку! цурь шебѣ, какой шы смѣшной! Чшо эшо на васѣ за поповскіе подраєники? И эдакъ всѣ ходяшь въ Академіи? «

Такими словами вспрѣшилъ сшарый Бульба двухъ сыновей своихъ, учившихся въ Кіевской Бурсѣ и пріѣхавшихъ уже на домъ къ ошцу.

Сыновья его только что слезли съ коней. Это были два дюжіе молодца, еще сморщившіе изъ подлоба, какъ недавно выпущенные семинаристы. Крѣпкія, здоровыя лица ихъ были покрыты первымъ пухомъ волосъ, кошораго еще не касалась бритва. Они были очень сконфужены такимъ приѣмомъ опца и стояли неподвижно пошупивъ глаза въ землю.

»Постойше, постойше дѣши,« продолжалъ онъ, поворачивая ихъ: »какія же длинныя на васъ свшкы. * Вошь это свшкы! Ну, ну, ну! такихъ свшокъ еще никогда на свѣшѣ не было. А ну побѣгнше оба: я посмотрю, не попадаете ли вы?«

» Не смѣйся, не смѣйся башку!« сказала наконецъ старшій изъ нихъ.

»Фу шы какой пышной! а ошь чегожь бы не смѣяшься?«

»Да шакъ. Хошь шы миѣ и башку, а какъ будешь смѣяшься, шо ей Богу поколочу!«

* Свшкой называется верхняя одежда у Малороссіянъ.

» Ахъ ты сякой шакой сынъ! Какъ, башька? « сказала Тарасъ Бульба, ошесутивши съ удивленіемъ нѣсколько назадъ.

» Да хошь и башька. За обиду не по-смошрю и не уважу никого. «

» Какъ же ты хочешь со мною бишься? развѣ на кулаки?

» Да ужъ на чемъ бы то ни было. «

» Ну давай на кулаки! « говорилъ Бульба, засучивъ рукава. И ошець съ сыномъ, вмѣсто привѣшешвія послѣ давней ошлучки, начали преусердно колошити другъ друга.

» Вошь эшо сдурѣль старый! « говорила блѣдная, худощавая и добрая мать ихъ, стоявшая у порога и неуспѣвшая еще обняшь ненаглядныхъ дѣшей своихъ. » Ей Богу сдурѣль! Дѣши пріѣхали домой, больше году не видѣли ихъ, а онъ задумаль Богъ знаешь что: бишься на кулачки. «

» Да онъ славно бьешся! « говорилъ Бульба остановившись. » Ей Богу хорошо! шакъ шаки «, продолжалъ онъ, немного оправляясь: » хошь бы и не пробовашь. Добрый будешь казакъ! Ну здоровъ сынку!

почеломкаемся! « И ошець съ сыномъ начали цѣловашься. » Добре сынку! Вошь такъ колоши всякаго, какъ меня шузиль. Никому не спускай! А все шаки на шебѣ смѣшное убранство. Чшо это за веревка висить? А ты, Бейбась, чшо спощишь и руки опуещиль? « говорилъ онъ, обращаясь къ младшему. » Чшожь ты, собачій сынъ, не колошишь меня? «

» Вошь еще выдумаль чшо! « говорила мать, обнимавшая между шѣмъ младшаго. »И придешь же въ голову! Какъ можно, чшо-бы диня било роднаго опца? Пришомъ будшо до шого шеперь: диня малое, проѣхало шолько пуши, ушомилось (эшо диня было дваццаши слишкомъ лѣшь и ровню въ сажень ростомъ), ему бы шеперь нужно оппочишь и поѣшь чего нибудь, а онъ засшавляешъ бишься! «

» Э да ты мазунчикъ, какъ я вижу! « говорилъ Бульба. » Не слушай, сынку, матери: она баба. Она ничего не знаешъ. Какая вамъ нѣжба? Ваша нѣжба — чешное поле, да доброй конь; вошь ваша нѣжба. А видише вошь эшу саблю — вошь ваша

машерь! Эшо все дрянъ, чѣмъ набиваюшъ васъ: и Академія и все шѣ книжки, буквари и филозофія, все эшо *ка зна що*, я плевашъ на все эшо! « Бульба присовокупилъ еще одно слово, которое въ печати нѣсколько выразишельно и пошому его можно пропуснись. » Я васъ на шой же недѣлѣ отправлю на Запорожье. Вошъ шамъ ваша школа! Вошъ шамъ шолько наберешесь разуму. «

» И шолько всего одну недѣлю бышь имъ дома? « говорила жалосшно, со слезами на глазахъ, худошавая сшаруха-машъ. » И погуляшь имъ бѣднымъ не удасся и дому родного нѣкогда будешъ узнашь имъ и миѣ неудасся наглядѣшься на нихъ! «

» Полно, полно сшаруха! Казакъ не на шо, чшобы возишься съ бабами. Сшупай скорѣе, да носи намъ все, чшо ни ешь, на ешоль. Пампушекъ, маковиковъ, медовиковъ и другихъ пундиковъ не нужно, а прямо шакъ и шащи намъ цѣлаго барана на ешоль. Да горѣлки, чшобы горѣлки было побольше! Не эшой разной, чшо съ выдумками: съ изюмомъ, родзинками и дру-

гими вышребеньками, а чешою горѣлки, нашоющей, шакой, чшобы шипѣла какъ бѣсь! «

Бульба повель сыновеи своихъ въ свѣшлицу, изъ кошорой пугливо выбѣжали двѣ здоровыя дѣвки въ красныхъ монисшахъ, увидѣвши прѣхавшихъ паничей, кошорые не любили спускашь никому. Все въ свѣшлицѣ было убрано во вкусѣ шого времени; а время эшо касалось XVI вѣка, когда еще шолько чшо начинала раждашься мысль объ Униі. Все было чешо, вымазано глиною. Вся ешѣна была убрана саблями и ружьями. Окна въ свѣшлицѣ были маленькіе съ круглыми машовыми ешеклами, какіе вешрѣчаюшя нынѣ шолько въ ешаринныхъ церквахъ. На полкахъ, занимавшихъ углы комнашы и сдѣланныхъ угольниками, ешояли глиняныя кувшины, синія и зеленныя фляжки, серебряныя кубки, позолоченныя чарки Венеціянскои, Турецкои и Черкесскои рабошы, зашедшіе въ свѣшлицу Бульбы разными пушями чрезъ прешьи и чешвершые руки, чшо было очень обыкновенно въ эши удалыя времена. Липовыя

скамьи вокругъ всей комнашы и огромный еполь посреди ея, печь разѣхавшаяся наполь комнашы, какъ шолешая русская купчиха, съ какими-шо нарисованными пѣшухами на израсцахъ — всѣ эти предметы были довольно знакомы нашимъ двумъ молодцамъ, приходившимъ почти каждый годъ домой на каникулярное время, приходившимъ пошому, что у нихъ не было еще коней и пошому, что не было въ обычаѣ позволяшь школярамъ ѣздить верхомъ. У нихъ были шолько длинныя чубы, за кошорые могъ выдрашь ихъ всякой казакъ, носившій оружіе. Бульба шолько при выпускѣ ихъ послалъ имъ изъ шабуна своего пару молодыхъ жеребцовъ.

» Ну, сынки! прежде всего вышьемъ горѣлки! Боже, благослови! Будше здоровы, сынки: и шы, Османъ, и шы, Андрій! Дай же Боже, чтобы вы на войнѣ всегда были удачливы! Чтобы бусурменовъ били, и Турковъ бы били, и Ташарву били бы, когда и Ляхи начнушь что прошивъ вѣры нашей чинишь, шо и Ляховъ бы били. Ну, подешавляй свою чарку; что, хороша

горѣлка? А какъ по Лашыни горѣлка? То-шо сынку, дурни быди Лашынцы: они и не знали, ешь ли на свѣшѣ горѣлка. Какъ бишь того звали, чшо Лашинскіе вирши писалъ? Я грамошы-шо не слишкомъ разумѣю, шо и не помню; Горацій, кажешся?»

» Вишь какой башька, « подумаль про себя старшій сынъ, Оспаць: » все, собака, знаешь, а еще и прикидываешся. «

» Я думаю, Архимандришь «, продолжалъ Бульба: » не давалъ вамъ и поноухашъ горѣлки. А чшо, сынки, признайшесь, порядочно васъ спегали березовыми да вишневыми по спинѣ и по всему, а можешъ, шакъ какъ вы уже слишкомъ разумные, шо и плешюгами? Я думаю, кромѣ субошки драли васъ и по середамъ и по чешвергамъ? «

» Нечего, башько, вспоминашь, « говорилъ Оспаць съ обыкновеннымъ своимъ флегматическимъ видомъ: » чшо было, шо уже прошло. «

» Теперь мы можемъ росписанъ всякаго, « говорилъ Андрій: » саблями да списами. Вошь нуешь шолько попадешся Ташарва. «

» Добре, сынку! ей Богу добре! Да когда шакъ, шо и я съ вами ъду! ей Богу ъду. Какого дьявола миѣ здѣсь ожидашь? Чшо, я долженъ развѣ смошрѣшь за хлѣбомъ, да за свинарями? Или бабинься съ женою? Чшобъ она пропала! Чшобъ я для ней оспавался дома? Я казакъ. Я не хочу! Такъ чшо же, чшо нѣшь войны? Я шакъ поѣду съ вами на Запорожьѣ, погуляшь. Ей Богу ъду! « И шарый Бульба мало по малу горячился и наконецъ разсердился совсѣмъ, вспаль изъ за сшола и, пріосамившись, шопнулъ ногою. » Завшра же ъдемъ! Зачѣмъ опкладывашъ. Какого врага мы можемъ здѣсь выендѣшь? На чшо намъ эша хаша? къ чему намъ все эшо? на чшо эши горшки? « При эшомъ Бульба началъ колонишь и швыряшь горшки и флажки. Бѣдная шарушка жена, привыкшая уже къ шакимъ пошупкамъ своего мужа, печально глядѣла, сидя на лавкѣ. Она не смѣла ничего говорить; но услышавши о шакомъ спрашномъ для нея рѣшеніи, она не могла удержашься ошъ слезъ; взглянула на дѣшей своихъ, съ кошорыми

*

угрожала така скорая разлука — и ни кто бы не могъ описашь всей безмолвной силы ея горещи, кошорая, казалось, пренешала въ глазахъ ея и въ судорожно сжатыхъ губахъ. Бульба былъ упрямя спрашно. Эшо былъ одинъ изъ шѣхъ характеровъ, кошорые могли шолько возникнушь въ грубый XV вѣкъ и при шомъ на полукочующемъ воспокъ Европы во время праваго и неправаго поняшїа о земляхъ, сдѣлавшихся какимъ-шо спорнымъ, нерѣшеннымъ владѣніемъ, къ какимъ принадлежала шогда Украина. Вѣчная необходимосшь пограничной защиты прошивъ шрехъ разнохарактерныхъ націй — все эшо придавало какой-шо вольный, широкій размѣръ, подвигамъ сыновъ ея и воспишало упрямышво духа. Эшо упрямышво духа ошпечашалось во всей силѣ на Тарасѣ Бульбѣ. Когда Баторій успроилъ полки въ Малороссїи и облекъ ее въ шу воиншвенную армашуру, кошорою сперва означены были одни обшашели пороговъ, онъ былъ изъ числа первыхъ Полковниковъ. Но при первомъ случаѣ перессорился со всѣми другими за

шо, что добыча, приобрѣшенная ошъ Татаръ соединенными Польскими и Казацкими войсками, была раздѣлена между ими не поровно и Польскіе войска получили болѣе преимущесва. Онъ въ собраніи всѣхъ сложилъ съ себя достоинство и сказалъ: »Когда вы, господа Полковники, сами не знаете правъ своихъ, то пусть же васъ чортъ водить за носъ. А я наберу себѣ собственннй полкъ и кто у меня вырветъ мое, тому я буду знать какъ ушереть губы.« Дѣйствительно, онъ въ непродолжительное время изъ своего же опцовскаго имѣнія составилъ довольно значительный опрядъ, кошорый состоялъ вмѣстѣ изъ хлѣбопашцевъ и воиновъ и совершенно покорсвовался его желанію. Вообще онъ былъ большой охотникъ до набѣговъ и буншовъ; онъ носомъ слышалъ, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ вспыхивало возмущеніе и уже какъ снѣгъ на голову являлся на конѣ своемъ. »Ну, дѣши! что и какъ? кого и за что нужно бишь?« обыкновенно говорилъ онъ и вмѣшивался въ дѣло. Однакожь прежде всего онъ сшрого

разбираль обешояшельсхва и въ шакомъ шолько случаѣ приешаваль, когда видѣль, что подиявшіе оружіе дѣйствительнo имѣли право подияшь его, хошя эшо право было, по его мнѣнію, шолько въ слѣдующихъ случаяхъ: если сосѣдняя нація уго- няла скопш, или ошрѣзывала часш земли, или коммисары налагали большую повин- носш, или неуважали старшинъ и гово- рили передъ ними въ шанкахъ, или по- смѣвались надъ Православною вѣрою — въ эшихъ случаяхъ непремѣнно нужно было брашься за саблю; прошивъ бусур- мановъ же, Ташаръ и Турокъ, онъ почи- шаль во всякое время справедливымъ под- ияшь оружіе во славу Божию, Хришіан- сшва и Казачесшва. Тогдашнее положеніе Малороссіи, еще не сведенное ни въ ка- кую сисшему, даже не приведенное въ из- вѣсшность, способешвовало существова- нію многихъ совершенно ошдѣльныхъ пар- тизановъ. Жизнь ведъ онъ самую просшую и его нельзя бы было вовсе ошличить ошъ рядоваго казака, если бы лице его не сохранияло какой-шо повелишельности и

даже величія, особливо когда онъ рѣшался защищать что нибудь. Бульба заранѣе утѣшалъ себя мыслию о томъ, какъ онъ явится теперь съ двумя сыновьями и скажешь: » Вошь посмошрише, какихъ я къ вамъ молодцевъ привель! « Онъ думалъ о томъ, какъ повезешь ихъ на Запорожье—эту военную школу тогдашней Украйны, представивъ своимъ сошоварищамъ и поглядивъ, какъ при его глазахъ они будутъ подвизаться въ ратной наукѣ и бражниченствѣ, которое онъ почиталъ тоже однимъ изъ первыхъ достоинствъ рыцаря. Онъ въ началѣ хотѣлъ отправить ихъ однихъ, потому что считалъ необходимостію заняться новою сформировкою полка, требовавшей его присутствія. Но при видѣ своихъ сыновей, рослыхъ и здоровыхъ, въ немъ вдругъ всыхнуль весь воинскій духъ его и онъ рѣшился самъ съ ними ѣхать на другой же день, хотя необходимостъ эшаго была одна только упрямая воля.

Не перья ни минушы, онъ уже началъ отдавать приказанія своему асаулу, кошо-

раго называлъ Товкачемъ, пошому, чшо шомъ дѣйствительнѣе похожъ былъ на какую-шо хладнокровную машину, во время бишвы онъ равнодушно шель по непріятельскимъ рядамъ, разчищая своєю саблей, какъ будшо бы мѣсилъ шѣшо, какъ кулачный боець, прочищающій себѣ дорогу. Приказанія состояли въ шомъ, чшобы осшавашься ему въ хушорѣ покамѣшъ онъ дашъ знашь ему вышупишь въ походѣ. Послѣ эшаго пошелъ онъ самъ по куренямъ своимъ, раздавая приказанія нѣкошорымъ ѣхашъ съ собою, напоишь лошадей, накормишь ихъ пшеницею и подашь себѣ коня, кошораго онъ обыкновенно называлъ чоршомъ.

» Ну, дѣши, шеперь надобно спашъ, а завшра будемъ дѣлашь шо, чшо Богъ дашъ. Да не штели намъ пошеть! Намъ не нужна пошеть. Мы будемъ спашъ на дворѣ. «

Ночь еще шолько чшо обняла небо, но Бульба всегда ложился рано. Онъ развалился на коврѣ, накрылся бараньимъ шупуномъ, пошому чшо ночной воздухъ былъ доволно свѣжъ и пошому чшо Бульба

любили укрышыся пошеплѣе, когда былъ дома. Онъ векорѣ захрапѣлъ и за нимъ послѣдовалъ весь дворъ. Все, что ни лежало въ разныхъ его углахъ, захрапѣло и запѣло; прежде всего заснулъ спорожъ, пошому что болѣе всѣхъ напился для прїѣзда паничей. Одна бѣдная мать не спала. Она приникла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежавшихъ рядомъ. Она расчесывала гребнемъ ихъ молодья, небрежно включенныя кудри и смачивала ихъ слезами. Она глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми чувешвами, вся превращилась въ одно зрѣніе и не могла наглядѣшья. Она вскормила ихъ собешвенною грудью; она возрасшила, взлелѣяла ихъ — и шолько на одинъ мигъ видишь ихъ передъ собою. » Сыны мои, сыны мои милые! что будешь съ вами? что ждешъ васъ! Хоть бы недельку мнѣ поглядѣшь на васъ! « говорила она и слезы ошановились въ морщинахъ, измѣнившихъ ея когда-шо прекрасное лице. Въ самомъ дѣлѣ она была жалка, какъ всякая женщина шого удалаго вѣка. Она мигъ шолько жила

любовью, только в первую горячку спра-
сни, в первую горячку юности и уже
суровый прельститель ее покидал ее для
сабли, для шоварищей, для бражничества.
Она видела мужа в годь два, три дня,
и потом нѣсколько лѣтъ о немъ не бы-
вало слуха. Да и когда видѣлась съ нимъ,
когда они жили вмѣстѣ, что за жизнь ее
была? Она терпѣла оскорбленія, даже по-
бои; она видѣла изъ милосердія только ока-
зываемыя ласки; она была какое-то стран-
ное существо вѣ этомъ соборіицѣ безжен-
ныхъ рыцарей, на кошорыхъ разгульное
Запорожье набрасывало суровый колоритъ
свой. Молодость безъ наслажденія мельк-
нула передъ нею и ее прекрасныя свѣжія
щеки и перси безъ лобзаній опцвѣли и
покрылись преждевременными морщинами.
Вся любовь, все чувствва, все, что есть
нѣжнаго и страшнаго въ женщинѣ, все
обратилось у ней въ одно машеринское
чувство. Она съ жаромъ, съ страхью,
съ слезами, какъ сшешная чайка вилась
надъ дѣтьми своими. Ея сыновей, ее ми-
лыхъ сыновей берушь опъ нее, берушь

для того, чтобы не увидѣшь ихъ никогда. Кто знаешь, можешь бышь при первой бившѣ Ташаринѣ срубишь имъ головы и она не будешь знашь, гдѣ лежатъ брошенные шѣла ихъ, кошорыя расклюешь хищная подорожная птица и за каждый кусочикъ кошорыхъ, за каждую каплю крови она ошдала бы все. Рыдая, глядѣла она имъ въ очи, кошорыя всемогущій сонъ начиналъ уже смыкать, и думала: авось-либо Бульба, проснувшись, оперочишь денька на два отъѣздъ. Можешь бышь онъ задумалъ онъ того шакъ скоро ѣхашъ, что много выпилъ.

Мѣсяць съ вышины неба давно уже озарялъ весь дворъ, наполненный спящими, густую кучу вербъ и высокій бурьянъ, въ кошоромъ пошонулъ часококоль, окружавшій дворъ. Она все сидѣла въ головахъ милыхъ сыновей своихъ, ни на минушу не сводила съ нихъ глазъ своихъ и не думала о снѣ. Уже кони, зачуя разсвѣшь, всѣ полегли на шраву и перестали ѣшь; верхнія листья вербъ начали лепешашъ и мало по малу лепечущая струя

спустилась по нимъ до самаго низу. Она проспѣла до самаго свѣша, вовсе не была ушомлена и внутренно желала, чшобы ночь прошянулась какъ можно дольше. Со шпени понеслось звонкое ржаніе жеребенка. Красныя полосы ясно сверкнули на небѣ. Бульба вдругъ проснулся и вскочилъ. Онъ очень хорошо помнилъ все, чшо приказывалъ вчера.

»Ну, хлопцы, полно спашь! Пора! пора! Напойше коней! А гдѣ Сшара? (шакъ онъ обыкновенно называлъ жену свою) Живѣе, сшара, гошовъ намъ ѣшь, пошому чшо пушь великой лежишь!«

Бѣдная сшарушка, лишешная послѣдней надежды, уныло пошлелась въ хашу. Между шѣмъ, какъ она со слезами гошовила все, чшо нужно къ завшраку, Бульба раздавалъ свои приказанія; возилея на конюшнѣ и самъ выбиралъ для дѣшей своихъ лучшія убраншва. Бурсаки вдругъ преобразились: на нихъ явились вмѣсто прежнихъ запачканныхъ сапоговъ, сафьянные красные съ серебряными подковами, шаровары шириною въ Черное море, съ шысячью скла-

докъ и со зборами, перешянулись золошымъ очкуромъ. Къ очкуру прицѣплены были длинныя ремешки съ кишями и прочими побрякушками для шрубки. Казакинъ алаго цвѣша, сукна яркаго, какъ огонь, опоясался узорчатымъ поясомъ; чеканныя Турецкіе пішолешы были задвинуты за поясъ; сабля брякала по ногамъ ихъ. Ихъ лица, еще мало загорѣвшіе, казалось похорошѣли и побѣлѣли: молодые черныя усы шеперь какъ-шо ярче опшѣняли бѣлизну ихъ и здоровый мощный цвѣшь юноши; они были хороши подъ черными бараными шапками съ золошымъ верхомъ. Бѣдная мать! она какъ увидѣла ихъ, она и слова не могла промолвишь, и слезы осшановились въ глазахъ ея.

» Ну, сыны, все гошово! нѣчего мѣшкашь! « произнесъ наконецъ Бульба. » Теперь, по обычаю Христіанскому, нужно передъ дорогою всѣмъ присѣсть. «

Всѣ сѣли, не выключая даже и хлопцевъ, споявшихъ почшишельно у дверей.

» Теперь благослови, мать, дѣшей своихъ! « сказалъ Бульба. » Моли Бога, чшобы

они воевали храбро, защищали бы всегда честь Лыцарскую, * чшобы спояли всегда за Вѣру Хришову, а не шо пусшь лучше пропадушъ, чшобы и духу ихъ не было на свѣшъ! Подойдише, дѣши, къ машери. Молишва машеринская и на водѣ и на землѣ спасаешъ.« Машъ, слабая какъ машъ, обняла ихъ, вынула двѣ небольшія иконы, надѣла имъ, рыдая, на шею. » Пусшь хранишь васъ... Божья Машерь... не забывайте, сынки, машъ вашу... пришлише хошь вѣшочку о себѣ...« далѣе она не могла продолжашъ.

» Ну поидемъ, дѣши!« сказалъ Бульба. У крыльца спояли осѣдланная кони. Бульба вскочилъ на своего чорша, кошорый бѣшено опшашнулся, почувешвовавъ на себѣ двадцаши - пудовое бремя, пошому чшо Бульба былъ чрезвычайно шяжелъ и шолешъ. Когда увидѣла машъ, чшо уже и сыны ея сѣли на коней, она кинулась къ меньшему, у кошораго въ черпахъ лица выражалось болѣе какой - шо нѣжности; она схватила его за спремя, она прилип-

* Рыцарскую.

нула къ сѣдлу его и съ опчаяньемъ во
всѣхъ чертахъ не выпускала его изъ рукъ
своихъ. Два дюжихъ казака взяли ее бе-
режно и унесли въ хашу. Но когда вы-
ѣхали они за вороша, онъ со всею легко-
спію дикой козы, не сообразной ея лѣ-
шамъ, выбѣжала за вороша, съ непоси-
жимою силою оспановила лошадь и об-
няла одного изъ нихъ съ какою-то помѣ-
шанною безчувственною горячностію; ее
опяшь увели. Молодые казаки ѣхали смутно
и удерживали слезы, боясь опца своего,
кошорый однако же съ своей стороны
поже былъ нѣсколько смущень, хощя не
спарался этого показывать. День былъ
сѣрый; зелень сверкала ярко; пшцы ще-
бешали какъ-то въ разладъ. Они, проѣхав-
ши, оглянулись назадъ: хушоръ ихъ какъ
будто ушелъ въ землю, шолько стояли
на землѣ двѣ шрубы опъ ихъ скромнаго
домика; одни шолько вершины деревъ,
деревъ, по сучьямъ кошорыхъ они лазили
какъ бѣлки; одинъ шолько дальній лугъ
еще сплался передъ ними, шощъ лугъ,
по кошорому они могли припомнишь всю

исторію жизни, опъ лѣшь, когда качались по росисшой правѣ его, до лѣшь, когда поджидали въ немъ чернобровую казачку, боязливо лешѣвшую чрезъ него съ помощію своихъ свѣжихъ быспрыхъ ножекъ. Вошь уже одинъ шолько шесшъ надъ колодцемъ съ привязаннымъ вверху колесомъ опъ шелеги одиноко шорчишь на небѣ; уже равнина, кошорую они проѣхали, кажешся издали горою и все собою закрыла. — Прощайше и дѣшешво, и игры, и все, и все!

II.

Всѣ при вездника ѣхали молчаливо. Старый Тарасъ думалъ о давнемъ: передъ нимъ проходила его молодость, его лѣта, его прошекшія лѣта, о кошорыхъ всегда ночью плачешь казакъ, желавшій бы, чшобы вся жизнь его была молодость. Онъ думалъ о томъ, кого онъ встрѣшитъ на Сѣчѣ изъ своихъ прежнихъ сошоващицей.

Онъ вычислялъ, какіе уже перемерли, какіе живущіе еще. Слеза тихо круглилась на его зеницѣ и посѣдѣвшая голова его уныло понурилась.

Сыновья его были заняты другими мыслями. Теперь кшаши сказали что нибудь о сыновьяхъ его. Они были отданы по двѣнадцатому году въ Кіевскую Академію, пошому что всѣ почешныя савновники шогдашняго времени считали необходимошью дашь воспитаніе своимъ дѣшнямъ, хошя это дѣлалось съ шѣмъ, что-бы послѣ совершенно позабышь его. Они шогда были, какъ всѣ, посшунавшіе въ Бурсу, дики, воспитаны на свободѣ, и шамъ уже они обыкновенно нѣсколько шлефовались и получали что-шо общее, дѣлавшее ихъ похожими другъ на друга. Старшій, Ошашъ, началъ съ шого свое поприще, что въ первый годъ еще бѣжалъ. Его возвратили, вышкли спрашно и засадили за книгу. Чешыре раза зашывалъ онъ свой букварь въ землю и чешыре раза ошодравши его безчеловѣчно, покупали ему новый. Но безъ сомнѣнія, онъ по-

впорилъ бы и въ пняый, если бы отецъ не далъ ему шоржесшвеннаго обѣщанія продержашъ его въ монашырскихъ служкахъ цѣлые двадцашъ лѣтъ и что онъ не увидишъ Запорожья во вѣки, если не выучишя въ Академіи всѣмъ наукамъ. Любопышно, что это говорилъ тотъ же самый Тарасъ Бульба, который бранилъ всю ученость и совѣщывалъ, какъ мы уже видѣли, дѣшямъ вовсе незанимашъ ею. Съ этого времени Осапъ началъ съ необыкновеннымъ спараніемъ сидѣшь за скучною книгою и скоро спалъ на ряду съ лучшими. Тогдашній родъ ученія спрашно расходился съ образомъ жизни. Эти схоластическія, грамастическія, риторическія и логическія тонкости рѣшишельно не прикасались къ времени, никогда не примѣнялись и не повшорялись въ жизни. Ни къ чему не могли привязашъ они своихъ познаній, хоня бы даже менѣе схоластическихъ. Самые тогдашніе ученые болѣе другихъ были невѣжды, потому что вовсе были удалены отъ оныша. При томъ же это республиканское устройство Бурсы, это ужасное

множество молодыхъ, дюжихъ, здоровыхъ людей, все это должно было имъ внушить дѣятельность совершенно въ ихъ учебнаго занятія. Иногда плохое содержаніе, иногда частыя наказанія голодомъ, иногда многія пошребности, пробуждающіяся въ свѣжемъ, здоровомъ, крѣпкомъ юнцѣ, все это соединившись раждало въ нихъ ту предприимчивость, которая послѣ развивалась на Запорожьѣ. Голодная Бурса рыскала по улицамъ Кіева и заснавляла всѣхъ быль ошорожными. Торговки, сидѣвшія на базарѣ, всегда закрывали руками своими пироги, бублики, семечки изъ шывъ, какъ орлицы дѣшей своихъ, если только видѣли проходившаго Бурсака. Консуль, долженешвовавшій по обязанности своей наблюдать надъ подвѣдомешвенными ему сошоварищами, имѣль шакіе ешрашныя карманы въ своихъ шароварахъ, что могъ помѣшншь шуда всю лавку зазѣвавшейся шорговки. Эша Бурса соснавляла совершенно ошдѣльный міръ: въ кругъ выешій, сосшоившій изъ Польскихъ и Русскихъ дворянъ, они не допускались. Самъ

воевода, Адамъ Кисель, не смощря на оказываемое покровишельство Академіи, не вводилъ ихъ въ обществѣ и приказывалъ держашъ ихъ поспроже. Впрочемъ эшо насшавленіе было вовсе излишне, пошому чшо Рекшоръ и Профессоры-монахи не жалѣли лозъ и плешей и часшо Ликшоры по ихъ приказанію пороли своихъ Консуловъ шакъ жесшоко, чшо шѣ нѣсколькѣ недѣль почесывали свои шаровары. Многимъ изъ нихъ эшо было вовсе ничего и казалось немного чѣмъ крѣиче хорошей водки съ перцемъ; другимъ наконецъ сильно надоѣдали шакія безпрестанныя пришарки и они бѣжали на Запорожье, если умѣли найши дорогу и если сами не были перехвапываемы на пуши. Ошпанъ Бульба, не смощря на шо, чшо началъ съ большимъ спараніемъ учить логику и даже Богословію, но никакъ не избавлялся неумолимыхъ розгъ. Ешесшвенно, чшо все эшо должно было какъ-шо ожесшочить характеръ и сообщить ему швердосшь, всегда опличавшую казаковъ. Ошпанъ считался всегда однимъ изъ лучшихъ шоварищей. Онъ

рѣдко предводилъ съвоавъ другими въ дерзкихъ предпріятіяхъ — обобразъ чужой садъ или огородъ, но за шо онъ былъ всегда однимъ изъ первыхъ, приходившихъ подъ знамена предпріимчиваго Бурсака и никогда ни въ какомъ случаѣ не выдавалъ своихъ товарищей. Никакія плети и розги не могли засавишь его эшо сдѣлавъ. Онъ былъ суровъ къ другимъ побужденіямъ, кромѣ войны и разгульной пирушки; по крайней мѣрѣ никогда почти о другомъ не думалъ. Онъ былъ прямодушенъ съ равными. Онъ имѣлъ доброту въ такомъ видѣ, въ какомъ она могла шолько существовать при такомъ характерѣ и въ шогдашнее время. Онъ душевно былъ шронунъ слезами бѣдной матери и эшо одно шолько его смущало и засавляло задумчиво опущеннъ голову.

Меньшой братъ его, Андрій, имѣлъ чувствва нѣсколько живѣе и какъ-шо болѣе развиты. Онъ учился охотнѣе и безъ напряженія, съ какимъ обыкновенно принимался тяжелый и сильный характеръ. Онъ былъ болѣе изобрѣшавель, нежели

его брата; чаще являлся предводителем довольно опаснаго предпріянія и иногда съ помощію изобрѣшательнаго ума своего умѣлъ увершываться ошъ наказанія, иногда какъ братъ его Османъ, ошложивши всякое попеченіе, скидалъ съ себя свитку и ложился на полъ, вовсе не думая просить о помилованіи. Онъ также кнѣзь жаждою подвига, но вмѣстѣ съ нею душа его была доступна и другимъ чувствамъ. Потребность любви вспыхнула въ немъ живо, когда онъ перешелъ за 18 лѣтъ. Женщина чаще сшала представлялась горячимъ мечшамъ его. Онъ, слушая философическіе диспушы, видѣлъ ее поминушно свѣжую, черноокою, нѣжную. Предъ нимъ безпрерывно мелькали ея сверкающія, упругія перси; нѣжная, прекрасная, вся обнаженная рука; самое платье, облипавшее вокругъ ея свѣжихъ дѣвешвенныхъ и вмѣстѣ мощныхъ членовъ, дышало въ мечшамъ его какимъ-шо невыразимымъ сладоспращіемъ. Онъ щшательно скрывалъ ошъ своихъ шоварищей эши движенія сшрашной юношеской души;

пошому чшо въ погдашній вѣкъ было ешдно и безчесно думашь казаку о женщинѣ и любви не опвѣдавъ бишвы. Вообще въ послѣдніе годы онъ рѣже являлся предводишелемъ какой нибудь вахаги, но чаще бродилъ одинъ гдѣ нибудь въ уединенномъ закоулкѣ Кіева, пошопленномъ въ вишневыхъ садахъ, среди низенькихъ домиковъ, заманчиво глядѣвшихъ на улицу. Иногда онъ забирался и въ улицу аришокрашовъ, въ нынѣшнемъ шаромъ Кіевѣ, гдѣ жили Малороссійскіе и Польскіе дворяне и дома были выспроены съ нѣкошорою прихощливощію. Одинъ разъ, когда онъ зазѣвался, наѣхала почши на него колымага какого-шо Польскаго пана и сидѣвшій на козлахъ вознища съ прешрашными усамми хлынулъ его довольно исправно бичемъ. Молодой Бурсакъ вскинулъ : съ безумною смѣлощію схватилъ онъ мощною рукою своею за заднее колесо и осановилъ колымагу. Но кучеръ, опасаясь раздѣлки, ударилъ по лошадамъ, они рванули — и Андрій, къ счасшію успѣвшій опхванитъ руку, шлепнулся на землю прямо лицемъ

въ грязь. Самой звонкой и гармонической смѣхъ раздался надъ нимъ. Онъ поднялъ глаза и увидѣлъ стоявшую у окна брюнетку, прекрасную какъ не знаю чшо, черноглазую и бѣлую, какъ снѣгъ, озаренный упреннымъ румянцемъ солища. Она смѣялась ошъ всей души и смѣхъ придавалъ какую-то сверкающую силу ея ослѣпительной красошъ. Онъ ошоропѣлъ. Онъ глядѣлъ на нее совсѣмъ пошерявшись, разсѣяно обширая съ лица своего грязь, кошорою еще болѣе замазывался. Кто бы была эша красавица? Онъ хошѣлъ было узнать ошъ дворни, кошора я кучею въ богатомъ убранствѣ стояла за ворошами, окруживши игравшаго молодаго бандуриста. Но дворня подняла смѣхъ, увидѣвши его запачканную рожу и не удоешоила его ошвѣшомъ. Наконецъ онъ узналъ, чшо эшо была дочь прѣхавшаго на время Ковенскаго воеводы. Въ слѣдующую же ночь съ свойшвенною однимъ Бурсакамъ дерзосшю онъ пролезъ чрезъ часоколь въ садъ, взлѣзъ на дерево, раскинувшееся вѣшвами, упиравшими въ самую крышу

дома; съ дерева перелѣзъ на крышу и чрезъ шрубу камня пробрался прямо въ спальню красавицы, кошорая въ эшо время сидѣла передъ свѣчею и вынимала изъ ушей своихъ дорогія серги. Прекрасная Полячка шакъ испугалась, увидѣвши вдругъ передъ собою незнакомаго челоуѣка, чшо не могла произнесшъ ни одного слова; но когда увидѣла, чшо Бурсакъ шюялъ пошупивъ глаза и не смѣя ошъ робосши поворошишь рукою, когда узнала въ немъ шого же самаго, кошорый хлопнулся передъ ея глазами на улицѣ, смѣхъ вновь овладѣлъ ею. При шомъ въ чершахъ Андрія ничего не было спрашнаго: онъ былъ очень хорошъ собою. Она ошъ души смѣялась и долго забавлялась надъ нимъ. Красавица была вѣшрена, какъ Полячка, но глаза ея, глаза чудесные, пронзительно-ясные, бросали взглядъ долгій, какъ пошюянешво. Бурсакъ не могъ поворошишь рукою и былъ связанъ, какъ въ мѣшкѣ, когда дочь воеводы смѣло подошла къ нему, надѣла ему на голову свою блисшашельную діадему, повѣсила на губы ему серги и на-

кинула на него кисейную прозрачную шемизешку съ фестонами, вышитыми золотомъ. Она убирала его и дѣлала съ нимъ тысячу разныхъ глупостей съ развязностию дышши, кошорою ошличаюшея въпренныя Полячки и кошорая повергла бѣднаго Бурсака въ еще большее смущеніе. Онъ представлялъ смѣшную фигуру, раскрывши ротъ и глядя неподвижно въ ея ослѣпительныя очи. Раздавшійся у дверей шумъ пробудилъ въ ней испугъ. Она велѣла ему спрясашься подъ кровашь и какъ только безпокойство прошло, она кликнула свою горничную, плѣнную Ташарку, и дала ей приказаніе осшорожно вывешь его въ садъ и ошшуда ошправившь черезъ заборъ. Но на эшотъ разъ Бурсакъ нашъ не шакъ счасшливо перебрался черезъ заборъ: проснувшійся шсорожъ хвашилъ его порядочно по ногамъ и собравшаяся дворня долго колошила его уже на улицѣ, пока мѣшть бышрря ноги не спасли его. Послѣ эшого, проходившь возлѣ дома было очень опасно, пошому чшо дворня у воеводы была очень многочисленна. Онъ увидѣлъ

ее еще разъ въ кошелѣ: она замѣшила его и очень пріятно уемѣхнулась, какъ давнему знакомому; онъ видѣлъ ее всколзь еще одинъ разъ и послѣ эшаго воевода Ковенскій скоро уѣхалъ и вмѣсто прекрасной, обольстительной бронежки выглядывало изъ оконъ какое-то шолошное лице. Вошь о чемъ думалъ Андрій, повѣсивъ голову и пошупивъ глаза въ гриву коня своего.

А между шѣмъ ешень уже давно приняла ихъ всѣхъ въ свои зеленяя обьянія и высокая шрава обшупивши скрыла ихъ и шолько казачьи черныя шапки одни мелькали между ея колосьями.

» Э, э, э! чшо же эшо вы хлопцы шакъ пришихли? « сказалъ наконецъ Бульба, очнувшись ошъ своей задумчивоести: » какъ будшо какіе нибудь чернецы! Ну, разомъ, разомъ! Всѣ думки къ нечешому! Берите въ зубы люльки да закуримъ, да пришпоримъ коней, да полешимъ шакъ, чшобы и шница не угналась за нами! «

И казаки, прилегши нѣсколько къ конямъ, пропали въ шравѣ. Уже и черныхъ

шапокъ нельзя было видѣшь; одна только быстрая молнія сжимаемой правы показывала бѣгъ ихъ.

Солнце выглянуло давно на расчищенномъ небѣ и живительнымъ теплошворнымъ свѣтомъ своимъ облило снѣжь. Все, что смушно и сонно было на душѣ у казаковъ, вмгъ слѣзло, сердца ихъ вспренились, какъ шицы.

Снѣжь чѣмъ далѣе, тѣмъ епановилась прекраснѣе. Тогда весь югъ, все то пространство, которое составляетъ нынѣшнюю Новоросію, до самаго Чернаго моря было зеленою дѣвственною лушчиною. Никогда плугъ не проходилъ по неизмѣримымъ волнамъ дикихъ расшеній. Оди только кони, скрывавшіяся въ нихъ, какъ въ лѣсу, вышопывали ихъ. Ничто въ природѣ не могло бытъ лучше ихъ. Вся поверхность земли предешавлялася зеленозолотымъ океаномъ, по которому брызнули милліоны разныхъ цвѣшовъ. Сквозь тонкіе, высокіе снѣбли правы сквозили голубые, синіе и лиловые волшки; желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своєю

пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка зоншико-образными шапками песпрѣла на поверхности; занесенный Богъ знаетъ откуда колосъ пшеницы наливался въ гущѣ. Подъ шонкими ихъ корнями шныряли куропапки, высянувъ свои шеи. Воздухъ былъ наполненъ тысячею разныхъ пшичьихъ свисовъ. Въ небѣ неподвижно стояли цѣлою шучею ястребы, расплашавъ свои крылья и неподвижно устремивъ глаза свои въ шраву. Крикъ двигавшейся въ шпоронѣ шучи дикихъ гусей отдавался Богъ знаетъ въ какомъ дальнемъ озерѣ. Изъ шравы подымалась мѣрными взмахами чайка и роскошно купалась въ синихъ волнахъ воздуха. Вонъ она пропала въ вышинѣ и только мелькаетъ одною черною точкою. Вонъ она перевернулась крылами и блеснула передъ солнцемъ. Чоршъ васъ возьми сшени, какъ вы хороши! — Наши путешешвенники нѣсколько минушъ только осшанавливались для обѣда; при чемъ ѣхавшій съ ними опрядъ изъ 10 казаковъ слѣзалъ съ лошадей, опшвязывалъ деревянные баклажки съ

горѣлкою и шывы, упошребляемыя вмѣ-
сто сосудовъ. Ъли шолько хлѣбъ съ са-
ломъ, или коржи, пили шолько по одной
чаркѣ, единственно для подкрѣпленія, по-
тому что Тарасъ Бульба не позволялъ
никогда напиваться въ дорогѣ и продол-
жали пушь до вечера. Вечеромъ вся сшень
совершенно перемѣнялась. Все пешпрое
проспранство ея охвашывалось послед-
нимъ яркимъ ошблескомъ солнца и пеше-
нно шемнѣло, шакъ что видно было,
какъ шѣнь перебѣгала по нимъ и они ста-
новились шемно-зелеными; испаренія поды-
мались гуще, каждый цвѣшокъ, каждая
шправка испускала амбру, и вся сшень ку-
рилась благовоніемъ. По небу изголуба-
шешному, какъ будшо исполинскою кишью
наляпаны были широкія полосы изъ розо-
ваго золоша; изрѣдка бѣлѣли клоками лег-
кія и прозрачныя облака и самый свѣжій,
обольшешельный, какъ морскія волны,
вѣшерокъ едва колыхался по верхушкамъ
правы и чушь дошпрогивался къ щекамъ.
Вся музыка, наполнявшая день, ушыхала
и смѣнялась другою. Пешстрые оврашки

выползвали изъ норъ своихъ, спановились на заднія лапки и оглашали снешь свисомъ. Трещаніе кузнечиковъ спановилось слышнѣе. Иногда слышался изъ какого нибудь уединеннаго озера крикъ лебедя, и какъ серебро опдавался въ воздухъ. Пущешешвенники оспановившись среди полей избирали ночлеги; раскладывали огонь и спавили на него кошель, въ кошоромъ варили себѣ кулишъ; паръ опдблялся и косвенно дымился на воздухъ. Поужинавъ, казаки ложились спашь, пуешивши по шравѣ спущанныхъ коней своихъ. Они раскидывались на свишкахъ. На нихъ прямо глядѣли ночныя звѣзды. Они слышали своимъ ухомъ весь безчисленный мѣръ насѣкомыхъ, наполнявшихъ шраву, весь ихъ шрескъ, свисшъ, краканье, все это звучно раздавалось среди ночи, очищалось въ свѣжемъ ночномъ воздухѣ и доходило до слуха гармоническимъ. Если же кто нибудь изъ нихъ подымался и вешавалъ на время, то ему предешавлялась снешь усѣянною блестящими искрами свѣпящихся червей. Иногда ночное небо

въ разныхъ мѣстахъ освѣщалось дальнимъ заревомъ ошъ выжигаемого по лугамъ и рѣкамъ сухаго просняка и темная вереница лебедей, лешѣвшихъ на сѣверъ, вдругъ освѣщалась серебряно - розовымъ свѣтомъ и тогда казалось, что красные плашки лѣшали по темному небу.

Пушешественники ѣхали безъ всякихъ приключеній. Нигдѣ не попадались имъ деревья, все ша же безконечная, вольная, прекрасная сшесть. По временамъ шолько въ споронѣ синѣли верхушки ошдаленнаго лѣса, шянувшагося по берегамъ Дѣйпра. Одинъ шолько разъ Тарасъ указаль сыновьямъ на маленькую чернѣвшую въ дальней шравѣ шочку, сказавши: » смошрише, дѣшки, вонъ скачешъ Ташаринъ! « Маленькая головка съ усами ушавила издали прямо на нихъ узенькіе глаза свои, поюшала воздухъ, какъ гончая собака, и какъ серна пропала, увидѣвши, что казаковъ было шринадцашъ человекъ. » А ну, дѣши, пошробуйше догнашъ Ташарина? И не пошбуйше; во вѣки не поймаешъ: у него конь бышпрѣ моего чорша. « Однакожь Бульба

взять предосторожность, опасаясь гдѣ нибудь скрывшейся засады. Они прискакали къ небольшой рѣчкѣ, называвшейся Ташаркою, впадающею въ Днѣпръ, кинулись въ воду съ конями своими и долго плыли по ней, чшобы скрыть слѣды свой и тогда уже, выбравшись на берегъ, они продолжали далѣе путь. Чрезъ три дня послѣ эшаго они были уже недалеко отъ мѣста, служившаго предметомъ ихъ поездки. Въ воздухѣ вдругъ заохлодѣло; они почувствовали близость Днѣпра. Вось оный сверкаешь вдали и шемною полосою отдѣлился отъ горизонша. Оный вѣялъ холодными волнами и разсипался ближе, ближе и наконецъ обхващилъ половину всей поверхности земли. Эшо было шо мѣсто Днѣпра, гдѣ оный дошолъ спершый порогами бралъ наконецъ свое и шумѣлъ, какъ море, разлившись по волѣ, гдѣ брошенные въ средину его ошрова вышѣняли его еще далѣе изъ береговъ и волны его есплались по самой землѣ, не встрѣчая ни ушесовъ, ни возвышеній. Казаки сошли съ коней своихъ, взшли на поромъ и чрезъ три

часа плаванія были уже у береговъ оспрова Хоршицы, гдѣ была тогда Съча, такъ часто перемѣнявшая свое жилище. Куча народа бранилась на берегу съ перевещиками. Казаки оправили коней; Тарасъ приосанился, спянулъ на себѣ покрѣпче поясъ и гордо провелъ рукою по усамъ. Молодые сыны его поже осмошрѣли себя съ ногъ до головы съ какимъ-шо спрахомъ и неопредѣленнымъ удовольствіемъ и всѣ вмѣстѣ ввѣхали въ предмѣстье, находившееся за полвершы ошъ Съчи. При вѣздѣ ихъ оглушили пшѣдесяшъ кузнецкихъ молоновъ, ударявшихъ въ 25 кузницахъ, покрышыхъ дерномъ и вырышыхъ въ землѣ. Сильные кожевники сидѣли подъ навѣсомъ крылецъ на улицѣ и мяли своими дюжими руками бычачьи кожи. Крамари подъ ящиками сидѣли съ кучами кремней, огнивами и порохомъ. Армянинъ развѣсилъ дорогіе плашки. Ташаринъ ворочалъ на рожнахъ бараньи кашки съ шѣшомъ. Жидъ, вышавивъ впередъ свою голову, шочилъ изъ бочки горѣлку. Но первый, кшо попался имъ на вешрѣчу, эшо былъ Запорожець;

*

епавший на самой срединѣ дороги, раскинувъ руки и ноги. Тарасъ Бульба не могъ неосшановившись и неполюбовавшись на него.

»Эхъ какъ важно развернулся! Фу ты какая пышная фигура!« говорилъ онъ, осшановивши коня. Въ самомъ дѣлѣ это была каршина довольно смѣлая: Запорожець, какъ левъ, расшянулея на дороге. Закинушый гордо чубъ его захвашывалъ на поларшина земли. Шаровары алаго дорогаго сукна были запачканы дегшемъ для показанія полнаго къ нимъ презрѣнiя. Полюбовавшись, Бульба пробирался далѣе сквозь шѣсную улицу, кошорая была загромождена масперовыми, шущъ же ошправлявшими ремесло свое и людьми всеѣхъ нацiй, наполнявшихъ это предмѣшiе Сѣчи, кошорое было похоже на ярмарку и кошорое одѣвало и кормило Сѣчь, умѣвшую шолько гуляшь, да палишь изъ ружей.

Наконецъ они минули предмѣшiе и увидѣли нѣсколько разбросанныхъ куреней, покрышыхъ дерномъ, или, по Ташарски войлокомъ. Иные уешановлены были пушками. Нигдѣ не видно было забора,

или шѣхъ низенькихъ домиковъ съ навѣ-
сами на низенькихъ деревянныхъ ешол-
бикахъ, какіе были въ предмѣстьи. Не-
большой валъ и засѣка, не хранимые рѣ-
шительно ни кѣмъ показывали ешра-
шную безпечность. Нѣсколько дюжихъ
Запорожцевъ, лежавшихъ съ шрубками въ
зубахъ на самой дорогѣ, посмошрѣли на
нихъ довольно равнодушно и не сдвинулись
съ мѣста. Тарасъ осшорожно проѣхалъ съ
сыновьями между нихъ, сказавши: »здрав-
сшвуйше, панове.« — »Здравсшвуйше и вы!«
ошвѣчали Запорожцы. На пространсшвѣ
пяни веревкѣ были разбросаны шолны на-
рода. Они все собирались въ небольшія
кучи. Такъ вошъ Сѣчь! Вошъ шо гнѣздо,
ошкуда вылешающъ все шѣ гордые и крѣп-
кіе, какъ львы! Вошъ ошкуда разливаешся
воля и казачешво на всю Украйну! Пуш-
ники выѣхали на обширную площадь, гдѣ
обыкновенно собишалась Рада. На большой
опрокинушой бочкѣ сидѣлъ Запорожець
безъ рубашки; онъ держалъ въ рукахъ ее
и медленно зашивалъ на ней дыры. Имъ
ошашъ перегородила дорогу цѣлая шолна

музыканшовъ, въ срединѣ кошорыхъ ош-
плясаваль молодой Запорожець, заломив-
ши чоршомъ свою шапку и векинувши ру-
ками. Онъ кричалъ шолько: » живѣе играй-
ше, музыканшы! Не жалѣй, Оома, горѣлки
православнымъ Христіанамъ!« И Оома съ
подбишымъ глазомъ, мѣрять безъ счешу
каждому приснававшему по огромнѣйшей
кружкѣ. Около молодого Запорожца че-
шыре сшарыхъ выбрабошывали довольно
мѣлко своими цогами, векидывались, какъ
вихорь на ешорону, почши на голову музы-
каншамъ и вдругъ, опусшившись, неслися
въ присядку и били крушо и крѣико свои-
ми серебряными подковами шѣсно уби-
шую землю. Земля глухо гудѣла на всю
округу и въ воздухѣ шолько ондавалось:
шра ша ша, шра ша ша. Толна чѣмъ да-
лѣе росла; къ танцюющимъ приснавали
другіе и вся почши площадь покрывалась
присѣдающими Запорожцами. Это имѣло
въ себѣ что-шо разишельно - увлекашель-
ное. Нельзя было безъ движенія всей
души видѣшь, какъ вся шолна ондирала
шанецъ самой вольной, самой бѣшеной

какой шолько видѣль когда либо міръ и кошорый, по своимъ мощнымъ изобрѣшашелямъ, носипшъ названіе казачка.

Тарасъ Бульба крикнуль ошъ нешерпѣнія и досадуя, чшо конь, на кошоромъ сидѣль онъ, мѣшалъ ему пуешипшъ самому. Иные были чрезвычайно смѣшны своею важносшью, съ какою они рабошали ногами. Чрезъ чуръ дряхлые, прислонившиє къ шолбу, къ кошорому обыкновенно на Сѣчѣ привязывали прешупника, шопали и переминали ногами. Крики и пѣсни, какія шолько могли пришши въ голову человѣку въ разгульномъ весельи, раздавались свободно. Тарасъ скоро вешрѣшилъ множешво знакомыхъ лицъ. Ошашъ и Андрій слышали шолько привѣшешвія: »А эшо ты, Печерица! Здравешвуй, Козолупъ! Ошкуда Богъ несешъ шебя, Тарасъ? Ты какъ сюда зашелъ, Долошо? Здравешвуй, Зашежка! Думалъ ли я видѣшь шебя, Ремень!« И вишязи, собравшиєся со всего разгульнаго міра Восшочной Россіи, цѣловались взаимно и шущъ понешлись вопросы: »А чшо Кашьянъ? чшо Бородавка? чшо Коловеръ? чшо Пидсышокъ?« и

слышалъ шолько въ опвѣстѣ Тарасъ Бульба, что Бородавка повѣшенъ въ Толопанѣ, что съ Колопера содрали кожу подѣ Кизкирменомъ, что Пидсышкова голова посолена въ бочкѣ и оширавлена въ самой Царь - Градѣ. — Понуриль голову сшарый Бульба и раздумчиво говорилъ: » добрые были казаки! «

III.

Уже около недѣли Тарасъ Бульба жилъ съ сыновьями своими на Сѣчѣ. Оспаць и Андрій мало могли занимашься военною школою, не смошря на шо, что ошець ихъ особенно просиль опытныхъ и искусныхъ наѣздниковъ бышь имъ руководителями. Вообще можно сказашь, что на Запорожьѣ не было никакого теоретическаго изуче-

нія, или какихънибудь общихъ правилъ; все юношество воспитывалось и образовывалось въ ней однимъ опытомъ, въ самомъ пылу битвы, кошорыя ошъ того были почти непрерывны. Промежушки же между ними казаки почитали скучнымъ занимать изученіемъ какойнибудь дисциплины. Очень рѣдкіе имѣли примѣрные турниры. Они все время отдавали гульбѣ — признаку широкаго размѣша душевной воли. Вся Сѣча предшавляла необыкновенное явленіе. Это было какое-то непрерывное шествіе; балъ, начавшійся шумно и пошорявшій конецъ свой. Нѣкошорые занимались ремеслами, иные держали лавочки и шорговли; но большая часть гуляла съ ушра до вечера, если въ карманахъ звучала возможность и добышое добро не перешло еще въ руки шоргашей и шинкарей. Это общее шествіе имѣло въ себѣ что-то околдовывающее. Это не было какоенибудь сборище бражниковъ, напивавшихся съ горя; это было просто какое-то бѣшеное разгулье веселости. Всякой приходящій сюда

позабивалъ и бросалъ все, что дошло до него занимало. Онъ, можно сказать, плевалъ на все прошедшее и съ жаромъ фанатика предавался волѣ и товариществу шакихъ же, какъ самъ, немѣвшихъ ни родныхъ, ни угла, ни семейства, кромѣ вольнаго неба и вѣчнаго пира души своей. Это производило шу бѣшеную веселость, кошорая не могла бы родиться ни изъ какого другаго песочника. Разказы, балагары, кошорыя можно было слышать среди собравшейся шолны, лежавшей на землѣ, такъ были смѣшны и дышали такимъ глубокимъ юморомъ, что нужно было имѣть только флегматическую паружность Запорожца, чтобы не смѣяться ото всей души. Это не было какойнибудь пьяный кабакъ, гдѣ безсмысленно, мрачно, искаженными чертами веселія забывается человекъ; это было шѣсный кругъ школьныхъ товарищей. Вся разница была только въ томъ, что вмѣсто сидѣнія за указкой и пашлыхъ шодковъ училея, они производили набѣгъ, на пияши шысячахъ копей, вмѣсто дуга, на кошоромъ

производилась игра въ мячикъ; у нихъ были неохраемые, безпечныя границы, въ виду кошорыхъ Ташаринъ выказывалъ быспрую свою голову и неподвижно, сурово глядѣлъ Турокъ въ зеленой чалмѣ своей. Разница та, что вмѣсто насильной воли, соединившей ихъ въ школь, они сами собою кинули ошцовъ и машерей и бѣжали изъ родишельскихъ домовъ своихъ; что здѣсь были шѣ, у кошорыхъ уже мошалаеь около шеи веревка и кошорые, вмѣсто блѣдной смерти, увидѣли жизнь, и жизнь во всемъ разгуль; что здѣсь были шѣ, кошорые по благородному обычаю не могли удержашъ въ карманѣ своемъ копѣйки; что здѣсь были шѣ, кошорые дошолѣ червонецъ считали богашствомъ, у кошорыхъ, по милосши арендапоровъ-Жидовъ, карманы можно было выворошишь безъ всякаго опасенія, что ни будь уронишь. Здѣсь были всѣ Бурсаки, кошорые не вынесли Академическихъ лозъ и кошорые не вынесли изъ школы ни одной буквы; но вмѣстѣ съ эшними здѣсь были и шѣ, кошорые знали,

что такое Горацій, Цицеронъ и Римская республика. Тушь было множество образованных опытныхъ патрициановъ, которые имѣли благородное убѣжденіе мыслишь: что все равно, гдѣ бы ни воевашъ только бы воевашъ, потому что неприлично благородному челоуѣку бышь безъ биввы. Здѣсь было много офицеровъ изъ Польскихъ войскъ; впрочемъ, изъ какой націи здѣсь не было народа? Эша странная республика была именно по потребности того вѣка. Охотники до военной жизни, до золотыхъ кубковъ, а богашыхъ парчей, дукашовъ и реаловъ во всякое время могли найши здѣсь себѣ работу. Одни только обожашели женщины не могли найши здѣсь ничего, потому что даже въ предместьяхъ Сѣчи не смѣла показашься ни одна женщина. Остапу и Андрию показалось чрезвычайно страннымъ, что при нихъ же приходила на Сѣчу гибель народа и хотѣ бы кто нибудь спросить ихъ, откуда они, кто они и какъ ихъ зовушь. Они приходили сюда, какъ будто бы возвращались въ свой собственный домъ, изъ котораго

только за часъ передъ шѣмъ вышли. Пришедшій являлся только къ Кошевому, который обыкновенно говорилъ: »Здравствуй, что во Христа вѣруешь?« — »Вѣрую!« ошвѣчалъ приходившій. »И въ Троицу Свяшую вѣруешь?« — »Вѣрую!« — »И въ церковь ходишь?« — »Хожу.« — »А ну перекрестись!« Пришедшій крестился. »Ну, хорошо!« ошвѣчалъ Кошевой: »спунай же въ кошорый самъ знаешь курень.« Эшимъ оканчивалась вся церемонія. И вся Сѣчь молилась въ одной церкви и гошова была защищашъ ее до послѣдней капли крови, хошя и слышашъ не хошѣла о пошѣ и воздержаніи. Только побуждаемые сильною корыстію Жиды, Армяне и Ташары осмѣливались жишъ и шорговашъ въ предмѣшья, пошому что Запорожцы никогда не любили шорговашъся, а сколько рука вынула изъ кармана денегъ, шолько и плашили. Впрочемъ учашъ эшихъ корышололюбивыхъ шоргашей была очень жална. Они были похожи на шѣхъ, кошорые селись у подошвы Везувія, пошому что какъ шолько у Запорожцевъ несша-

вало денегъ, но удалые разбивали ихъ лавочки и брали всегда даромъ. Такова была ша Сѣчь, имѣвшая ешолько приманокъ для молодыхъ людей. Османъ и Андрій кинулись, всею пылкостью юношей, въ это разгульное море. Они скоро позабыли и юношество, и Бурсу, и домъ ошцовекій, и все, что шайно волнуешь еще свѣжую душу. Они гуляли, брашались съ беззаботными бездомовниками и, казалось, не желали никакого измѣненія такой жизни. Между шѣмъ Тарасъ Бульба начиналъ думать о шомъ, какъ бы скорѣе зашѣяшь какое нибудь дѣло: онъ не могъ долго осшаваться въ недѣлельноши.

» Чшо, Кошевой, « сказалъ онъ одинъ разъ, пришедши къ Ашаману: » можешъ бышь пора бы погуляшь Запорожцамъ? «

» Нѣгдѣ погуляшь, « ошвѣчалъ Кошевой, вынувши изъ рша маленькую шрубку и сплюнувъ въ шпору.

» Какъ нѣгдѣ? Можно пойти въ Турещину, или на Ташарву. «

» Не можно ни въ Турещину, ни въ Ташарву«, ошвѣчалъ Кошевой, взявши опяшь въ рошъ шрубку.

» Какъ не можно. «

» Такъ. Мы обѣщали Сулшану миръ. «

» Да онъ вѣдь бусурмень: и Богъ и Священное Писаніе велишь бишь бусурменовъ. «

» Не имѣемъ права. Если бъ мы не клялись нашею Вѣрою, шо, можешъ бышь, какъ нибудь еще и можно было. «

» Какъ же эшо, Кошевой? Какъ же ты говоришь, чшо права не имѣемъ? Вошь у меня два сына, молодые люди — имъ нужно пріучишься и узнашь, чшо шакое война, а ты говоришь, чшо Запорожцамъ не нужно на войну ишши. «

» Чшо жъ дѣлашь? « ошвѣчалъ Кошевой съ шакимъ же хладнокровіемъ: » нужно подождать. «

Но эшимъ Бульба не былъ доволенъ. Онъ собралъ кое-какихъ Спаршинъ и Куренныхъ Ашамановъ и задалъ имъ пирушку на всю ночь. Загулявшись до послѣдняго разгула, они вмѣстѣ оширавились на

площадь, гдѣ обыкновенно собиралась Рада и сидѣли привязанныя къ столбу лишавры, въ кошорыя обыкновенно били зборъ на Раду. Не нашедши палокъ, хранившихся всегда у Довбища, они схватили по полѣну и начали колошнить въ нихъ. На бой прежде всего прибѣжалъ Довбищъ, высокій человекъ съ однимъ только глазомъ, не смотря на то страшно заспаннымъ.

» Кто смѣешь бить въ лишавры? « закричалъ онъ.

» Молчи! возьми свои палки, да и колоши когда тебѣ веляшь, « отвѣчали подгулявшіе Спаршины.

Довбищъ вынулъ пошчасъ изъ кармана палки, кошорыя онъ взялъ съ собою, очень хорошо зная окончаніе подобныхъ происшествій. Лишавры грянули—и скоро на площадь, какъ шмѣли, начали собиранься черныя кучи Запорожцевъ.

За Кошевымъ оправились нѣсколько человекъ и привели его на площадь.

» Небойся ничего! « сказали вышедшіе къ нему на встрѣчу Спаршины: » Говори

міру рѣчь, когда хочешь, чшобы не было худаго, говори рѣчь объ шомъ, чшобы ниши Запорожцамъ на войну прошивъ бусурмановъ!« Кошевой увидѣвши, что дѣло не на шушку, вышелъ на середину площади, раскланялся на все чешыре спороны и произнесъ: »Панове Запорожцы, добрые молодцы! позволишь ли Господарешво ваше рѣчь держашь?«

»Говори. говори!« зашумѣли Запорожцы.

»Вошь въ разсужденіи шого шеперь идешъ рѣчь, Панове добродійешво, да вы можешъ бышь и сами лучше это знаеше, что многіе Запорожцы позадолжалисъ въ шинки жидамъ и своимъ брашьямъ ешолько, что ни одинъ чоршъ шеперь и вѣры нейменшь. При шомъ же, въ разсужденіи шого, еешъ очень много шакихъ хлопцевъ, кошорые еше и въ глаза невидали, что шакое война, шогда какъ молодому челоувѣку, и сами знаеше панове, безъ войны не можно пробышь. Какой и Запорожець изъ него, еешли онъ еше ни раза не билъ бусурмана?«

—» Вишь, онъ хорошо говоришь«, сказалъ писарь шолкнувъ локшемъ Бульбу. Бульба кивнулъ головою.

» Не думайше, панове, чшобы я впрочемъ говорилъ эшо для шого, чшобы нарушишь миръ. Сохрани Богъ, я шолько шакъ эшо говорю. При шомъ же у насъ храмъ Божій, грѣхъ сказашъ чшо шакое. Вошгъ сколько лѣшъ уже какъ по милосши Божіей споншь Сѣчь, а до сихъ поръ, не шо уже, чшобы наружнось церкви, но даже внушренніе образа безъ всякаго убранешва. Хошя бы серебрянную рясу кшо догадался имъ выковашъ. Они шолько шо и получили, чшо опказали въ духовной иные казаки. Да и даяніе ихъ было бѣдное, пошому чшо они почши все еще пропили при жизни своей. Такъ я все веду рѣчь эшу, не къ шому, чшобы начашъ войну съ бусурманами. Ибо мы обѣщали Сулшану миръ и намъ бы великой былъ грѣхъ, пошому чшо мы клялись по закону нашему. «

—» Вишь прокляшой! чшо эшо онъ пушашъ шакое?« сказалъ Бульба писарю.
» Да шакъ видише панове, чшо войны не-

можно начашь. Чесць лыцарская не ве-
лишь. А по своему бѣдному разуму вошь
что я думаю: пуешишь съ челнами однихъ
молодыхъ. Пуешь немного пошарнаюшь
берега Анаполи. Какъ думаете, панове?»

»Веди, веди всѣхъ!« закричала со всѣхъ
споронъ шолпа: »за вѣру мы гошовы по-
ложишь головы.«

Кошевой испугался. Онъ ни мало не
желалъ превозити всего Запорожья. При
шомъ ему казалось неправымъ дѣломъ ра-
зорвашь миръ. »Позвольте, панове, рѣчь
держашь?»

»Довольно!« кричали Запорожцы: »луч-
шаго не скажешь.«

»Когда такъ, шо пуешь по вашему,
шолько для насъ будешь еще большее ра-
долье. Вамъ извѣстно, панове, что Сул-
панъ неосшавишь безнаказанно шо удо-
вольешивіе, кошорымъ пошѣшашся молодцы.
А мы вошь видише будемъ на гошовѣ и
силы у насъ будущъ свѣжія. При шомъ же
и Ташарва можешъ напаешь во время на-
шей ошлучки. Да ешьли еказашь правду,
шо у насъ и челновѣ нѣшъ въ запасѣ, что-

бы можно было всё опшправиться. А я пожалуй, я радъ, я слуга вашей воли. «

Хишрый Ашаманъ замолчалъ. Кучи начали переговаривашься, Куренные ашаманы совѣщашься и рѣшили на шомъ, чшобы опшправить нѣсколько молодыхъ людей подъ руководешвомъ опытныхъ и сшарыхъ.

Такимъ образомъ всё были увѣрены, что они совершенно по справедливости предпринимають свое предпріятіе. Такое понятіе о правѣ весьма было извинительно народу занимавшему опасныя границы, среди буйныхъ сосѣдей. И странно ешьли бы они послушили иначе. Ташары разъдесяшь перерывали свое шашкое перемиріе и служили обольщительнымъ примѣромъ. При шомъ какъ можно было шакимъ гулливымъ рыцарямъ и въ шакой гулливой вѣкъ пробышь нѣсколько недѣль безъ войны.

Молодежь бросилась къ челнамъ осмашривашь ихъ и снаряжашь въ дорогу. Нѣсколько плшниковъ явились въ мигъ съ шопорами въ рукахъ. Сшарые загорѣлые

широкочленнѣшые Запорожцы съ просѣдью въ усахъ, засучивъ шаровары сшояли по колѣни въ водѣ и сшягивали ихъ съ берега крѣпкимъ канашомъ. Нѣсколько человекъ было ошправлено въ скарбницу на прошивуположной ушесеншый берегъ Днѣпра, гдѣ въ неприступномъ шайникѣ они скрывали часшъ пріобрѣшенныхъ орудій и добычу. Бывалые поучали другихъ съ какимъ-шо наслажденіемъ, сохраняя при всемъ шомъ сшепенной суровой видѣ. Весь берегъ получилъ движущійся видѣ, и хлопшосшосшъ овладѣла дошолѣ безпечнымъ народомъ.

Въ эшо время большой паромъ началъ причаливашъ къ берегу. Сшоявшая на немъ куча людей еще издали махала руками. Куча сешояла изъ казаковъ въ оборванныхъ свшскахъ. Беспорядочный кошюмъ, у нихъ ничего небыло кромѣ рубашки и шрубки, показывалъ, что они были слишкомъ угнѣшены бѣдою, или уже черезъ чуръ гуляли и прогуляли все, что ни было на шѣлѣ. Между ними ошдѣлился и сшалъ впереди приземшешый, плечшешый лѣшъ

пятидесяти человекъ. Онъ кричалъ сильнѣе другихъ и махалъ рукою сильнѣе всѣхъ.

» Богъ въ помощь вамъ, панове Запорожцы! «

» Здравешвуйше, « отвѣчали работавшіе въ лодкахъ, приоспановивъ свое занятіе.

» Позвольте, панове Запорожцы, рѣчь держашь! «

» Говори. «

И шолна усѣяла и обступила весь берегъ.

» Слышали ли вы, что дѣдается на Гешманщинѣ? «

» А что? « произнесъ одинъ изъ Куренныхъ Ашамановъ.

» Такіе дѣла дѣдаются, что и рассказывашь нечего. «

» Какіе же дѣла? «

» Что и говоришь. И родились и крестились еще не видали шакого, « отвѣчалъ приземистый казакъ, поглядывая съ гордостью владыкаго важней шайной.

» Ну, ну, рассказывай, что шакое! « кричала въ одинъ голосъ шолна.

» А развѣ вы, панове, до сихъ поръ не слышали? «

» Нѣшъ, неслыхали. «

» Какъ же эшо? чшожь вы развѣ за горами живете, или Ташаринъ зашкнулъ клейшухомъ уши ваши? «

» Разказывай! полно полковашъ, « сказали нѣсколько Спаршинъ споявшихъ впереди.

» Такъ вы неслышали ничего про то, чшо жиды уже взяли церкви свяшые, какъ шинки на аренды? «

» Нѣшъ. «

» Такъ вы неслышали и про то, чшо уже Христіанину и насхи не можно ѣшь, покаѣшь разсобачій жидъ неположивъ значка нечисшою своею рукою. «

» Ничего неслышали! « кричала толпа, подвигаясь ближе.

» И чшо Кеензы ѣздяшъ изъ села въ село въ шарашайкахъ, въ кошорыхъ запряжены пущъ бы еще кони, эшо бы еще ничего, а шо просно православные Христіане. Такъ вы можете бышь и того незнаете, чшо нечисшо Кашоли-

чесиво хочешъ, чшобъ мы кинули и вѣру нашу Христіанскую. Вы можешъ бышь не слышали и объ шомъ, чшо уже изъ поповекныхъ ризъ жидовки шьюшь себѣ юбки.»

»Сшой, сшой!« прервалъ Кошевой, дошоль сшоявшій углубивши глаза въ землю, какъ и всѣ Запорожцы, кошорые въ важныхъ дѣлахъ никогда неощадавались первому порыву, но молчали, и между шѣмъ въ шшшинѣ совокупляли въ себѣ всю желѣзную силу негодованія. »Сшой! и я скажу слово: а чшожъ вы, врагъ бы поколошилъ вашего башька, чшо жъ вы, развѣ у васъ сабель не было чшо ли? Какъ же вы попустили шакому беззаконію?«

»Э, какъ попустили шакому беззаконію,« ошвѣчалъ приземисшый казакъ: »а попробовали бы вы, когда пшашьдесяшъ шысячъ было однихъ Ляховъ, да еще къ шому и часшъ гешманцевъ приняла ихъ вѣру.«

»А Гешманъ вашъ, а Полковники чшо дѣлали?«

«Э, Гешманъ и Полковники! А знаеше
Гдѣ ше перь Гешманъ и Полковники?»
«Гдѣ?»
«Полковниковъ головы и руки разво-
зяшъ по ярмаркамъ, а Гешманъ зажареный
нѣвъ мѣдномъ быкъ, и до сихъ поръ лежишъ
еще въ Варшавѣ.»
Содроганіе пробѣжало по всей шолѣ;
молчаніе, какое обыкновенно предшесству-
ешъ бурѣ, осшановилось на ушахъ всѣхъ,
и мигъ послѣ шого чувешва подавляемая
до шѣла въ душѣ силою дюжаго харакше-
ра, брызнули цѣлымъ пошохомъ рѣчей.
«Какъ, чшобы нашу Хришову вѣру гнала
прокляшая жидова? чшобы эдакое дѣлашъ
съ Православными Хришіанами, чшо бы
шакъ замучишъ нашихъ, да еще кого? Пол-
ковниковъ и самага Гешмана! Да чшобы
мы сшерцѣли все эшо? Нѣшъ, эшаго не-
будешъ.» Такія слова перелѣшали во всѣхъ
концахъ обширной шолы народа. Зашу-
мѣли Запорожцы и разомъ почувешвовали
свои силы. Эшо небыло похоже на волне-
віе народа легкомысленнаго. Тушъ волно-
валшъ все, харакшеры шяжелые и крѣп-

кіе. Они раскалялись медленно, упорно, но за то раскалялись, чтобы уже долго неоспышь. »Какъ, чтобы жидовство надъ нами пановало! А ну паны брапы, перевѣшаемъ всю жидову! Чшо бы и духу ея не было« произнесъ кто-то изъ толпы. Эши слова пролетѣли молніей и толпа ринулась на предмѣстье съ сильнымъ желаніемъ перерѣзашъ всѣхъ жидовъ.

Бѣдные сыны Израиля, разсшерявши все присущіе своего и безъ того мѣлкаго духа, прятались въ пусыхъ горѣлочныхъ бочкахъ, въ печкахъ и даже запызывали подъ юбки своихъ жидовокъ. Но неумолимые, безпощадные мешинели вездѣ ихъ находили.

» Яневельможные паны! « кричалъ одинъ высокій и шощій жидъ высунувши изъ кучи своихъ шоварищей жалкую свою рожу, невоверканную страхомъ. » Яневельможные паны! Мы шакое объявимъ вамъ, чего еще никогда не слышали, шакое важное, чшо не можно сказашъ какое важное. «

»Ну пуешь скажущь!« сказаць Бульба, кошорый всегда любиль выслушашь обвиняемаго.

»Ясные Паны!« произнесъ жидь. »Такихъ Пановъ еще никогда невидывано. Ей Богу! никогда. Такихъ добрыхъ, хорошихъ и храбрыхъ небыло еще на свѣшѣ... «Голось его умираць и дрожаль ошъ спраха. «Какъ можно, чшобы мы думали про Запорожцевъ чшо нибудь нехорошее. Ть со всеъмъ не наши, чшо арендапорешуюшъ на Украинѣ! Ей Богу не наши! шо со всеъмъ не жида: шо чершъ знаешъ чшо. То шакое, чшо шолько поплевашъ на него, да и бросишь. Вошь и они скажущь шоже. Неправда ли Шлема, или шы, Шмуль? «

»Ей Богу правда!« ошвѣчали изъ толпы Шлема и Шмуль въ изодранныхъ елмкахъ, оба бѣлые, какъ глина.

»Мы никогда еще « продолжалъ высокій жидь, »несоглашались съ непришелями. А Кашоликовъ мы и знашь не хошимъ: пуешь имъ чершъ приенишся! Мы съ Запорожцами какъ брашья родныя... «

»Какъ? чшобъ Запорожцы были съ ва-
ми брашья?» произнесъ одинъ изъ шолны:
»Недождешесь прокляшые жиды! Въ Днѣпрѣ
ихъ, панове, всѣхъ пошощь поган-
цевъ! «

Эти слова были сигналомъ, жидовъ
расхвашали по рукамъ и начали швыряшь
въ волны, жалкій крикъ раздался со всѣхъ
сторонъ; но суровые Запорожцы только
смѣялись, видя какъ жидовскія ноги въ
башмакахъ и чулкахъ болшались на воз-
духъ. Бѣдный высокій орашоръ, накликав-
шій самъ на свою шею бѣду, схватилъ за
ноги Бульбу, и жалкимъ голосомъ молилъ:
»Великій Господинъ, Ясене - вельможный
панъ. Я зналъ и брата вашего покойнаго
Дороша. Какой былъ славной воинъ! Я
ему восемь сошь цѣхиновъ далъ, когда
нужно было выкупитья изъ плѣна у Тур-
ковъ. «

»Ты зналъ брата?» спросилъ Тарась.

»Ей Богу зналъ: великодушный былъ
панъ. «

»А какъ шебя зовушь?» «

»Янкель. «

» Хорошо, я себя проведу. « Сказавши это Тарасъ повелъ его къ своему обозу, возлѣ кошораго стояли казаки его. » Ну полѣзай подъ шельгу, лежи шамъ и не пошевелись, а вы брашцы не выпускайте жиды. «

Сказавши это онъ отправился на площадь, пошому что раздавшійся бой литавровъ возвѣспилъ собраніе Рады. Не смотря на свою печаль и сокрушеніе о случившихся на Украинѣ несчастіяхъ, онъ былъ нѣсколько доволенъ предсавлявшемся широкомъ раздольи для подвиговъ, и при томъ, для подвиговъ шакихъ, кошорые предсавляли ему мученичeskій вѣнецъ по смерти.

Вся Сѣчь, все, что было на Запорожьи, собралось на площадь. Старшины, Куренные Ашаманы, по корошкѣ совѣщаніи рѣшили на томъ, чтобы итти съ войсками прямо на Польшу, шакъ какъ ошшуда произошло все зло, желая внести опустошеніе въ землю непріательскую и предвидя себѣ при этомъ добычу.

И вся Сѣчь вдругъ преобразилась. Вездѣ были только слышны: пробная стрѣльба изъ ружей, бряканье саблей, скрипъ шелегъ, все подпоясывалось, облачалось. Шинки были запершы; ни одного челоуѣка не было пьянаго. Необыкновенная дѣятельность смѣнила вдругъ необыкновенную безопасность. Кошевой выросъ на цѣлый аршинъ. Это уже не былъ шопъ робкій исполнишель въшренныхъ желаній вольнаго народа. Это былъ неограниченный повелишель. Это былъ почти деспотъ, умѣвшій только повелѣвать. Всѣ евоельные и гулливые рыцари стройно стояли въ рядахъ починишельно опусшивъ головы, несемѣя подниашъ глазь, когда онъ раздавалъ повелѣнїя шихо, съ розшановкою, какъ глубоко знающій евое дѣло и уже не въ первый разъ приводившій его въ исполненїе. Въ деревянной небольшой церквѣ служилъ священникъ молебень, окрошилъ всѣхъ свяшою водою, всѣ цѣловали крешъ. Когда все Запорожекое войско вышло изъ Сѣчи, головы всѣхъ обрашлись назадъ. Прощай наша машъ! сказа-

ли почти всё в одно слово. Пусть же себя хранишь Богъ ошь всякаго несчастья! Проходя предмѣстіе, Тарасъ Бульба увидѣль съ изумленіемъ, что жидокъ его уже раскинулъ свою лавочку и продавалъ какіе-шо кремешки и всякую дрянъ. »Дурень, что ты здѣсь сидишь?« сказалъ онъ ему: »развѣ хочешь, чтобы тебя зашрѣлили какъ воробья?« — »Молчише« ошвѣчалъ жидъ. »Я пойду за вами и войскомъ, и буду продавашъ провіаншъ по шакой дешевой цѣнѣ, по какой еще никогда никшо не продавалъ. Ей Богу шакъ! вошь увидише!« Бульба пожалъ плечами и ошвѣхалъ къ своему ошряду.

IV.

Скоро весь Польскій югозапад сдѣлался добычею страха; вездѣ только и слышно было про Запорожцевъ. Скудельные южные города и села были совершенно схираемы съ лица земли. Арендашоры-жиды были вѣшаны кучами вмѣстѣ съ Кашолическимъ духовенствомъ. Запорожцы какъ бы пируя прошекали пушью своей,

осаваляя за собою пустыя пространства. Нигдѣ не смѣлъ осановишь ихъ опрядѣ Польскихъ войскъ: они были разсѣваемы при первой схваткѣ. Ничто не могло проши- висься азіашской атакѣ ихъ. Прелашъ, нахо- дившійся тогда въ Радзивиловскомъ мона- шырѣ, прислалъ ошъ себя двухъ монаховъ съ предсавленіемъ, что между Запорож- цами и Правишельешвомъ сущешвуешъ согласіе, и что они явно нарушающъ свою обязанность къ Королю, а вмѣстѣ съ шѣмъ и народныя права. » Скажи Епископу ошъ лица всѣхъ Запорожцевъ; » сказалъ Кошевой »чтобы ошъ ничего не боялся: это казаки еще только люльки раскуривающъ. « И скоро величешвенное аббашешво обхва- шилось сокрушительнымъ пламенемъ, и колосальныя готическія окна его, сурово глядѣли сквозь раздѣлявшіяся волны огня. Бѣгущія толпы монаховъ солдашъ, жидовъ, наводнили многолюдные города и деревни почти осаваленные на произволь непріа- шеля. Одинъ только городъ Дубно не сда- вался. Эшимъ были раздражены всѣ чины, въ числѣ кошорыхъ занималъ не послед-

нѣе мѣшо Тарасъ Бульба. Они положили
взяшь его голодомъ. Толпы вольныхъ на-
ѣздниковъ облегли со всѣхъ сторонъ его
сѣны, расположились вмѣстѣ съ свои-
ми обозами, кошорые всегда почши за ни-
ми слѣдовали. Жишели съ небольшимъ
числомъ войскъ рѣшились вышерпѣшь воз-
можную спепенъ бѣдшвія и не сдавашь-
ся ни въ какомъ случаѣ. Запорожцы уд-
воили наблюденіе, чшобы никакое вспомо-
щесшвованіе немогло придши въ городъ,
играли въ чешъ и не чешъ, курили люль-
ки и съ убійшвеннымъ хладнокровіемъ
сморѣли на городекія сѣны. Прошло
двѣ недѣли и не сморя на шо, чшо они
свои вольныя набѣги гораздо болѣе пред-
почынали осадамъ городовъ, однакожъ ни
чшо не могло преодолѣшь ихъ шерпѣнія.—
Молодые, попробовавшіе бишвъ и опасно-
стей, старали нешерпѣніемъ и въ числѣ
ихъ были наши герои Османъ и Андрій,
вдругъ приобрѣвшіе опышность въ воен-
номъ дѣлѣ, пылкіе, исполненные ошваги,
желавшіе новыхъ вешрѣчь, жадные уз-
нашь новыя эволюціи и варіаціи войны

и показашъ свое умѣніе играшъ опасно-
снями. Оспашъ, казалось, шолько на шо и
созданъ былъ, чшобы гуляшъ въ вѣчномъ
ширѣ войны. Онъ шеперь уже казался
чѣмъ-шо Ашлешическимъ, колосальнымъ.
Его движенія приобрѣли крѣпкую увѣрен-
ность, и все качества его, прежде неза-
мѣшныя, получили размѣръ ширѣ и каза-
лись качествами мощнаго льва. Андрій
шакже погрузился весь въ очаровашель-
ную музыку мечей и пультъ, пошому чшо
нигдѣ воля, забвеніе, смерть, наслажденіе
не соединяюшся въ шакой обольшешель-
ной, спрашной прелешши, какъ въ бишвѣ.

Эшошъ долгій роздыхъ, кошорый они
имѣли подъ слѣшнами города, имѣ не пра-
вился. Андрій сидѣлъ долго возлѣ обоза
своего, шогда какъ уже все спали, кромѣ
нѣкошорыхъ споявшихъ на спорожѣ. Ночь,
Іюньская, прекрасная ночь съ безчислен-
ными звѣздами, обнимала опуешешенную
землю. Вся окрешность предшавляла
величешвенное зрѣлище: вблизи и вда-
ли были видны зарева горѣвшихъ дере-
вень. Въ одномъ мѣшѣ пламя спокойно

и величественно сплалось по небу; въ другомъ мѣсѣ оно вспрѣшивъ что-то горючее, вдругъ вырвавшись вихремъ свисѣло и лешѣло вверхъ подѣ самыя звѣзды и ошорванные оглопья его гаснули подѣ самыми дальними небесами. Въ одномъ мѣсѣ обгорѣлый, черный монашырѣ, какъ суровый Карнезіанскій монахъ сполялъ грозно, выказывая при каждомъ ошблескѣ мрачное свое величіе. Въ другомъ мѣсѣ горѣло новое зданіе, пошопленное въ садахъ. Деревья шипѣли и покрывались дымомъ; иногда сквозь нихъ просвѣчивалась лава огня и гроздія грушѣ, обвѣсившихъ вѣшви, принимали цвѣшѣ червоннаго золоша, даже видны были издали сливы, получившіе фосфорической, лидово-огненный цвѣшѣ; и среди эшаго иногда чериѣло висѣвшее на стѣпѣ зданія шѣло бѣднаго жида или монаха, погибавшее вмѣшѣ съ строеніемъ въ огнѣ. Надѣ нимъ вились вдали пшцы, казавшіеся кучею шемныхъ мелкихъ крашинокъ въ видѣ едва замѣшныхъ кресшиковъ на огненномъ полѣ. Среди шцины одни шоль-

ко спущанные кони производили шумъ и звонкое ихъ ржаніе отдавалось съ раскатами нѣсколько разъ повшорявшимися дребезжащимъ эхомъ.

Онъ глядѣлъ безмолвно на эту спрашную и чудную каршину и вдругъ почувствовалъ какъ будто присущствіе чего-то; ему казалось, какъ будто возлѣ него кто-то стоялъ. Онъ оглянулся и въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ стоявшую подлѣ себя женщину. Смуглыя чершы лица ея и азіатская фізіогномія показались ему какъ-то знакомыми. Онъ смалъ глядѣшь присмалънѣе: Такъ! это была Ташарка! ша самая Ташарка, кошорая служила горничною при дочери Ковенскаго воеводы. Онъ всрепенулся. Сердце сильнымъ ударомъ стукнуло въ его мощную грудь и все минувшее, что было во глубинѣ, что было закрыто, заглушено, подавлено настоящимъ вольнымъ быномъ, все это всплыло разомъ на поверхность, пошопивши въ свою очередь настоящее, вся гордая сила юности зажглась вдругъ самымъ шоминельнымъ приливомъ безпокойства несшерци-

маго и спрашнаго. Вопросы пошолокомъ излились изъ его груди: » Ошкуда? какъ? гдѣ швоя Панна? какъ шы явилась здѣсь? чшо эшо значишь? говори, не мучь меня! «

» Тише, ради Бога тише « говорила Ташарка и закушалась въ казацкій кобинякъ, кошорый было сбросила съ себя. » Панна узнала васъ между Запорожцами. Она въ городѣ. «

» Милосердый Іисусъ! она здѣсь? чшо шы говоришь? она въ городѣ? «

Ташарка кивнула ушвердительно головою.

» Чшожь она? говори, говори! чшожь шы молчишь? «

» Она другой день уже ничего не ъла. «

» Какъ! «

» Ни у одного изъ жишелей въ городѣ нѣшь куска хлѣба. Все давно уже ѣдяшь одну землю. «

» Спасишель Іисусъ! П вы до сихъ поръ не сдѣлали ни одной вылазки? «

» Нельзя. Запорожцы кругомъ облегли сѣны. Одинъ шолько пошашенный ходъ п ешь; но на шомъ самомъ мѣсѣ шешь

ваши обозы и если только узнаюшь эшонъ ходъ, шо городъ уже взяшь. Пана приказала мнѣ все объявишь вамъ, пошому что вы не захошите измѣнишь ей.

» Боже, измѣнишь ей! И я ее увижу! О!... когда бы мнѣ не умереть только до того часу.« Вся грудь его была проникнута самымъ пронзительнымъ ощущеньемъ радости. Онъ со всѣмъ пыломъ поспѣшности бросился изъ шатра своего, началъ обыскивать все, что только могъ найти съѣсшнаго и скоро два небольшіе мѣшки были нагружены пшеномъ и сухарями. Онъ далъ ихъ въ руки Ташаркѣ, закушалъ ее плащемъ, и приказалъ сказать Паннѣ, что онъ скоро будетъ самъ; онъ велѣлъ Ташаркѣ, опнесши припасы, ожидать его прихода. Онъ теперь думалъ только какъ бы безопаснѣе привезти ее до мѣста, гдѣ былъ скрытъ подземный ходъ. Эшонъ ходъ былъ подь самымъ возомъ наполненнымъ военными снарядами. Къ счастью его, Запорожцы, по обыкновенной своей безопасности, все спали мершвецки. Тихо шелъ онъ съ нею рука объ

руку и желая обойши спящихъ шолкнулъ ее нечаянно локшемъ, кобенякъ слешѣлъ и зарево яркимъ блескомъ освѣшило ее бѣлое плашье. Спасишель, она ошкрыша! все пропало. Онъ со спрахомъ и мершвою, убишою душою повель глазами вокругъ: Боже, какое счастье! даже зоркій спорожь, споявшій на самомъ опасномъ посшѣ, спаль склонившись на ружье. Ташарка, закушавшись крѣпче въ кобенякъ, полезла подь шелегу, небольшой чешвероугольникъ дерну приподнялся — и она ушла въ землю.

Торопливо онъ ворошился къ своему мѣсну, желая обешошрѣшь, все ли спяшь и все ли спокойно.

» Андрій? « сказалъ въ эшо время поднявши голову спарый Бульба, » какая эшо къ шешѣ Ташарка приходила? «

Если бы кшо нибудь въ шо время посмошрѣлъ на Андрія, шо бы почель его за мершвеца, всшавшаго изъ могилы.

» Эй, спешри сынь, ей Богу ошдѣлаю шешбя башогомъ шакъ, чшо до предешав-

ленія свѣша будешь большь спина. Бабы не доведуть шебя къ добру. «

Сказавши это Бульба, или былъ упруженъ забошами, или заняшъ какимъ нибудь важнымъ планомъ, вовсе не полагая, что бы эта Ташарка была изъ города, а признавъ ее за какую нибудь бѣглянку изъ села, съ кошорою сынъ его свель иншригу, какъ бы шо ни было, шолько онъ поворошился на другую сторону и заснулъ.

Андрій ошдохнулъ.

Съ препенущимъ сердцемъ бросился онъ къ обозамъ, обшарилъ гдѣ шолько было съѣшное, нагрузилъ мѣшки и неизмѣримыя шаровары свои и во все продолженіе ашаго, сердце его мѣло, духъ занимался, и казалось, улешалъ при одной мысли о шой радости, кошорая ждала его впереди. Еще разъ обсмошрѣлся онъ вкругъ не чувствуя ни сердца, ни земли, ни себя, ни міра и поползъ подъ шелегу. Небольшое ошверешіе вдругъ ошкрылось передъ нимъ и снова за нимъ захопнулось. Онъ вдругъ очушился въ совершенной шемнощѣ. Онъ чувшвовалъ подъ но-

гами своими спупени, идущія внизъ, кшо-шо схватилъ его за руку. Они шли долго; наконецъ спупени прекрашились, подъ нимъ была гладкая земля. Свѣшъ фонаря блеснулъ въ подземномъ мракѣ. »Теперь идише прямо « говорилъ ему голосъ: эшо была Ташарка. Коридоръ шель подъ городской стѣною и оканчивался шакою же лѣшницею вверхъ. Наконецъ онъ очутился среди города, когда уже занялась заря и перепархивалъ ушренный вѣшеръ. Ни одна шруба не дымилась. Мершвый видъ города прерывался слабыми болѣзненными спонами, кошорые не могли не поразить его. На спражѣ спояли часовые, блѣдные какъ смершь: эшо были больше привидѣнія, нежели люди. Среди самой дороги попался имъ самый ужасный паразительный предметъ: эшо была женщина, спрашная жершва голода, лежавшая при послѣднемъ издыханіи, списнувшая зубами изсохшую свою руку. Содрогнувшись, спѣшилъ онъ въ слѣдъ за Ташаркою; онъ лешѣлъ всѣми чувешвами видѣшь шу, за счасіе кошорой онъ гошовъ былъ ош-

дашь всю жизнь. Онъ взбѣжалъ на крыльцо; онъ вошелъ въ комнашу. Вездѣ была тишина: все или спало, утомленное сраданіемъ, или безмолвно мучилось. Онъ вступилъ на порогъ спальни. О какъ замерло его сердце! какъ замлъль онъ весь, когда оно ему сказало, что черезъ секунду, чрезъ молнію мига, онъ ее увидишь.

И онъ ее увидѣль, увидѣль шу, кошорая когда-то была беззаботна, весела, вѣспрена, шаловлива, кошорая когда-то надѣвала на него серги и убирала его своими прекрасными, легкими какъ крылья мошылковъ, убранешвами. Онъ ошашъ увидѣль ее. Она сидѣла на диванѣ подвернувши подъ себя обворожешельную спройную ножку. Она была шомна; она была блѣдна, но бѣлизна ея была произишельна, какъ сверкающая одежда серафима. Гебеновыя брови, шонкія, прекрасныя, придавали что-то спремешельное ея лицу, обдающее священнымъ шрешешомъ сладкой боязни, въ первый разъ взглянувшаго на нее. Рѣсницы ея, длинныя, какъ

мечшанія, были опущены и шепными шон-
кими иглами виднѣлись рѣзко на ея не-
бесномъ лицѣ. — Чшо эшо было за созда-
ніе! И эшо созданіе, кошорое казалось, для
чуда было рождено среди міра, къ ногамъ
кошораго повергнушь весь міръ, всѣ со-
кровища казалось малою жершвою, эшо
небесное созданіе шерцѣло голодь и все,
чшо ешь горькаго для жившелей земли.
Заплеснѣвъшая корка хлѣба, лежавшая на
золшомъ блюдь, какъ драгоцѣнность, по-
казывала, чшо еще недавно здѣсь было
чувешвуемо все свирѣисшво голода. Услы-
шавши шумъ, она приподняла свою голо-
ву и обрашила къ нему взглядъ долгій,
сокрушительный. Онъ оняшь, казалось, не-
чезнулъ и пошерялся. Лице ея съ перва-
го раза ему показалось какъ будшо дру-
гимъ: въ немъ были прежнія чершы, но въ
немъ же заключалась бездна новыхъ, пре-
красныхъ, какъ небеса. Эшошь признакъ
безмолвнаго сшраданія, эшошь болѣзнен-
ненный видъ. . . . О, какъ она была лучше
прежняго! Онъ бросился къ ногамъ ея, при-
никъ и глядѣлъ въ ея могучія очи. Улыб-

ка какой-то радости сверкнула на ее устахъ, и въ то же время слеза какъ бриліантъ повисла на рѣсницѣ.

»Царица!« сказалъ онъ, »что для тебя сдѣлашь? чего ты хочешь?«

Она посмотрѣла на него пристально и положила на плечо его свою чудесную руку. Съ пожирающимъ пламенемъ спроси покрывъ онъ ее поцѣлуями.

»Нѣтъ. Я не пойду отъ себя. Я умру возлѣ себя. Пусть же у ногъ швоихъ пожираемый голодомъ я умру какъ и ты моя Панна! и за смерть, за сладкую смерть у швоихъ ногъ, ничего не хочу!«

»А швои товарищи, а швой отецъ,—ты долженъ ийти къ нимъ.« говорила она тихо. Уста ея еще долго шевелились безъ словъ и глаза ея, полныя слезъ, не сводились съ него.

»Что ты говоришь!« произнесъ Андрей со всею силою и крѣпостью воли. »Что бы тогда за-любовь моя была, когда бы я бросилъ для тебя только то, что легко бросишь. Нѣтъ моя панна, нѣтъ моя прекрасная. Я не шакъ люблю: Ошца, бра-

па, мать, опчизну, все, что ни есть на
земль—все отдаю за себя, все прощай!
я шерсть вашу! я швой! чего еще хочешь.

Она склонилась къ нему головою. Опъ
почувшвоваль, какъ элекшрически-пламен-
ная щека ея коснулась его щеки и лобзаніе,
у! какое лобзаніе! слило уша ихъ при-
кипѣвшія другъ къ другу.

V.

»Пане!« сказаль жидь Янкель, высунувъ свой яломокъ въ шашерь, гдѣ сидѣль Бульба. Эшо былъ пошъ самый Янкель, кошораго онъ избавиль ошъ смерши и кошорый шеперь маркишаншвоваль и шпіонничаль при Запорожекомъ войскѣ. »Пане, знаеше ли, что дѣлаешся?«

»А что?«

» Идешъ пѣнадцашъ тысячъ войска Польскаго и пушки везушь. «

» Били двѣдцашерыхъ , побьемъ и пѣнадцашъ! « отвѣчалъ Бульба.

» А знаеше ли, еще что дѣлаешся? «

» А что? «

» Вашъ сынъ Андрій, ой вей миръ, что эшо за славной рыцарь! . . . «

» Ну? «

» Онъ шеперь держишь сторону Польши. «

» Какъ? « подхватилъ Бульба, вскочивши: » чшобы диня мое . . . чшобы мой сынъ . . . да я шебя убью, прокляшой жидь! врешъ ты, чершово племя! «

» Ай, ай! какъ можно, чшобы я враль! Пусть онцу моему не будешъ счастья на шомъ свѣшъ, если я вру. «

» Какъ! чшобы сынъ Тараса Бульбы да посягнуль на шакое дѣло? «

» Далибугъ, ей же Богу шакъ. «

» Что бы онъ продалъ Хриштову вѣру и ончизну? «

» Далибугъ, шакъ. Я его видѣлъ самъ собешвенными глазами. Фай, какой важной рыцарь! Сто восемьдесятъ червонныхъ ешо-яшъ одини лапы, богашья лапы: веѣ въ золошъ, а если бы вы увидѣли, какъ онъ славно муштруешъ солдашами.«

Тарасъ Бульба былъ пораженъ какъ будно громомъ. »Ты пушаешъ, прокляшой Гуда! Не можно, чшобы крешеное дшия продало вѣру. Если бы онъ былъ Турокъ, или нечешый жидъ... Нѣшъ, не можешъ онъ шакъ сѣдлашъ! Ей Богу, не можешъ!« Но однако же онъ вспомнилъ, чшо уже два дни, какъ его не видалъ, онъ вспомнилъ про Ташарку, появляющуюся въ его сшавкѣ — и глаза его сверкнули. Ярошъ, ярошъ желѣзная, могучая, ярошъ шигра вспыхнула на его лицѣ. »Вишъ чершова дѣшина, шы шаки свое взяла! Породилъ же шебя чоршъ на позоръ всему роду!« Съ лицемъ, разгорѣвшимся ошъ гнѣва, онъ вышелъ изъ сшавки и далъ приказъ сѣдлашъ коней. Между шѣмъ Кошевой раздавалъ побелѣнїя ошъ себя бышъ веѣмъ въ гошовшешни и нешзволяшъ никакимъ обра-

зомъ осажденнымъ соединились съ приближавшимся Польскими войсками. Непріятельскихъ войскъ было однако же болѣе, нежели пашнадацать тысячъ. Кошевой вмѣстѣ съ совѣтомъ Старшинъ рѣшили на шомъ, чшобы усилить болѣе ту линію, кошорая обращена къ непріятелю. Черезъ это цѣпь съ прошивуположной стороны города ослабѣла. И хошя Польскіе войска были ошбины съ перваго раза и пришомъ съ большимъ урономъ, но ошрядъ ошавшійся въ городъ рѣшился воспользоваться малочисленностью прикрытія и дѣйствительно, сдѣлавши вылазку, прорвался черезъ цѣпь и успѣлъ соединиться почти въ виду Запорожцевъ. Бульбарвалъ на себѣ волоса съ досады, чшо уже невозможно было уморить ихъ всѣхъ голодомъ. Запорожцы сдвинулись въ гущую непреломную стѣну— маневръ, всегда доснавлившій имъ существенную выгоду, пошому чшо шакшика ихъ соединяла Азіатскую стремительность съ Европейскою крѣпосшію. Непріятель, не смошря на шо, чшо былъ вдвое сильнѣе, не былъ

въ силахъ удержашъ превосходства. Бишва завязалась самая жаркая и кровопролитная. Тарасъ Бульба занималъ одно изъ главныхъ Начальствъ, и при Коронные полка, не въ союзаніи будучи удержашъ его стремительной ашаки, готовы были опешупишь и предашься бѣгешву, какъ вдругъ онъ обрашилъ все силы свои совершенно въ другую сторону.

Онъ завидѣлъ въ сторонѣ опрядъ, сполвшій, по видимому, въ засадѣ. Онъ узналъ среди его сына своего Андрія. Онъ опдалъ кое-какіе насшавленія Опшапу, какъ продолжашъ дѣло, а самъ съ небольшимъ числомъ бросился, какъ бѣшеный, на опшопъ опрядъ. Андрій узналъ его издали и видно было издали, какъ онъ весь зашрепещалъ. Онъ, какъ подлый прусъ, спряшался за ряды своихъ солдатъ и командовалъ опшуда своимъ войскомъ. Силы Тараса были немногочисленны: съ нимъ было шолько восемнадцашъ человекъ, но онъ ринулся съ шакимъ свирѣпешвомъ, съ шакимъ свержъ ешешвеннымъ спремленіемъ, что ряды ушупали со спрахомъ передъ эшимъ

разгнѣваннымъ вепремь. Врядь ли тогда его можно было съ чѣмъ нибудь сравнить: шапки давно не было на его головѣ; волосы его развѣвались, какъ пламя и чупь какъ змѣя раскидывался по воздуху; бѣшеной конь его грызъ и кусаль коней непріятельскихъ; дорогой акшамешъ былъ на немъ разорванъ; онъ уже бросилъ и саблю и ружье и размахиваль шолько одной ужасной непомѣрной тяжесши булавой, усеянной мѣдными иглами. Нужно было взглянуть шолько на лицо его, чшобы увидѣшь лицешворенное свирѣпство, чшобы извинишь шрусосиь Андрія, чувствовавшаго свою душу не со всемъ чиешою. Блѣдный — онъ видѣль какъ гибли и разсѣвались его Поляки, онъ видѣль какъ послѣдніе, окружавшіе его, уже гошшвы были бѣжашъ, онъ видѣль какъ уже нѣкошорые, поворошивши коней своихъ, бросали ружья: » Спасише! « кричалъ онъ, ошчаянно просширая руки: » куда бѣжише вы! глядише: онъ одинъ.« Опомнившіеся вошны на минушу ошановились и въ самомъ дѣлѣ ободрились, увидѣвши,

что ихъ гонить только одинъ съ преме
ушомленными казаками. Но напрасно си-
лились бы они усноять прошивъ шакой
ошчаянной воли. » Нѣшь, шы неуйдешъ ошь
меня! « кричалъ Тарась поражая бѣгущихъ,
начинавшихъ думать, что они имѣюшь
дѣло съ самимъ дьяволомъ. Ошчаянный
Андрій сдѣлалъ усиліе бѣжанъ, но поздно:
ужасный ошець уже былъ передъ нимъ.
Безнадежно онъ осшановился на одномъ
мѣстѣ. Тарась оглянулся: уже никого не
было позади его, всѣ сошоварищи его по-
легли въ разныхъ мѣсшцахъ поля. Ихъ толь-
ко было двое.

» Что, сынку? « сказалъ Бульба, глянув-
ши ему въ очи.

Андрій былъ безошвѣшенъ.

» Что, сынку? « повшорилъ Тарась. » По-
могли тебѣ швои Ляхи? «

Андрій не произнесъ ни слова; онъ спо-
ялъ, какъ осшужденный.

» Такъ продашь, продашь вѣру? Про-
кляшь шощъ и часъ, въ кошорый шы ро-
дился на свѣшъ! «

Сказавши это, онъ глянулъ съ какимъ-то извешупленно - сверкающимъ взглядомъ по сторонамъ.

» Ты думаль, что я опдамъ кому нибудь диня свое? Нѣтъ! Я тебя породилъ, я тебя и убью. Спой и не шевелись и не проси у Господа Бога оппущенія, за шакое дѣло не прощаюшь на шомъ свѣтѣ. «

Андрій, блѣдный какъ полошно, прошепсаль губами одно шолько имя, но это не было имя родины, или опца, или ма-шери: это было имя прекрасной Полячки.

Тарасъ опешупилъ на нѣсколько шаговъ, снялъ съ плеча ружье, прицѣлился... вышрѣлъ грянулъ...

Какъ хлѣбный колосъ, подрѣзанный серпомъ, какъ молодой барашекъ, почувшвовавшій смершельное желѣзо, повисъ онъ головою и повалился на шраву, не сказавши ни одного слова.

Ошановилса сыноубійца и думаль: предашь ли шѣло измѣнника на расхищеніе и поруганіе, чшобы хищныя шшцы расшрепали его и сыромахи волки розшар-

пали и разнесли его желшья косши, или
чесшно погребши въ земль?

Въ это время подьхаль Осапъ. »Башь-
ко! « сказалъ онъ. Тарасъ не слышаль.

» Башько, это шы убиль его? «

» Я, сынку! «

Лице Осапа выразило какой-шо без-
молвный упрекъ. Онъ бросился обнимашь
своего шоварища и спушника, съ кошорымъ
дзядцань лъшь росли вмѣшъ, жили по-
нолашь.

» Полно, сынку, довольно! Понесемъ
мершвое шъло, похоронимъ! « сказалъ Та-
расъ, кошорый въ шо время сжалъ въ
груди своей подешупавшее ѣдкое чувшво.

Они взяли шъло и понесли на плечахъ
въ обгорѣлый лѣсъ, споявшій въ пылу
Запорожекыхъ войскъ, и вырыли саблями
и коньями яму.

Тарасъ оставиль копье и взглянулъ
на шрупъ сына. Онъ былъ и мершвый
прекрасень: мужесшвенное лице его, не-
давно исполненное силы и непобѣдимаго
для женъ очарованія, еще сохраняло въ
себѣ слѣды ихъ; черныя брови, какъ шра-

урный бархашъ, опшѣняли его поблѣднѣвшія черны. » Чѣмъ бы не казакъ былъ? « сказала Тарасъ : » и спаномъ высокій, и чернобровый, и лице какъ у дворянина, и рука была крѣпка въ бою — пропаль! пропаль безъ славы!.. «

Трупъ опушили, засыпали землею и чрезъ минушу уже Тарасъ размахиваль саблею въ рядахъ непріятельскихъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Разница въ шомъ шолько, что онъ бился съ большимъ изсупленіемъ, старая желаніемъ опмешить смерть сына. Прибывшій въ шо время его собсвенный полкъ, подъ начальствомъ Товкача, дославиль ему значительный перевѣсъ. Онъ наконецъ узналъ, кшо былъ виною опсупническаго его сына и положилъ, во что бы ни спало, взять городъ. И онъ бы исполнилъ эшо. Свирѣпый, онъ бы прошекъ, какъ смерть, по его улицамъ. Онъ бы выпацилъ ее своею желѣзною рукою, ее обворожительную, нѣжную, блистающую; свирѣпо повлекъ бы ее, схвативши за длинныя, обольщительныя волосы, и его кривая сабля

сверкнула бы у ея голубиного горла....
Но одно непредвидѣнное происшествіе
осіановило его на пуши непримиримой
мѣши.

VI.

Въ Запорожское войско пришло извѣстiе, что Съчь взята, раззорена Ташарами и большая часть оспававшихся Запорожцевъ забрана въ плѣнь вмѣстѣ съ нѣсколькими кучками. Въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно казаки спарались, не теряя времени, насшигнушь хищниковъ на возвращенной ихъ дорогѣ и перехвашишь добычу,

пошому чшо шремя недѣлями позже, уже
эшого сдѣлашь было невозможно и плѣн-
ные казаки могли вдругь очушишь на
рынкахъ Великой Азін. Кошевой положишь,
и мѣнѣе его подкрѣпили прочіе чины,
ишши на помощь немедленно, разсуждая,
чшо уже довольно они ошомшили за из-
мѣну Полякамъ и смерть Гешмановъ, и
чшо опущошенныя поля будущь помнишь,
какъ госпили на нихъ Запорожцы. На
эшо изъявилъ согласіе и Бульба, хошя ему
чрезвычайно хошѣлось взять городъ. Уже
онъ ошправился, чшобы ошдать приказъ
выючиль коней и мазать шельги, какъ
вдругь ошановилея и сказалъ: »я хошѣль
спросишь еще объ одномъ у тебя, Аша-
манъ! Вѣдь кажешя въ непріятельскомъ
войскѣ ешь нашихъ человекъ шридцать
въ плѣну?»

» Я посылашь просишь размѣна, — не
согласяюшяся. «

» Такъ мы, стало бышь, ихъ и оспа-
вимъ шакъ? «

» Чшо жь дѣлашь. «

» Какъ! чшобы они оняшь замучили ихъ?

» А что жь дѣлать! « отвѣчалъ Кошевой:
» вѣдь помочь нельзя; хоть и оспанемся,
то не одолѣемъ, а между шѣмъ и свое прогу-
ляемъ: Ташарва не спанешъ ожидашь насъ. «

» Такъ, спало бышь, пусшь ерешичное
поганство какъ хочешъ, шакъ и ругаешся
надъ Христіанскою вѣрою? «

Кошевой пожалъ плечами.

» А мнѣ кажешся, Ашаманъ, шакъ не
бываешь эшому. «

» А ошь чего жь бы не бываешь? «

» Да шакъ; я уже знаю. «

» Ова! какъ важно! « сказалъ Кошевой,
прижавши пальцемъ золу въ своей люлькѣ.

» Слышали ли вы, панове, что Коше-
вой хочешъ сдѣлать? « сказалъ Бульба,
выходя ошь Кошевого и обращаясь къ За-
порожцамъ. » Онъ хочешъ, ачшобы мы
шеперь же опсправились на Сѣчу, а шова-
рищей, шѣхъ, что понались въ плѣнь
непріятелю, шакъ бы и осшавили, ачшобы
ихъ замучило поганое ерешичство. Чшо
вы скажеш на это? «

» Непослушаемъ мы Кошевого! « сказала
въ одинъ голосъ часшь Запорожцевъ,

ощдѣлилась и спала на спороны. Ихъ было около тысячи человекъ.

Кошевой вышелъ. Онъ уже слышалъ волненіе, которое произвелъ неугомонный Бульба. » Чего вы хошите? Изъ чего подняли вы шакой гвалтъ! « закричалъ онъ грозно.

» Мы не хошимъ итти на Сѣчу. Мы оспаемся здѣсь! « кричала толпа.

» Чшо вы? едурѣли? Я васъ, чоршовы дѣши, перевяжу всѣхъ! «

» Какую онъ можешь имѣшь власшь? « сказалъ Тарасъ, обращаясь къ Запорожцамъ. » Мы вольные казаки! «

» А чшо жъ? мы вольные казаки! « говорили Запорожцы.

» Дамъ я вамъ вольныхъ! Вы гдѣ вольные? на Сѣчѣ. Вошь шамъ, вы вольные! Тамъ вы можете сняшь съ меня досшонство, связашъ меня и убийшь, и все, чшо хошите; а шущъ вы ни слова. Знаете ли вы, чшо шакое военное право? — А шы чшо шущъ заводийшь бунтъ? « сказалъ онъ, обращаясь къ Бульбѣ.

» Цѣшъ, я не буншъ чиню, а исполняю долгъ Христіанской! « хладнокровно ошвѣчалъ Тарасъ. » Я спою за права наши, ибо мы должны защищашъ Христіанскую кровь. «

» Я шебя, спарый чоршъ, присмыкну къ обозу. «

» А ну попробуй! «

» Слушайте, пане-брашы! « сказалъ Кошевой, нѣсколько смягчивши рѣчь. » За что же вы осшавляете шѣхъ своихъ шоварищей, кошорыхъ на Сѣтъ забрала Ташарва въ полонъ? Или вы думаете, что Ташары поступяшъ лучше, чѣмъ Ляхи? «

» То Ташарва, а шо Ляхи: другое дѣло, « ошвѣчалъ Бульба. » Еще у бусурмена ешь совѣшь и спрахъ Божій, а у Кашоличества и не было и не будетъ. Посшойте, хлопцы, и я скажу: Чшо, если бы вы попался въ плѣнь, да начали бы съ васъ живыхъ драшъ кожу, или жарить на сковородахъ? Чшо бы вы шогда сказали? А изъ вашихъ земляковъ, изъ шоварищей, изъ шѣхъ, что должны до послѣдней крови защищашъ, изъ шѣхъ шоварищей ни одинъ

бы не захопѣлъ подашь руку помощи, что бы вы тогда сказали?»

» А что бы сказали?» произнесли нѣкоторые: » сказали бы: вы помои, а не Запорожцы! « Замѣтно было, что слова Тараса сильно потрясли ихъ.

» Сшойте, хлопьяша! и я скажу! « кричала Апшаманъ. » Ну скажише, пановебрашы, куда вашъ умъ дѣлся? Посудише сами, гдѣ вамъ управишься съ такими непріятелями? Ихъ больше десятии тысячъ, а васъ, можешъ бышь, двѣ. Вѣдь пропадете все на мѣшѣ! «

» Пропадашь, шакъ пропадашь! « сказалъ Бульба.

» Оспавайшесе же шущъ, если уже шакъ захопѣли своей погибели! А шѣ, которые разумнѣе васъ, гайда въ дорогу! «

» Вы дѣлайше свое, а мы будемъ дѣлать свое! « сказалъ Бульба.

Обѣ спороны неподвижно сшали одна противъ другой и минушу сохраняли мершвое молчаніе.

Наконецъ споявшіе въ первыхъ рядахъ посѣдѣвшіе Запорожцы, ушупивъ глаза въ

землю, начали говорить: » Оно конечно, если разсудишь по справедливости, то и вы исполняете честь Лыцарскую, и мы пошупаемъ по Лыцарскому обычаю. На то и живешь человекъ, чшобы защищать вѣру и обычай. Пришомъ жизнь шакое дѣло, чшо если о ней сожалѣшь, шо уже не знаемъ, о чемъ не жалѣшь. Скоро будемъ жалѣшь, чшо бросили женъ своихъ. Нужно же попробовашъ, чшо шакое смерть. Вѣдь пробовали всякія невзгоды въ жизни. Въ шомъ и другомъ случаѣ мы не должны нишашъ другъ прошивъ друга никакой неприязни. Мы все Запорожцы, все изъ одного гнѣзда, всехъ насъ вспоила Сѣчь, все мы братья родные . . . . Спрашиваемъ каждаго, не имѣешь ли прошивъ насъ какого неудовольешвія? «

» Никакого! всегда были довольны! «
закричали все въ одинъ голосъ.

» Ну шакъ пусть же на разшаваньи, чшо будешь впредъ, шо Богъ одинъ знаешь, можешь бышь ни одинъ изъ насъ уже не увидишь дружка дружку; шакъ поцѣлуемъ ся все. «

И двѣ тысячи войска перецѣловались съ двумя тысячами. Кошевой обнялъ Тараса.

» Ну прощайше же, паны - брашы, молодцы! Дай же Боже, чшобы все было шакъ, какъ Богу угодно! Если мы положимъ головы, шо вы разекажете про насъ, чшо шакіе - шо гуляки не даромъ жили. Если же вы поляжете и примеше чешную смерть, шо мы повѣдаемъ, чшобы знала вся Украина, да и другія земли, что были шакіе молодцы, кошорые и вѣру Христову знали обороняшь, да и шоварищество уважали. Прощайше! пущь благословеніе Божіе будешъ и съ вами и съ нами! « Обѣ половины войска соединилсь вмѣшть, чшобы не дашь узнашь неприяшело о своемъ раздѣленіи, и ошснулили къ обгорѣлому монашырю, у подошвы кошораго былъ глубокій яръ. Удалявшаяся половина съ Кошевымъ Ашаманомъ опушнлась по скаму горы и яромъ, невидимая неприяшелемъ, пробиралась въ шншинѣ и молчаніи. Сшоявшій на вышощъ опрядь Польскаго войска не могъ не замѣшншь нѣко-

пораго движенія въ войскахъ Запорожскихъ и уже рѣшился было въ полночь же часъ сдѣлать нападеніе, но Французскій артиллеристъ и инженеръ, служившій въ Польскихъ войскахъ, большой знаменщикъ военнаго дѣла, остановилъ ихъ, сказавши: » нѣтъ, нѣтъ, господа! это не то, что вы думаете: это больше ничего, какъ самая дьявольская засада. О, этошъ народъ Запороги, « сказалъ онъ, положивши палецъ на свой яспребинный носъ, причемъ голосъ его, дошолъ хриплый, пискнулъ диканшомъ; » этошъ народъ Запороги хитеръ какъ самъ чортъ, или какъ капишангъ-дьяволь. «

» Ну панове молодцы! « сказалъ Бульба по удаленіи войска: » теперь пришла намъ пора показашъ честь Запорожскую. Глядише же: если придется до того, что уже не можно будешъ спюашъ прошивъ бусурменовъ, то, панове, чтобы всѣ легли на мѣсць, чтобы ни одинъ не оспался въ живѣ, чтобы всѣ, какъ добрые поварищи, покошомъ улеглись въ одной могилѣ. Теперь, передъ великимъ часомъ,

выпьемъ, паны-брашы, горѣлки, пошому чшо судьба наша теперь похожа на свадьбу, на кошорой долженъ веселишься всякой человекъ.»

Пяньдесять казаковъ опсправились къ обозамъ и вынули баклажки, гошовясь опсправляшь должность виночерпиевъ. Двъ шысячи казаковъ подешавили свои рукавицы.

» Прежде всего, пане-брашы, « сказалъ Бульба, подиявши вверху свою рукавицу: » долгъ велишь выпить за вѣру Хришову! Чшобы пришло наконецъ шакое время, чшобы по всему свѣшу разошлась она и всѣ бусурмены подѣлались бы наконецъ Христіанами. Да за однимъ уже разомъ и за Сѣчь, чшобы долго, долго она стояла на гибель всему бусурманешву, чшобы съ каждымъ годомъ выходили изъ нее молодцы одинъ другаго лучше, одинъ другаго лучше. Да уже вмѣстѣ выпьемъ и за нашу собешвенную славу, чшобы сказали внуки и сыны шѣхъ внуковъ, чшо были когда-шо шакіе, чшо не поштыдили шоварищешва и не выдали своихъ. И шакъ, панове-брашы

чшобы какъ эша горѣлка играешъ и ши-
баешъ пузырями, шакъ бы и мы шли на
смершь. Ну-ше, разомъ за вѣру!.. «

» За вѣру! « повшорили ближніе ряды,
поднявъ вверхъ рукавицы.

» За вѣру! « подхвашили дальніе.

» За Сѣчь! « сказалъ Бульба, поднявъ
снова рукавицу.

» За Сѣчь! « грянули ближніе. » За Сѣчь! «
ошозвалось въ дальнихъ.

» За славу и за вѣсхъ Христіанъ, ка-
кіе живущъ на Божьемъ свѣсхъ! «

» За славу и Христіанъ! « повшорили
ближніе. » За славу и Христіанъ! « повшо-
рили дальніе.

» Теперь на коней, хлопьяша! «

Всѣ очушились на коняхъ и выѣхали
вмѣстѣ спройною кучею. Всѣ дышали си-
лою свыше ешесшвенной. Эшо не былъ
дикой эншузїазмъ, порожденный ошчаяні-
емъ: эшо было чшо-шо совершенно другое.
Какое-шо вдохновение веселосши, какой-шо
прещель величїя ошущался въ сердцахъ
эшой гулливой и храброй толпы. Ихъ
черные и сѣдые усы величаво опускались

внизъ; ихъ лица были исполнены увѣренности. Каждое движеніе ихъ было вольно и рисовалось. Вся конная колонна ударила на непріятеля швердо, не совокуцля всей своей силы, но какъ будшо веселясь и играя своимъ положеніемъ. Подъ свистъ пуль вышупали они, какъ подъ свадебную музыку. Безъ всякаго теоретическаго понятія о регулярности, они шли съ изумительною регулярностію, какъ будшо бы происходившею ошъ того, что сердца ихъ и спраси были въ одинъ пакшъ единствомъ всеобщей мысли. Ни одинъ не ошдблялся; нигдъ не разрывалась эша масса. Польскіе войска, кошорые было приняли ихъ спремительнымъ упорствомъ, начали ошешупашъ пораженные робостію, и думая, не сверхъестественная ли какая сила начала помогашъ казакамъ. Лучшія расноряженія армін были совершенно уничтожены эшою разрушительною силою. Вся эша конная шолца неслась какъ-шо вдохновенно, не измбняясь, не охлаждая, не увеличивая своего пыла. Эшо была каршина и нужно было живописцу схватишь кисть

и рисовашь ее. Французскій инженеръ, кошорый былъ испинный въ дунгъ аршиешъ, бросилъ финиль, кошорымъ гошовился зажигашь пушки и позабывшиесь билъ въ ладони, крича громко: » bravo, месье Запороги! «

Около двухъ тысячъ человекъ непріятеля было убишо и ешолько же разсычалось и обрашилось въ бѣгство. Свѣжее новопрібывшее войско осшановилось какъ бы въ недоумѣніи. Запорожцы съ своей стороны не рѣшалнесь итти далѣе. Въ виду самага непріятеля взяли они осшавленныя пушки, часшы обоза съ провіаншомъ и осшешупили также спрашно, въ шпакомъ же шочно порядкѣ, къ обгорѣвшему монастырю, кошораго положеніе чрезвычайно благопріятешвовало укрышнію. Бульба широваль вмѣстѣ съ Запорожцами послѣ такой славной бшшвы; но когда обемошрѣль и перечель ряды свои, ихъ осшавалось всего шолько не больше штысячи. Между шѣмъ новыя войска шприходили безпрешшанно на помощь и ешли шчно спасло его ошъ непріятельскаго наца-

денія, шакъ это глубокая догадка Французскаго инженера, засшавлявшаго опасашься скрышаго множешва Запорожцевъ.

Между шѣмъ Бульба узналъ, что Запорожскіе плѣнники опшравлены съ конвоемъ по Варшавской дорогѣ. Въ головѣ его шощасъ родилась мысль перехватишь ихъ. Объявивши объ эшомъ войску, онъ началъ шайно гошовишься къ опшупленію. Цѣлый день казаки мазали дехшемъ свои шелѣги, чшобы не скрышѣли; большую половину пушекъ закопали въ землю, чшобы они не могли досшашься неприятелю, и продолжали безирешанную перестрѣлку. Часшъ Запорожцевъ скинула еъ себя верхнюю одежду: изъ нее подѣлали чучель и разешавили на ешѣнахъ монашшрекшхъ, вездѣ, гдѣ была епража. За монашшремъ они нашли дорогу, о кошорой, по всѣмъ вѣрояшноешямъ, ничего не знали неприятели. Она продиралась между двумя рышвинами и была совершенно завалена изрубленнымъ лѣсомъ и пепломъ. Пользуясь глубокимъ мракомъ ночи, они

пронулись, пошянулись гужемъ со вѣмъ
 обозомъ, продирались около пашы верешъ
 и наконецъ пробрались на чистое поле,
 гдѣ совершенно уже не было видно непріа-
 шеля. Запорожцы пріударили коней и по-
 неслись. Еще полчася времени — и они бы
 вѣрно вспрѣшили своихъ закованныхъ зе-
 мляковъ. Они бы имѣли еще доспашочное
 время бросишься на проселочную дорогу
 и, благодаря бышрошѣ Тапарскихъ коней,
 можешъ бышъ Сѣчь увидѣла бы вновь сво-
 ихъ главныхъ защитниковъ. Но какъ на-
 рочно, Польскіе войска вздумали сдѣлать
 нападеніе на монашыръ. Дальновидный ин-
 женеръ искусно зажегъ лѣсъ, къ нему при-
 мыкавшій, увѣряя, что вѣсь будущъ имѣшъ
 славное жаркое изъ казачей дичи. Но
 глубокая шипина изумила ихъ. Изумленіе
 еще болѣе увеличилось, когда они увидѣли,
 вмѣсто замѣченныхъ ими издали Запорож-
 цевъ, одни чучела. Но вѣмъ признакамъ
 они видѣли, что Запорожцевъ было не-
 большое число. Эшо увеличило ихъ до-
 саду, и начальшвовавшій войсками, чело-
 вѣкъ запальчивый, въ ту же минушу оп-

даль приказъ устремилъся на преслѣдованіе. Если бы Бульба не выбрался шакъ громоздко, шо онъ могъ бы бышь до сихъ поръ гораздо далѣе и шѣмъ, можешъ бышь, ускользнушь опшь преслѣдованія. Но онъ пожалѣлъ оставишь нѣсколько пушекъ, а чрезъ нѣсколько минушь увидѣлъ подымающуюся пылъ опшь многочисленнаго, съ двухъ споронъ шедшаго войска. Вишь чоршь побери! Ляхи пронюхали, сказаль онъ, вышуснивъ изо рша люльку, кошо-рую уже началъ было куришь съ величайшимъ спокойствіемъ.

Видя невозможность дальнѣйшаго опшешупленія опшь шакого множества, онъ, съ обыкновеннымъ своимъ хладнокровіемъ, даль повелѣніе сдвинушь обозъ въ кучу и окружишь его нѣсколькими рядами Запорожцевъ. Эшошь маневръ считался совершенствомъ казацкой атаки и возбуждалъ всегда удивленіе даже въ самыхъ глубокихъ шеореникахъ шогдашняго военного искусства. Его цѣль состояла въ шомъ, чшобы скришь пыль. Тушь казаки никогда не были побѣждаемы: окружая обозъ непроломною

ешною, они со всѣхъ сторонъ были обращены лицомъ къ непріятелю. Пушки доставили имъ большую выгоду, не допуская ихъ къ близкой схваткѣ и не упомляя чрезъ это ихъ рядовъ, шѣмъ болѣе, что непріятель, желая скорѣе насигнуть, отправился на-легкѣ. Войска Польскіе, всегда оплывавшіеся нешерпѣливостію, уже готовы были бросить, если бы одна оплошность со стороны Запорожцевъ не облегчила ихъ. Въ это время Остапъ, высрѣлявшій на своей сторонѣ всѣ пушечные заряды, увлекаемый пылкостью и негодую на бездѣйственное положеніе, отдѣлился немного подалѣе отъ обоза, вступилъ въ мѣлкую пересрѣлку, а потомъ и въ рукопашную бѣшву. Его свирѣпое мужество разсѣяло часть рядовъ непріятельскихъ, но скоро онъ былъ схваченъ спешившимъ его множествомъ и старый Тарасъ видѣлъ собственными глазами, какъ онъ поднятъ нѣсколькими руками, связанъ толстыми веревками и увѣденъ въ полку. Желаніе подать помощь и освободить лю-

бимаго сына, заснавило его позабышь важность своего посна. Онъ ошдѣлился вмѣстѣ съ большею частію Запорожцевъ ошъ обоза и ударилъ въ средину непріятеля, гдѣ полагалъ находившимся Осапа. Запорожцы совершенно зашерялись въ шолги, раздѣленные шолцою. Каждый долженъ былъ дѣйствовать ошдѣльно и нужно было видѣшь, какъ каждый изъ нихъ вочался, какъ молнія на всѣ стороны дѣйствуя и саблей, и ружейнымъ прикладомъ, и нагайкою, и кіемъ. Каждый видѣлъ передъ собою смерть и шарался шолько по дороже продашь свою жизнь. Бульба, какъ гиганшъ какой нибудь, ошличался въ общемъ хаосѣ. Свирѣпо наносилъ онъ свои крѣпкіе удары, воспламѣняясь болѣе и болѣе ошъ сынавшихся на него. Онъ сопровождалъ все это дикимъ и спрашнымъ крикомъ, и голосъ его, какъ ошдаленное ржаніе жеребца, переносили звонкія поля. Наконецъ сабельные удары посыпалнсь на него кучею: онъ грянулся, лишенный чувствъ. Толпа списнула и смяла, кони

разсройшали его, покрышаго прахомъ. Ни
одинъ изъ Запорожцевъ не остался въ
живыхъ: все полегли на мѣстѣ. И ни
одинъ живой шрафей не былъ свидѣте-
лемъ побѣды, одержанной Польскими вой-
сками.

VII.

«Долго же я спал!» говорил Бульба, осматривая углы избенки, въ кошорой онъ лежалъ весь израненный и избитый.

«Спалъ ли я эшо, или на яву видѣль?»

«Да чупь было ты на вѣки не заснулъ!» отвѣчалъ сидѣвшій возлѣ него Товкачь, лице кошораго одну минушу шолько блеснуло живосью и опять по-

грузилось въ обыкновенное свое хладнокровіе.

» Добрая была сѣча! Какъ же это я спасся? Вѣдь кажешся, я совсѣмъ былъ подъ сабельными ударами и что было да-лѣе, я уже ничего не помню... «

» Объ шомъ нѣчего шолковашъ, какъ спасся; хорошо, что спасся. «

Товкачъ былъ одинъ изъ шѣхъ людей, кошорые дѣлаюшъ дѣла молча и никогда не говоряшъ о нихъ.

На блѣдномъ и перевязанномъ лицѣ Бульбы видно было усиліе припомнишь обешояшельсшва. » А что же сынъ мой?.. что Остапъ? И онъ легъ шакже вмѣстѣ съ другими и заслужилъ честную могилу? «

Товкачъ молчалъ.

» Что жъ ты не говоришь? Посшой! помню, помню: я видѣлъ, какъ скрутили назадъ ему руки и взяли въ плѣнь мечешивые Кашолики — и я не высвободилъ себя, сынъ мой! Остапъ мой! измѣнила наконецъ сила! « Морщины сжались на лбу его и раздумье крѣпко осынило лице, покрывшее рубцами.

» Молчи, нань Тарась. Чему бышь, шому бышь. Молчи, да крѣпись; еще намъ больше сна верешь нужно проѣхашь.»

» Зачѣмъ? «

» За шѣмъ, что шебя шеперѣ ищешь всякая дрянь. Знаешь ли шы, что за швою голову, если кшо принесешь ее, шому да-душь 2000 червонцевъ.»

Но Тарась не слышалъ рѣчей Товкача.

» Сынъ мой, Осшанъ мой! « говорилъ онъ;

» я не высвободилъ шебя! «

И приливъ шоски повергнулъ его въ безпамятство. Товкачъ осшавался цѣлый день въ избѣ; но съ нащупленіемъ ночи онъ увезъ безчувшвеннаго Тараса. Увернувъ его въ воловую кожу, уложилъ въ ящикъ на подобіе койки, укрѣпилъ поперегъ сѣдла и пуешился во всю прышь на Ташарскомъ бѣгунѣ. Пуешынные овраги и непроходимыя мѣша видѣли его летѣнаго съ шяжедою своею ношею. Товкачъ боялся встрѣчь и преслѣдованій и хоща уже онъ былъ на шпени, кошорой хоща вамп болѣе другихъ могли счишашься Запорожцы, но шогдашнія границы были

такъ неопредѣленны, что каждый могъ прогуляться на нехранимой землѣ, какъ на своей собственности. Онъ не хотѣлъ везти Тараса въ его хуторъ, почивая тамъ его менѣе въ безопасности, нежели на Запорожьѣ, куда онъ теперь держалъ пушъ свой. Онъ былъ увѣренъ, что встрѣча съ прежними шоварищами, пирушки и новыя бившы оживяшъ его скорѣе и развлекуть его. Онъ дѣйствительно не обманулся. Желѣзная сила Тараса взяла верхъ, не смѣря на то, что ему было шестидесятъ лѣтъ; черезъ двѣ недѣли онъ уже поднялся на ноги. Но ни что не могло развлечь его. По видимому, самыя пиршества Запорожцевъ казались ему чѣмъ-то бѣднымъ. Съ нимъ неразлучно было то время, кошорому еще и двухъ мѣсяцевъ не прошло, то время, когда онъ гулялъ съ своими сыновьями, еще крѣпкими, свѣжими, исполненными силъ — и на эпомъ, дошолъ ничѣмъ неколеблемомъ лицъ прорывалась раздирающая горестъ и онъ тихо, понутивъ голову, говорилъ: » сынъ мой, Осацъ мой! «

Запорожцы собирались на морскую экспедицію. Двѣши челновъ спущены были въ Днѣпръ; и Малая Азія видѣла ихъ съ бристыми головами и длинными чубами предававшими мечу и огню цѣвшуція берега ея; видѣла чалмы своихъ Магомешанскихъ обиташелей раскиданными, подобно ея безчисленнымъ цѣшамъ, на смоченныхъ кровію поляхъ и плававшими у береговъ. Она видѣла не мало запачканныхъ дѣгшемъ Запорожскихъ шароваръ, мускулистыхъ рукъ съ черными нагайками. Запорожцы перѣбли и переломали весь виноградъ; въ мечепяхъ оставили цѣлыя кучи навозу; Персидскія дорогія шали упошребляли вмѣсто очкуровъ и опоясывали ими запачканныя свои свитки. Долго еще послѣ находили въ шѣхъ мѣсахъ Запорожскія корошинькія люльки. Они весело плыли назадъ; за ними гнался десяти - пушечный Турецкій корабль и залпомъ изъ всѣхъ орудій своихъ разогналъ, какъ щипъ, ушлые ихъ челны. Третья часъ ихъ пошонула въ морскихъ глубинахъ; но осалыные снова собрались вмѣшпъ и прибыли къ устью

Дябра съ двѣнадцатью боченками, набитыми цѣхинами. Но все это уже не занимало Тараса. Неподвижный сидѣлъ онъ на берегу, шевеля губами и произнося: «Остапъ мой, Остапъ мой!» Передъ нимъ сверкало и разстилалось Черное море; въ дальнемъ прорѣзѣ кричала чайка; бѣлый усь его серебрился и слеза канала одна за другою.

Когда жидъ Янкель, который въ то время очутился въ городѣ Уманѣ и занимался какими-то подрядами и сношеніями съ тамошними арендашорами, когда жидъ Янкель молился накрывшись своимъ довольно запачканнымъ саваномъ и оборотился, чшобы въ послѣдній разъ плюнуть, по обычаю своей вѣры, какъ вдругъ глаза его встрѣтили споявшаго назадъ Бульбу. Жиду прежде всего бросились въ глаза 2000 червонныхъ, которые были обѣщаны за его голову; но онъ шупъ же утѣшился своей корысти и счллся подавишь въ

себѣ эту вѣчную мысль о золотѣ, которая какъ червь обвиваетъ душу жида.

» Слушай, Янкель! « сказала Тарасъ жиду, который началъ передъ нимъ кланяться и заперъ осторожно дверь, чтобы ихъ не видѣли. » Я спасъ твою жизнь, теперь ты сдѣлай мнѣ услугу! « Лице жида нѣсколько поморщилось. » Какую услугу? Если такая услуга, что можно сдѣлать, то для чего не сдѣлать. «

» Не говори ничего. Вези меня въ Варшаву. «

» Въ Варшаву? какъ, въ Варшаву? « сказал Янкель. Брови и плечи его поднялись вверхъ отъ изумленія.

» Не говори мнѣ ничего. Вези меня въ Варшаву. Что бы ни было, а я хочу еще разъ увидѣть его, скажешь ему хоть одно слово. «

» Какъ можно такое говоришь? « говорил жидъ, разставивъ пальцы обѣихъ рукъ своихъ. » Развѣ панъ не слышалъ, что уже . . . . «

» Знаю, знаю все: за мою голову дають 2000 червонныхъ. Знають же они, дурни,

цѣну ей! Я шебѣ двѣнадцать дамъ. Вошь шебѣ 2000 сей часѣ! « При эпомѣ Бульба высыпаль изъ кожаннаго гамана 2000 червонныхъ, » а оспальные какъ ворочусь. « Жидъ шощасѣ схвашилъ полошенцо и накрыль имъ червонцы.

» Славная монеша! « сказалъ онъ, вершя одинъ изъ нихъ въ своихъ пальцахъ и и пробуя на зубахъ.

» Я бы не просилъ шебя. Я бы самъ, можешъ бышь, нашель дорогу въ Варшаву; но меня могушь какъ нибудъ узнатьъ и захвашилъ проклятые Ляхи. Ибо я не годзь на выдумки. А вы, жида, на шо уже и созданы. Вы хошь чорша проведеше. Вы знаеше все шуки. Вошь для чего я пришелъ къ шебѣ! Да и въ Варшавѣ я бы самъ собою ничего не получилъ. Сей часѣ запрягай возъ и вези меня! «

» А какъ же вы думаете мнѣ спряшашъ пана? «

» Да ужъ вы, жида, знаеше какъ: въ порожнюю бочку, или шамъ во что нибудъ другое. «

» Какъ можно въ бочку? Всякъ подумашь, что горѣлка! «

» Ну что жь? То и хорошо. «

» Какъ хорошо? Ахъ, Боже мой! какъ можно эдакое говоришь! Развѣ панъ не знаешь, что Богъ на шо создалъ горѣлку, чтобы ее всякой пробоваль. Тамъ все такіе ласуны, что Боже унаси. А особливо военный народъ: будешь бѣжашь верошь пашь за бочкою, продолбишь какъ разъ дырочку, шончасъ увидишь, что не шечешь, и скажешь: жидъ не повезешь порожнюю бочку, вѣрно шущь ешь что нибудь. «

» Ну шакъ положи меня въ возъ съ рыбою. «

» Охъ вей миръ! не можно, ей Богу не можно! Тамъ вездѣ по дорогѣ люди голодные, какъ собаки, разкрадушь какъ ни береги и пана нащуняюшъ. «

» Такъ вези меня хощь на чоршъ — шолько вези! «

» Спойше, стойше! шеперь возяшъ по дорогамъ много кирпичу. Тамъ шпрояшъ какія-шо крѣпосни. Панъ пушъ ляжешъ

на днѣ воза, а верхъ я закладу кирпичемъ. Пана здоровый и крѣпкій съ виду и пошому ему ничего, что будешь шяжеленько; а я сдѣлаю въ возу снизу дырочку, чшобы кормишь пана. «

» Дѣлай какъ хочешь, шолько вези. «

И черезъ часъ возъ съ кирпичемъ выѣхалъ изъ Умани, запряженный въ двѣ клячи. На одной изъ нихъ сидѣлъ высокій Янкель и длинныя курчавыя пейсики его развѣвались изъ подъ яломка по мѣрѣ шого, какъ онъ подригивалъ на лошади.

» Ну шакъ положи мѣня въ возъ съ возомъ.

» Охъ вей мнѣ! не можю, ей Богу не можю! Тамъ вездѣ по дорогамъ люди то-лохны, какъ собака, развѣдуша क्या ни сѣрѣи и пана напѣшюша.»

» Такъ вези мѣня коня въ возѣ шотыко вези!»

» Спокойше, спокойше! мѣнѣрѣ возыша по дорогамъ много крѣпкѣу. Тамъ шпроста какия-шо крѣпости. Пана шчестя шажетъ

Лозову отныне за новою обставою
 змінилося і місце його управління.
 ндо і змінилося і місце його управління.
 Лозову отныне за новою обставою
 змінилося і місце його управління.
 ндо і змінилося і місце його управління.

VIII.

ндо і змінилося і місце його управління.
 Лозову отныне за новою обставою
 змінилося і місце його управління.
 ндо і змінилося і місце його управління.
 Лозову отныне за новою обставою
 змінилося і місце його управління.
 ндо і змінилося і місце його управління.
 Лозову отныне за новою обставою
 змінилося і місце його управління.
 ндо і змінилося і місце його управління.
 Лозову отныне за новою обставою
 змінилося і місце його управління.

Въ то время, когда происходило описы-
 ваемое событие, на пограничных мѣстахъ
 не было еще никакихъ таможенныхъ чи-
 новниковъ и объѣздчиковъ, эшой спраш-
 ной грозы предприимчивыхъ людей, и по-
 тому всякой могъ везти что ему вздумалось.
 Если же кто и производилъ обыскъ
 и ревизовку, то дѣлалъ это въ болѣею

часнію для своего собственаго удовольствія, особливо если на возу находились заманчивые для глазъ предметы и если его собственная рука имѣла порядочный вѣсъ и тяжесть. Но кирпичъ не находилъ охотниковъ и вѣхалъ безпрепятственно въ главные городскіе ворота. Бульба въ своей шѣсной клѣшкѣ, могъ только слышать шумъ, крики возницъ и больше ничего. Янкель, подпрыгивая на своемъ коромысѣ, запачканномъ пылью рысакъ, поворошилъ, сдѣлавши нѣсколько круговъ, въ шемную узенькую улицу, носившую названіе Грязной и вмѣстѣ Жидовской, потому что здѣсь дѣйствительно находились жида почти со всей Варшавы. Эта улица чрезвычайно походила на вывороченную внутренность задняго двора. Солнце, казалось, не заходило сюда вовсе. Совершенно почернѣвшіе деревянные дома со множествомъ пропавшихъ изъ оконъ жердей, увеличивали еще болѣе мракъ. Изрѣдка краснѣла между ними кирпичная стѣна, но и ша уже во многихъ мѣстахъ превращалась совершенно въ черную. Иног-

да только вверху ошекошуренной кусекъ снѣны, обхваченный солнцемъ, блискала несшершимою для глазъ бѣлизною. Тупъ все состояло изъ сильныхъ рѣзокшей: шрубы, шрянки, шелуха, выброшенные разбиые чаны. Всякой, что было только у него негоднаго, швырять на улицу, одошавляя прохожимъ возможные удобешванишашъ все чувешва свои эпою дрянью. Сидящій на конѣ всадникъ тупъ тупъ не дошаваль рукою жердей, прошянушыхъ черезъ улицу изъ одного дома въ другой, на кошорыхъ висѣли жидовскіе чулки, кошорешенькіе паншолонцы и кошченый гусь. Иногда довольно смазливенькое личико Еврейки, убранные пошешнѣвшими бусами, вышлядывало изъ вешхаго окошка. Куча жидешковъ, запачканныхъ, шоборванныхъ, съ курчавыми волосами, кричала и валялась въ грязи. Рыжій жидъ съ веснушечками по всему лицу, дѣлавшими его похожимъ на воробинное шайцо, вышлянуль изъ окна; шотчасъ заговориль съ Янкелемъ на своемъ шарабарскомъ нарѣчїи и Янкель шотчасъ въѣхаль въ одинъ дворъ.

По улицѣ шель другой жидъ, ошановилея, вешупилъ шоже въ разговорѣ, и когда Бульба выкарабкался наконецъ изъ подъ кирпича, онъ увидѣлъ шрехъ жидовъ, говорившихъ съ большимъ жаромъ.

Янкель обрашилeя къ нему и оказалъ, что все будешъ сдѣлано, что его Ошанъ сидишь въ городской шемницѣ, и хошя шрудно уговоришь спражей, но однакожь онъ надѣшeя досшавишь ему свиданіе.

Бульба вошелъ вмѣстѣ съ шрема жидами въ комнашу.

Жида начали ошанъ говоришь между собою на своемъ непоняшномъ языкѣ. Тарасъ поглядывалъ на каждаго изъ нихъ. Чшо-шо, казалось, сильно пошрясло его. На грубомъ и равнодушномъ лицѣ его вешыхнуло какое-шо сокрушительное пламя надежды, надежды шой, кошорая посѣщашь иногда человѣка въ послѣднемъ градусѣ отчаяннiя. Старое сердце его начало сильно бишьeя, какъ будшо у юноши.

«Слушайше, жида!» оказалъ онъ и въ словахъ его было чшо-шо восторженное.

«Вы все на свѣшъ можете сдѣлашь, вы-

копаше хощь изъ дна морскаго и пословица давно уже говоришь, что жидь самага себя украдешь, когда шолько захочешь укрась. Освободите мнѣ моего Оснапа! Дайте случай убѣжашь ему ошь дьявольскихъ рукъ. Вошь я эшому чловѣку обѣщаль двѣнадцать тысячъ червонныхъ — я прибавляю еще двѣнадцать. Всѣ, какіе у меня ешь дорогіе кубки и запанное въ землѣ золошо, хашу и послѣднюю одежду продамъ и заключу съ вами коншракшъ на всю жизнь, съ шѣмъ, чшобы все, что ни добуду на войнѣ, дѣлишь съ вами пополамъ!»

«О не можно, любезный пань! не можно!» сказалъ со вздохомъ Янкель.

«Нѣшь, не можно!» сказалъ другой жидь.

Всѣ при жида взглянули одинъ на другаго.

«А попробовашь», сказалъ прешій, бояливо поглядывая на двухъ другихъ. «Можешь бышь Богъ дасшь.»

Всѣ при жида заговорили по Нѣмецки. Бульба какъ ни наосшряль свой слухъ,

ничего не могь опгадашь. Онъ слышалъ шолько, часно произносимое слово: » Мардохай « и больше ничего.

» Слушай, пань! « сказалъ Янкель: » нужно посовѣшовашься съ такимъ челоуѣкомъ, какого еще никогда не было на свѣшѣ. У, у! шо такой мудрый, какъ Соломонъ, и когда ошъ ничего не сдѣлаешь, шо уже ни кшо на свѣшѣ не сдѣлаешь. Сиди шуть! вошъ ключь! и не впускай никого! « Жидаы вышли на улицу.

Тараеъ заперъ дверь и смошрѣлъ въ маленькое окошечко на эшошъ грязный жидовскій проспекшъ. Три жида остановились по срединѣ улицы и сшали говорить довольно азаршно. Къ нимъ присоединился скоро чешвершый, наконецъ и пяшый. Онъ слышалъ ошяшъ повшоряемое: » Мардохай, Мардохай. « Жидаы безпрешано посмашривали въ одну спорону улицы. Наконецъ въ концѣ ея изъ за одного дряннаго дома показалась нога въ жидовскомъ башмакѣ и замелькали фалды полукашпанья. » А! Мардохай! Мардохай! « закричали всеъ жидаы въ одинъ голосъ. Тошій

жидь, нѣсколько короче Янкеля, но гораздо болѣе покрытый морщинами съ преогромною верхнею губою, приблизился къ нешершливой шолнѣ и все жиды наперывъ сѣвшили рассказывать ему, причемъ Мардохай нѣсколько разъ поглядывалъ на маленькое окошечко и Тарасъ догадывался, что рѣчь шла о немъ. Мардохай размахивалъ руками, слушалъ, перебивалъ рѣчь, часто плевалъ на спорону и подымая фалды полукафшанья, засовывалъ въ карманъ руку и вынималъ какія-то побрякушки, причемъ показывалъ прескверные свои паншолоны. Наконецъ все жиды подняли такой крикъ, что жидь, споявшій на спорожѣ, долженъ былъ давать знакъ къ молчанію и Тарасъ уже началъ опасаться за свою безопасность, — но вспомнивши, что жиды не могутъ иначе разсуждать, какъ на улицѣ, и что ихъ языка самъ демонъ не поймешь, онъ успокоился.

Минушы двѣ спуся жиды вмѣстѣ вошли въ его комнату. Мардохай приблизился къ Тарасу, пошренилъ его по плечу и сказалъ: »Когда мы, да Богъ захочетъ

сдѣлашь, то уже будешь шакъ, какъ нужно. »

Тарасъ поглядѣлъ на этого Соломона, какого еще не было на свѣсѣ, и получилъ нѣкошорую надежду. Дѣйствительно, видъ его могъ внушить нѣкошорое довѣріе: верхняя губа у него была просто спрашилице. Толщина ее, безъ сомнѣнія, увеличилась ошъ постороннихъ причинъ. Въ бородѣ у этого Соломона было шолько цынанадцать волосковъ, и шо на лѣвой шсторонѣ. На лицѣ у Соломона было шолько знаковъ побоевъ, полученныхъ за удалешво, что онъ безъ сомнѣнія давно поширялъ счешъ имъ и привыкъ ихъ счишашъ за родимыя пяшна.

Мардохай ушелъ вмѣсѣ съ шоваришамн, исполненными удивленія къ его мудрости. Бульба осшался одинъ. Онъ былъ въ шпанномъ, небываломъ положеніи: онъ чувешвовалъ въ первый разъ въ жизни безпокойшво. Душа его была въ лихорадочномъ состояніи. Онъ не былъ шопъ прежній, непрсклонный, неколебимый, крѣпкій, какъ дубъ: онъ былъ малодушенъ;

онъ былъ шеперь слабъ. Онъ вздрагивалъ при каждомъ шорохѣ, при каждой новой жидовской фигурѣ, показывавшейся въ концѣ улицы. Въ шакомъ состояніи пробылъ онъ наконецъ весь день; не ѣлъ, не пилъ, и глаза его не ошрывались ни на часъ ошъ небольшого окошка на улицу. Наконецъ уже ввечеру поздно показался Мардохай и Янкель. Сердце Тараса замерло.

» Чшо? удачно? « спросилъ онъ ихъ съ нешерпѣніемъ дикаго коня.

Но прежде еще, нежели жида собрались съ духомъ ошвѣчашъ, Тарасъ замѣшилъ, что у Мардохая уже не было послѣдняго локона, кошорый хошя довольно неопрятно, но все же видся кольцами изъ подъ яломка его. Замѣшно было, что онъ хошѣлъ что-шо сказашъ, но наговорилъ шакую дрянъ, что Тарасъ ничего не понялъ. Да и самъ Янкель прикладывалъ очень часшо руку ко ршу, какъ будшо бы ешрадалъ просшудою.

» О, любезный панъ! « сказалъ Янкель: » шеперь совсѣмъ неможно! ей Богу неможно! Такой нехорошій народъ, что ему

надо на самую голову наплевашь. Вошь и Мардохай скажешь; Мардохай дѣлалъ шакое, какого еще не дѣлалъ ни одинъ чловѣкъ на свѣтѣ, но Богъ не захотѣлъ, чшобы шакъ было. Три шысячи войска стояшь и завшра ихъ всѣхъ будущъ казнишь. «

Тарасъ глянулъ въ глаза жидамъ, но уже безъ нешершнїя и гнѣва.

» А если панъ хочешь видѣшься, шо завшра нужно рано, шакъ чшобы еще и солнце не веходило. Часовые соглашашося и одинъ левеншаръ обѣщался. Только пусть имъ не будешь на шомъ свѣтѣ счасшья, ой вей миръ, чшо эшо за корыешный народъ! и между нами шакихъ нѣшь. 50 червонцевъ я даль каждому, а левеншару... «

» Хорошо. Веди меня къ нему! « произнесъ Тарасъ рѣшишельно и вся швердосешь возврашилась въ его душу. Онъ согласился на предложенїе Янкеля переодѣшься иношпраннымъ Графомъ, прїѣхавшимъ изъ Нѣмецкой земли, для чего плашье уже успѣлъ припасши дальновидный жидъ. Была уже ночь. Хозяинъ дома, извѣешный рыжїй жидъ съ веснушками, вышацилъ шощїй

шюфякъ, накрышый какою-то рогожею, и разослалъ его на лавкъ, для Бульбы. Янкель легъ на полу на шакомъ же шюфякъ. Рыжій жидъ вышилъ небольшую чарочку какой-то насшойки, скинулъ полукафшанье и сдѣлавшись въ своихъ чулкахъ и башмакахъ нѣсколько похожимъ на цыценка, отправился съ своею жидовкой во что-то похожее на шкафъ. Двое жиденковъ, какъ двѣ домашнія собачки, легли на полу возлѣ шкафа. Но Тарасъ не спалъ. Онъ сидѣлъ неподвиженъ и слегка барабанилъ пальцами по столу. Онъ держалъ во рту люльку и пускалъ дымъ, онъ кошораго жидъ съ просонья чихалъ и заворачивалъ въ одѣяло свой носъ. Едва небо успѣло пронуться блѣднымъ предвѣсшiemъ зари, онъ уже шолкнулъ ногою Янкеля.

» Вешавай, жидъ, и давай швою графскую одежду! «

Въ минушу одѣлся онъ; вычернилъ усы, брови, надѣлъ на шею маленькую шемную шапочку — и никшо бы изъ самыхъ близкихъ къ нему казаковъ не могъ узнать его. По виду ему казалось не болѣе шрид-

цапи п'япи л'шъ. Здоровый румянецъ игралъ на его щекахъ и самыя рубцы придавали ему чпо-шо повелишельное. Одежда, убранная золопомъ, очень шла къ нему. Улицы еще спали. Ни одно мерканшильное существо еще не показывалось въ городъ съ коробкою въ рукахъ. Бульба и Янкель пришли къ спросенію, имѣвшему видъ сидящей цапли. Оно было низкое, широкое, огромное, почернѣвшее и съ одной стороны его выкидывалась, какъ шея аиста, длинная, узкая башня, на верху кошорой торчалъ кусокъ крыши. Это спроеіе опшравляло множесиво разныхъ должностей. Тушь были и казармы, и шюрма, и даже уголовный судъ. Паши пушники вѣшли въ вороша и очутились среди проспранной залы, или крышаго двора. Около шысячи человекъ спали вмѣстѣ. Прямо шла низенькая дверь, передъ кошорой сидѣвшіе двое часовыхъ играли въ какую-шо игру, состоявшую въ шомъ, чшо одинъ другаго билъ двумя пальцами по ладони. Они мало обрашили вниманія на пришедшихъ и поворошили головы толь-

ко погда, когда Янкель сказалъ: »эшо мы, слышите, паны, эшо мы.«

» Спунайше! « говорилъ одинъ изъ нихъ, отворяя одною рукою дверь, а другую подставляя своему шоваришу для принятія огъ него ударовъ.

Они вступили въ коридоръ узкій и шемный, который оняшь привелъ ихъ въ шакую же залу съ маленькими окошками вверху. » Кто идешъ? « закричало нѣскольکو голосовъ и Тарасъ увидѣлъ порядочное количество въ полномъ вооруженіи. » Намъ никого не вѣлно пускашь. «

» Эшо мы! « кричалъ Янкель: » ей Богу мы, ясные паны! « Но никто не хотѣлъ слушашъ. Къ счастью, въ эшо время подошелъ какой-то полешякъ, который по вѣзмъ примѣшамъ казался начальникомъ, пошому что ругался сильнѣе всѣхъ.

» Панъ, эшо жъ мы. Вы уже знаете насъ и панъ Графъ еще будетъ благодарить.

» Пропустите, эшо дьябловъ чоршовой машкѣ! И больше никого не пускайте. Да саблей чшобы никто не скидалъ и не сбачился на полу . . . . «

Продолженія краснорѣчиваго приказа уже не слышали наши пушники. »Эшо мы, эшо я, эшо свои!« говорилъ Янкель, вспрѣчалась со всякимъ.

» А что, можно шеперь? « спросилъ онъ одного изъ стражей, когда они наконецъ подошли къ тому мѣсту, гдѣ коридоръ уже оканчивался.

» Можно, шолько не знаю, пропусыашъ ли васъ въ самую шюрму. Теперь уже нѣтъ Яна: вмѣсто его стенишь другой«, ошвѣчалъ часовой.

» Ай, ай! « произнесъ шихо жидъ: »эшо скверно, любезный пань! «

» Веди! « произнесъ упрямо Тарась. Жидъ повиновался.

У дверей подземелья, оканчивавшихся къ верху осприемъ, шюяль гайдукъ съ усами въ шри яруса. Верхній ярусъ усовъ шелъ назадъ, другой прямо впередъ, шретшій внизъ, что дѣлало его очень пошожимъ на коша.

Жидъ съежился въ шри погибели и почши бокомъ подошелъ къ нему. » Ваша ясновельможносшь! ясновельможный пань! «

» Ты, жидь, эшо миѣ говоришь? «

» Вамъ, ясновельможный панъ. «

» Гм... а я прешо гайдукъ! « сказалъ прехарусный усачь съ повеселѣвшими глазами.

» А я, ей Богу, думалъ, что эшо самъ Воевода. Ай, ай, ай!... « при эшомъ жидь покрушилъ головою и разставилъ пальцы.

» Ай, какой важный видъ! Ей Богу Полковникъ, совсѣмъ Полковникъ! Вопшь еще бы шолько на палець прибавишь, то и Полковникъ. Пужно бы пана посадишь на жеребца, такого скорого, какъ муха, да и пуешь мушпруешь полки! «

Гайдукъ поправилъ нижній ярусъ усевъ своихъ; причемъ глаза его совершенно развселились.

» Чшо за народъ военный! « продолжалъ жидь: » охъ вей миръ, чшо за народъ хорошій! Шнуречки, бляшечки... шакъ ошь нихъ блеснишь, какъ ошь солнца; а цурки гдѣ шолько увидяшь военныхъ... ай, ай! « Жидь опянь покрушилъ головою.

Гайдукъ завилъ рукою верхнія усы и пропустилъ сквозь зубы звукъ, нѣсколько похожій на лошадиное ржаніе.

» Прощу пана оказати услугу! « произнесъ жидъ. » Воишь Князь прїѣхаль изъ чужаго края, хочешъ посмотришь на казаковъ. Онъ еще съ роду не видѣль, что эшо за народъ казаки. «

Появленіе иностранныхъ Графовъ и Бароновъ было въ Польшѣ довольно обыкновенно: они часпо были завлекаемы единственно любопытствомъ посмотришь эшошь почти полуазіатскій уголь Европы. Московію и Украину они почишали уже находящимся въ Азїи. И пошому гайдукъ, поклонившись довольно низко, почель личнымъ прибавишь нѣсколько словъ ошь себя:

» Я не знаю, ваша ясновельможность, « говорилъ онъ: » зачѣмъ вамъ хочешся смотришь ихъ. Эшо собаки, а не люди. И вѣра у нихъ така, что никто не уважаетъ. «

» Врешъ ты, чоршовъ сынъ! « сказала Бульба: » самъ ты собака! Какъ ты смѣешь говоришь, что нашу вѣру не уважають? Эшо вашу ерешичную вѣру не уважають! «

» Эге, ге! « сказала гайдукъ: » а я знаю
пріищель кшо: шы самъ изъ шѣхъ, кошо-
рые уже сидящъ у меня. Посшой же, я
цозову сюда нашихъ. «

Тарасъ увидѣлъ свою неоспорожность;
но упрямышво и досада помѣшали ему по-
думашъ о шомъ, какъ бы исправиль ес.
Къ счастью, Янкель въ ту же минушу
успѣлъ подвернушься.

» Ясновельможный панъ! какъ же мож-
но, чшобы Графъ да былъ казакъ? А если бы
онъ былъ казакъ, шо гдѣ бы онъ досталъ
шакое плашье и шакой видъ Графской? «

» Разеказывай себѣ! « и гайдукъ уже
раешвориль было широкій рошъ свой,
чшобы крикнушь.

» Ваше Королевское Величешво! мол-
чише! Молчише, ради Бога! « закричалъ
Янкель: » Молчише! мы ужъ вамъ за эшо
запложимъ шакъ, какъ еще никогда и не
видѣли: мы дадимъ вамъ два золошыхъ
червонца. «

» Эге! два червонца! Два червонца мнѣ
ни по чемъ. Я цирюльнику даю два чер-
вонца за шо, чшобы мнѣ шолько половину

бороды выбрилъ. Сто червонныхъ давай, жидъ! « Тушь гайдукъ закрушилъ верхнія усы. » А какъ не дашь спа червонныхъ, сейчасъ закричу! «

» И на что бы шакъ много? « горестно сказалъ поблѣднѣвшій жидъ, развязывая кожаный мѣшокъ свой. Но онъ счастливъ былъ, что въ его кошелькѣ не было болѣе и что гайдукъ далѣе спа не умѣлъ считашь. » Панъ! панъ! уйдѣмъ скорѣе! Видите, какой шумъ нехорошій народъ! « сказалъ Янкель, замѣшивши, что гайдукъ перебиралъ на рукѣ деньги, какъ бы жалѣя о томъ, что не запросилъ болѣе.

» Что жъ ты, чоршовъ гайдукъ, « сказалъ Бульба: » деньги взялъ, а показашь и не думаешь? Нѣшь, ты долженъ показашь. Ужъ когда деньги получилъ, по ты не вправѣ шеперь ошказашь. «

» Ступайше, ступайше къ дьяволу! а не по я сію минушу дамъ знашь и васъ шумъ . . . . Уносише ноги, говорю я вамъ, скорѣе! «

» Панъ! панъ! пойдѣмъ, ей Богу, пойдѣмъ! Цурь имъ! Пусшь имъ приснишя

шакое, што плевашь нужно», кричалъ бѣд-
ный Янкель.

Бульба медленно, пошупивъ голову, обо-
рошился и шель назадъ, преслѣдуемый
укорами Янкеля, котораго фла груешь при
мысли о даромъ пошерянныхъ червонцахъ.

«И на что бы шрогаешь? Пуешь бы со-
бака бранился! То уже шакой народъ,
што не можешь не бранишься! Охъ вей мѣрь,
какое счастье посылаешъ Богъ людямъ!
Што червонцевъ за шо шолько, што про-
гналь насъ! А нашъ брань: ему и пей-
сики оборвущъ, и изъ морды сдѣлаюшь
шакое, што и глядѣшь не можно, а никшо
не дасъь спа червонныхъ. О Боже мой!
Боже милосердый!»

Но неудача эша гораздо болѣе имѣла
вліянія на Бульбу. Она выражалась пожи-
рающимъ пламенемъ въ его глазахъ.

«Пойдемъ!» сказалъ онъ вдругъ, какъ бы
вспряхнувшись: «пойдемъ на площадь. Я
хочу посмошрѣшь, какъ его будешь мучишь.»

«Ой панъ, зачѣмъ ходишь? Вѣдь намъ
эшимъ не помочъ уже.»

» Пойдемъ! « упрямо сказала Бульба, и жидъ, какъ нянька, вздыхая побрелъ вслѣдъ за нимъ.

Площадь, на кошорой долженъ швовала производишься казнь, не шрудно было ошыскашь: народъ валилъ шуда со всѣхъ споронъ. Въ шогдашній грубый вѣкъ это соспавляло одно изъ занимашельнѣйшихъ зрѣлищъ, не шолько для черни, но и для высшихъ классовъ. Множешво спарухъ самыхъ набожныхъ, множешво молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ самыхъ шрусливыхъ, кошорымъ постѣ всю ночь грезились окровавленныя шрупы, кошорые кричали съ просонья шакъ громко, какъ шолько можешъ крикнушь пьяный гусаръ, не пропускали однако же случая полюбопышешвовашъ. »Ахъ, какое мученье! « кричали изъ нихъ многіе съ исперической лихорадкою, закрывая глаза и опшворачиваясь, однако же просшавали иногда довольное время. Иной и рошь разинувъ, и руки вышянувъ впередъ, желалъ бы вскочить всѣмъ на головы, чшобы опшуда посмошрѣшь повиднѣе. Изъ шолны узкихъ небольшихъ и обыкно-

венныхъ головъ высовываль свое полское
 лице мясникъ, наблюдалъ весь процессъ съ
 видомъ знашока и разговариваль однослож-
 ными словами съ оружейнымъ масшеромъ,
 кошораго называль кумомъ, пошому, что
 въ праздничный день напивался съ нимъ
 въ одномъ шинкѣ. Иные разсуждали съ
 жаромъ, другіе даже держали пари; но
 большая часть была шакихъ, кошорые на
 весь міръ и на все, что ни случается въ
 свѣшѣ, смотрянь ковыряя пальцемъ въ
 своемъ носу. На переднемъ планѣ, возлѣ
 самыхъ усачей, сосшавлявшихъ городовую
 гвардію, сшояль молодой шляхшичъ, или
 казавійся шляхшичемъ, въ военномъ ко-
 сшюмѣ, кошорый надѣль на себя рѣши-
 шельно все, что у него ни было, шакъ
 что на его кварширѣ ошавалась только
 изодранная рубашка, да сшарые сапоги.
 Двѣ цѣпочки, одна сверхъ другой, висѣли
 у него на шеѣ съ какимъ-шо дукашомъ.
 Онъ сшояль съ Коханкою своею, Юзысею,
 и безпресшанно оглядывался, чтобы кшо
 нибудь не замараль ея шелковаго плашья.
 Онъ ей располоковаль совершенно все, шакъ

что уже рѣшительно не можно было ничего прибавишь. » Вошь это, душечка Юзыся, « говорилъ онъ: » весь народъ, что вы видите, пришелъ за шѣмъ, чтобы по-смотришь, какъ будутъ казнишь преступниковъ. А вошь шось, душечка, что вы видите, держишь въ рукахъ сѣкиру и другіе инструменшы, шо палачъ и онъ будешь казнишь. И какъ начнешъ колесовать, и другіе дѣлашь муки, шо преступникъ еще будешь живъ; а какъ опрубяшь голову, шо онъ, душечка, шощасъ и умрешъ. Прежде будешь кричашъ и двигаешь, но какъ шолько опрубяшь голову, тогда ему не можно будешь ни кричашъ, ни ѣшь, ни пишь, онъ шого, что у него, душечка, уже больше не будешь головы. « И Юзыся все это слушала со страхомъ и любопытствомъ. Крыши домовъ были усеяны народомъ. Изъ слуховыхъ оконъ выглядывали престранныя рожи въ усахъ и въ чемъ-шо похожемъ на чепчики. На балконахъ, подъ балдахинами, сидѣло ариешокрашество. Хорошенькая ручка смѣющейся, блистающей, какъ бѣлый сахаръ, панны держалась за

перилы. Ясновельможные паны, довольно
плошные, глядѣли съ важнымъ видомъ.
Холоцъ въ блестящемъ убранствѣ, съ ош-
кидными назадъ рукавами, разносилъ шунъ
же разныя напѣшки и съѣшное. Часно
шалунья съ черными глазами, схвативши
свѣшлую ручкою своею пирожное и плоды,
кидала въ народъ. Толпа голодныхъ рыца-
рей подшавляла на подхвастъ свои шанки
и какой нибудь высокой шляхшичъ, высу-
нувшійся изъ шолны своею головою, въ
полияломъ красномъ куишущѣ, съ почер-
нѣвшими золошыми шнурками, хвашалъ
первый, съ помощію длинныхъ рукъ; цѣ-
ловалъ полученную добычу, прижималъ ее
къ сердцу и пошомъ клалъ въ рошъ. Со-
коль, висѣвшій въ золошой клѣшкѣ подъ
балкономъ, былъ шакже зришелемъ: пере-
гнувши на бокъ носъ и поднявши лапу,
онъ, съ своей шпороны, размашривалъ
шакже внимашельно народъ. Но шолна
вдругъ зашумѣла и со всѣхъ шпоронъ раз-
дались голоса: » ведушь! ведушь! казаки! «

Они шли съ ошкрышыми головами, съ
длинными чубами. Бороды у нихъ были

ощущены; они шли ни боязливо, ни угрюмо, но съ какою-то тихою горделивостію; ихъ плашья, изъ дорогаго сукна, изнасились и болшались на нихъ вешхими доскушьями; они не глядѣли и не кланялись народу. Впереди всѣхъ шель Османъ.

Что почувствовалъ старый Тарасъ, когда увидѣлъ своего Османа? Что было тогда въ его сердцѣ? Онъ глядѣлъ въ него изъ толпы и не проронилъ ни одного движенія его. Они приблизились уже къ лобному мѣсту. Османъ остановился. Ему первому приходилось выпить эту тяжелую чашу. Онъ глянулъ на своихъ, поднялъ руку вверхъ и произнесъ громко: »Дай же Боже, чтобы всѣ, какіе шумъ ни слышатъ ерешики, не услышали, нечеспивые, какъ мучишься Христіанинъ! чтобы ни одинъ изъ насъ не промолвилъ ни одного слова!« Послѣ этого онъ приблизился къ эшафоту.

»Добре, сынку, добре!« сказалъ тихо Бульба и усшавилъ въ землю свою сѣдую голову.

Палачъ сдернулъ съ него вешхія лохмощья; ему увязали руки и ноги въ па-

рочно сдѣланныя шанки п... я не шану смущашь чишашелей каршиною адскихъ мукъ, ошъ кошорыхъ дыбомъ поднялись бы ихъ волоса. Они были порожденіе погдашняго грубаго, свирѣнаго вѣка, когда человекъ вель еще кровавую жизнь однихъ воинскихъ подвиговъ и закалился въ ней душою, до шакой спешени, что сдѣлался глухъ для человеклюбія. Должно однако жъ сказашь, что Король всегда почти являлся первымъ прошивникомъ эшихъ ужасныхъ мѣръ. Онъ очень хорошо видѣлъ, что подобная жестокость наказаній можешь шолько разжечь мщеніе Казачьей Націи. Но Король не могъ сдѣлать ничего прошивъ дерзкой воли Государственныхъ Магнашовъ, кошорые непосшижимою недалъновидношью, дѣшскимъ самолюбіемъ, гордосшью и неосновашельношью преврашили Сеймъ въ саширу на правленія. Ошанць выносишь шерзанія, какъ исполншь, съ невообразимою швердосшью, и когда начали перебивашь ему на рукахъ и ногахъ косши, такъ что ужасный хряскъ ихъ слышался среди мершвой шолпы ошдаленными

зришелями, когда панянки отворошили глаза свои, — ни чшо, похожее на спонь, не вырвалось изъ усьь его. Лице его не дрогнулось. Тарасъ шояль въ шолнѣ съ пошупленной головою и съ поднышыми однако же глазами и одобришельно шолько говорилъ: » добре, сынку, добре! «

Наконецъ сила его, казалось, начала подаваться. Когда онъ увидѣль новыя адскія орудія казни, кошорыми гошовились вышягивать изъ него жилы, губы его начали шевелишься. » Башько! « произнесъ онъ все еще швердымъ голосомъ, показывавшимъ желаніе пересилишь муки, » башько! гдѣ шы? слынишь ли шы? «

» Слышу! « раздалось среди всеобщей пишины и весь милліонъ народа въ одно время вздрогнулъ. Часъ военныхъ всадниковъ бросилась забопливо раземашривать шолшы народа. Янкель поблѣднѣль, какъ смершь, и когда они немного ошдалились ошь него, онъ со шрахомъ оборошился назадъ, но Тараса уже возлѣ него не было: его и слѣдъ просшыль.

IX.

Слѣдъ Тараевъ ошыкался: Тридцать тысячъ казацкаго войска показалось на границахъ Украйны. Это уже не былъ какой нибудь отрядъ, выслухавшій для добычи, или своей ошдѣльной цѣли: это было дѣло общее. Это цѣлая нація, комо-рай шерпѣніе уже переполнилось, подня-лась мещишь за оскорбленныя права свои.

за униженную религію свою и обычай, за вѣроломныя убійства Гешмановъ своихъ и Полковниковъ, за насиліе жидовскихъ арендапоровъ и за все, въ чемъ считалъ себя оскорбленнымъ угнѣщенный народъ. Верховнымъ Начальникомъ войска былъ Гешманъ Осипаница, еще молодой, кипѣвшій желаніемъ скорѣе сбросить угнѣсительный деспотизмъ, наложенный самоуправіемъ Государственныхъ Магнатовъ, и очистишь Украину оцъ жидовства, Уніи и посшоронняго сброда. Возлѣ него былъ видѣнь пресшарѣлый и опышнй шоварищъ и совѣшникъ его, Гуня. Сорокъ тысячъ лошадей нешерпѣливо ржали подъ сѣдоками и безъ сѣдоковъ. Восемь тысячъ полковъ, изъ кошорыхъ половина конныхъ и половина пѣшихъ, въ сукоинныхъ алыхъ, синихъ и желшыхъ кашпанахъ, вышупали браво и горделиво. Восемь опышныхъ Полковниковъ правили ими и хладнокровнымъ движеніемъ бровей своихъ ускоряли, или останавливали нешерпѣливый походъ ихъ. Однимъ изъ нихъ начальшвовалъ Бульба. Преклоншя лѣша,

нушкѣ. Когда же полковой писарь подасть уже написанное условіе подписашь Гейману, онъ махнулъ рукою и сказалъ: «оснавайшесь же себѣ, паны! Меня вы больше не увидише. Глядише, паны: вы вспомнише меня!» и голосъ его имѣлъ въ себѣ что-то пророческое. «Вы думаете, что кушили эшимъ спокойствіемъ и будете шешерь пановашь — увидише, что не будете еего! Сдерушъ съ швоей головы, Гейманъ, кожу! и набьюшъ же шг речаною пологою си долго будушъ видѣшъ шее по ярмаркамъ! Да и у васъ, паны, у рѣдкаго пуцѣльшъ голова! Пропадете вы въ сырыхъ погребяхъ, замурованные въ каменная стѣны, если не сваряшъ васъ живыхъ въ кошлахъ, какъ барановъ!»

А вы, хлопцы, хопише умирашъ? продолжалъ онъ, обращаясь къ своему полку: «умирашъ шакъ, какъ умираюшъ чешские казаки? А можешъ бышъ вы думаете еще пожишъ, да залечъ дома на печь, да и лежашъ шамъ, но камѣшъ не приберешъ врагъ. Что жъ глучше, спрашиваю я васъ, молодцы? ворошишъся ли до дому, чтобы

каждый день колошила васъ жинка, а и ша-
нившисы пропасшы иуды и иуды подь шы-
номъ, какъ собака; опли всѣмъ, какъ вѣр-
нымъ лыцарямъ, какъ брашьямъ роднымъ,
лечь вмѣстѣ на полѣ иносшавишы до себѣ
славу на вѣки? «отъ золот и »! и нѣм эщ
ошь За шобою, и пане Полковнику! «за-шо-
бою всѣ!» «о швѣчали о передніе швъ полку:
«веди! ей Богу, веди!» — а швденя а рѣш
«ан» «Добре, пананы молодцы!» «и сказалъ Та-
расъ, а взявши свою шапку швъ руки! и по-
помъ ропяшь она дѣвши ея на голову. Глаза
его сверкнули.» «Вырѣжемъ все Кашолече-
ство! чшобы его и духу не было! Пусть
пропадутъ нечесшивые!» «Гайда, хлопцы!»
«Сказавши эшо, и изступленный съдой фана-
пикъ ошправился съ полкомъ своимъ швъ
пушь.» «Другіе казаки съзависшыю глядѣли
на удалявшихся кошо варищей и и шолько
одно спрогое повиновение къ Полковни-
камъ, шбывшее всегдашнюю ихъ добродѣше-
лію, шрепящешвовало многимъ охотникамъ
къ нимъ присоединишься.» «и швжот. и
«Гешманъ и Полковники не ошановили
удалявшягося полка.» «Казало съ, предска-

ніе Тараса нѣсколько смушило ихъ, по крайней мѣрѣ они сидѣли нѣсколько времени молча и не глядя другъ на друга. Скоро однако же пророческія слова Бульбы исполнились. Немного времени спустя, послѣ вѣроломнаго посунка подѣ Каневымъ, голова Гешмана вздернуша была на коль вмѣстѣ со многими сановниками.

Но обратимся къ нашей исторіи. Что жъ дѣлалъ Тарасъ съ своимъ полкомъ? А Тарасъ выжегъ восемнадцать мѣстечекъ, около сорока кошеловъ и уже доходилъ до Кракова. Напрасно небольшіе отряды войскъ посылаемы были схватить его: онъ всегда почти разминался съ ними. Онъ посуналъ неожиданно, скрывая свои намѣренія, и когда одно селеніе, или небольшой городокъ ожидалъ съ ужасомъ его прибытія, онъ вдругъ перемѣнялъ дорогу и несъ гибель шуда, гдѣ его вовсе не ожидали. Никакая князь не осмѣлилась бы изобразить всѣхъ шѣхъ свирѣисвъ, кошорыми были означены разрушительныя его опустошенія. Ни что похожее на жалосъ не проникало въ это старое серд-

це, кипѣвшее только опшчениемъ. Никому не оказывалъ онъ пощады. Напрасно несчастныя машери, и молодыя жены и дѣвицы, изъ кошорыхъ иныя были прекрасны и невинны, какъ ландышъ, думали спастись у олшарей: Тарасъ зажигалъ ихъ вмѣстѣ съ кошеломъ. И когда бѣлыя руки, сопровождаемыя крикомъ опчаянiя, подымались изъ ужаснаго пошона огня и дыма къ небу, и распренанныя волосы сквозь дымъ разсыпались по плечамъ ихъ, а свирѣбые казаки подымали копьями съ улицъ плачущихъ младенцевъ и бросали ихъ къ нимъ въ пламя, — онъ глядѣлъ съ какимъ-шо ужаснымъ чувствомъ наслажденiя и говорилъ: » эшо вамъ, вражьи Ляхи, поминки по Оспапъ! « и шакiя поминки по Оспапъ опшправлялъ онъ въ каждомъ селенiи. Наконецъ Польское Правительштво увидѣло, что пошунки Тараса были нѣсколько болѣе, нежели обыкновенное разбойничешво. И шому же самому Пошоцкому поручено было съ нянью полками поймать непременно Тараса. Тарасъ понялъ опасность и поворотишь назадъ. Проселочными дорогами,

ночью, скакаль онъ съ своими казаками во всю ночь и ходилъ только Ташарскіе кони, кошорыхъ онъ имѣлъ обычай держашъ цѣлый табунъ при своемъ войскѣ, могли вынести необыкновенную быстроту его бѣгства. Но на эшопъ разъ Пошопкій былъ достоинъ возложеннаго на него порученія: онъ преслѣдовалъ его съ удивительною неупомимосью и наконецъ настигъ на берегу Днѣпра, гдѣ Бульба занялъ для небольшого роздыха оставленную, полуразвалившуюся крѣпость.

Крѣпость была на возвышенномъ мѣстѣ и оканчивалась къ рѣкѣ такою стремительною, почти наклоненною спремною; что, казалось, ежеминутно готова была обрушиться въ волны. Почти на двадцать сажень внизъ шумѣлъ Днѣпръ. Здѣсь-то облегалъ его Пошопкій своими войсками съ шрехъ сторонъ, обращенныхъ къ полю и къ оврагамъ неровныхъ береговъ. Тарасъ, съ помощью своей храбрости и упрямой воли, могъ сдѣлать щедрыми всѣ усилія осаждающихъ; но онъ не имѣлъ въ оную

шѣлой крѣпости никакихъ средствъ для прокормленія, а казаки менѣе всего могли сносить голодъ, особливо когда видѣли, что онъ долженъ наконецъ окончиться медленною смертию. Съ рѣкою невозможно было имѣть сообщенія: одна только половина узкой дорожки висѣла вверху, остальная упала въ волны съ недавно ошкловлеюся глыбою скалы и вмѣсто нея осталась стремнина. Тарасъ рѣшился осматривать крѣпость, попробовалъ удачи прорываться сквозь ряды непріятелей и по берегу достигнуть такого мѣста, съ котораго бы можно было кинуться на лошадей и пускаться съ ними владѣть. Онъ стремительно вышелъ изъ крѣпости и уже казаки пробрались сквозь непріятельскіе ряды, какъ вдругъ Тарасъ осановившись и нагнувшись въ землю сказалъ: «этой, брашцы! уронишь люльку.» Въ это самое время онъ почувствовалъ себя въ дюжихъ рукахъ, былъ схваченъ набѣжавшимъ съ шила опрядомъ и опрѣзанъ ошѣ своихъ. Онъ двинулъ своими членами, но уже не посыпались на землю, какъ бывало

прежде, схватившіе его гайдуки. » Эхъ, старость, старость! « сказалъ онъ почти что не заплакавъ. Ему прикрушили руки, увязали веревками и цѣпями, привязали его къ огромному бревну, правую руку, для большей безопасности, прибили гвоздемъ и носшавили это бревно рубомъ въ разсѣлину сѣны, такъ что онъ стоялъ выше всѣхъ и былъ видѣнъ всѣмъ войскамъ, какъ побѣдный профей удачи. Вѣшеръ развѣвалъ его бѣлые волоса. Казалось, онъ стоялъ на воздухъ, — и это вмѣстѣ съ выраженіемъ сильнаго безсилія дѣлало его чѣмъ-то похожимъ на духа, предсавшаго воспреняшесшвованъ чему нибудь сверхъестешественною своею власшью и увидѣвшаго ее ничтожносшь. Въ лицѣ его не было замѣшно никакой заботы о себѣ. Онъ вперилъ глаза въ ту сторону, гдѣ ошесрѣвливались казаки. Ему съ вышшы все было видно, какъ на ладонѣ. » Занимайте, хлопцы, « кричалъ онъ: » занимайте, вражьи дѣшны, говорю вамъ, скорѣе горку, что за лѣсомъ: шуда не подшупяцъ они. « Но вѣшеръ не донесъ его

словъ. » Вошь пропадушь, пропадушь ни за что! « говорилъ онъ съ бѣшенствомъ и взглянулъ внизъ, гдѣ блеснѣлъ Днѣпръ. Чувство радости сверкнуло въ его глазахъ. Онъ увидѣлъ выдвинувшіяся изъ за кушарника при кормы. Онъ собралъ все усилія и закричалъ шакъ, что едва не оглушилъ стоявшихъ близь него:

» Хлопцы, къ берегу! къ берегу! Подъ кручею, гдѣ крѣпосшь, стояшь челны! а за вами въ двадцати шагахъ спускъ къ берегу. Да забирайте все челны, чшобы не было погони! «

На эшошь разъ вѣтеръ дунулъ съ другой стороны и все слова были услышаны казаками. Но ударъ обухомъ по головѣ за шакой совѣшь переверошилъ въ его глазахъ все. Его опустили вмѣстѣ съ бревномъ ниже, чшобы онъ не могъ болѣе подавашъ своихъ наставленій.

Казаки поворошили коней и бросилсь бѣжать во всю прышь; но берегъ все еще соснолять изъ спремнишь. Они бы достигли пониженія его, если бы дорогу не преграждала пропасть сажени въ чешыре шириною:

однѣ шолько геван разрушеннаго моста шорчали на обѣихъ концахъ; изъ недосягаемой глубины ея едва доходило до слуха умиравшее журчаніе какого-то пошока, низвергавшаго въ Днѣпръ. Эшу пронасть можно было обѣхашь, взявши вправо; но войска непріятельскія были уже почти на плечахъ ихъ. Казаки шолько одинъ мигъ ока ошановились, подняли свои нагайки, свиснули — и Ташарекіе ихъ кони, опдѣлившись ошъ земли, расплашались въ воздухъ, какъ змѣи, и перелешѣли черезъ пропасть. Подъ однимъ шолько конь ошупился; но зацѣпился копышомъ и, привыкшій къ Крымскимъ шремнинамъ, выкарабкался съ своимъ сѣдокомъ. Ошрядъ непріятельскихъ войскъ съ изумленіемъ ошановился на краю пронасти. Начальствовавшій ими Полковникъ, молодой, неуспрашмый до безразсудности (онъ былъ бранъ прекрасной Полячки, обворожившей бѣднаго Андрія), безъ дальняго размышленія рѣшился повпоришь и себѣ шоже: и желал подашь примѣръ своему ошряду, бросился впередъ съ конемъ своимъ; но ош-

рые камни изорвали его, пропавшагося среди пропасти, въ клочки и мозгъ его, смѣшанный съ кровью, обрызгаль росшіе по неровнымъ стѣнамъ провала кусмы.

Когда Бульба очнулся немного отъ своего удара, и глянулъ на Днѣспрѣ, онъ увидѣлъ подъ ногами своими казаковъ, садившихся въ лодки. Глаза его сверкнули радостью. Градъ пуль сыпался съ верху на казаковъ, но они не обращали никакого вниманія и опчаливали отъ береговъ.

» Прощайше, паны-брашы поварищи! « говорилъ онъ имъ сверху: » вѣспоминайше иной часъ обо мнѣ. Объ участи же моей не забольшесь! я знаю свою участь: я знаю, что меня заживо рознимушь по кускамъ и что кусочка моего шѣла не оставяшь на землѣ — да то уже мое дѣло. Будьте здоровы, паны-брашы поварищи! Да глядише, прибывайте на слѣдующее мѣсто описъ! да погуляйте хорошенько! «

ударъ обухомъ по головѣ пресѣкъ его рѣчи.

Чортъ побори! да ешь ли что на свѣтѣ, чего бы побоялся казакъ? Немалая

рѣка Днѣспрѣ; а какъ погонишь вѣшеръ
съ моря, шо валь дохлещываешъ до самого
мѣсяца. Казаки плыли подь пулями и
выспрѣлами, ошорожно минали зеленые
ошрова; хорошенько выправляли парусъ;
дружно и мѣрно ударяли веслами и гбо-
рили про своего Ашамана.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Въздухъ и вода потонутъ въ море,
и море, но вода въ безднннхъ ко
и вода въ море и вода въ море
и вода въ море, основанно
и вода въ море, основанно
и вода въ море, основанно
и вода въ море, основанно
и вода въ море, основанно
и вода въ море, основанно

ПОВѢСТИ.

МИРГОРОДЪ

НОВАСТА

ВЪЗЛОЖЕ

Миргородъ народно несекий градъ
околотъ Миргородъ. Населенъ въ
многомъ фамилъ, і ладилъ и въ
колотъ, почитанъ и въ сръбскихъ
метанъ.
Городъ Миргородъ.
Жити въ Миргородъ, повуча сръбъ
и въ сръбскихъ, почитанъ въ
жизни.
И въ сръбскихъ, почитанъ въ
жизни.

Казно внодо

САНКЦИОНАРЪ

1835

МИРГОРОДЪ.

ПОВѢСТИ,

Служація продолженіємъ *Ветероѡ на хуторѡ близъ Диканьки.*

Н. ГОГОЛЯ.

Миргородъ нарочито невеликій прирѣкъ Хоролѣ городъ. Имѣеть і ка-нашиую фабрику, і кирпичный заводъ, 4 водяныхъ и 45 вѣреныхъ мельницъ.

Географіа Зябловскаго.

Хоша въ Миргородѣ пекутся бублики изъ чернаго тѣста, но довольно вкусны.

Изъ записокъ одного путешественника.

Часть вторая.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1835.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ пѣмъ, чшобы по напечатаніи предспавлены были
въ Ценсурный Комисіонъ при экземплярѣ. Санкці-
петербургъ, 29 Декабря 1834 года.

Ценсоръ В. Семеновъ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

в том, что касается содержания, по распоряжению
Издательского Комитета. С. П. б.
1881 года.

Издатель В. Семенов.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕНГАЛЬМАНТА ВЪНШНЕГО ТОРГОВАНІЯ.

В і м.

Ізяска пожежко ударила - въ Києвъ ни удру
доловано звоний Семнарскій колоколя
всвѣтний у вородѣ брѣшскыи мон. дря

Дей — есть колокольное созвоніе прославляюще поборн
иже. Тавриат именитъ извѣстней у Малороссійскыи нагел
иже. Тимонья. У колорато вѣки на гласахъ идути до са
комъ жемъ. Востанъ повѣсти, есть илюдиное предѣли. В
до хомѣи на негелъ извѣстныи ето и раскрывающе погли
на иномъ же предѣли, какъ снмъ.

В І Й. *

Какъ только ударялъ въ Кіевъ по ушру довольно звонкій Семинарскій колоколь, висѣвшій у ворошь брашскаго монашья,

* Вій — есть колоссальное созданіе проснопороднаго воображенія. Такимъ именемъ называется у Малороссіякъ начальникъ Гномовъ, у котораго въки на глазахъ идуць до самой земли. Вся эта повѣсть есть народное преданіе. Я не хотѣлъ ни въ чемъ измѣнить его и рассказываю почти въ такой же простотѣ, какъ слышалъ.

по уже со всего города сѣвшили полнами школьники и Буреаки. Грамашики, Ришоры, Философы и Богословы, съ шепра-дями подъ мышкой, брели въ классъ. Грамашики были еще очень малы: идя, полкали другъ друга и бранились между собою самымъ шоненькимъ дисканшомъ; были все почти въ изодранныхъ, или запачканныхъ плашьяхъ, и карманы ихъ вѣчно были наполнены всякою дрянью, какъ-шо: бабками, свинешелками, седьланними изъ перышекъ, недоѣденнымъ пирогомъ, и иногда даже и маленькими воробьенками, изъ кошорыхъ одинъ, вдругъ чиликнувъ среди необыкновенной тишины въ классъ, доснавлялъ своему шашрону порядочные пали въ обѣ руки, а иногда и вишневыя розги. Ришоры шли солидиѣе: плашья у нихъ были часто совершенно цѣлы, но за шо на лицѣ всегда почти бывало какое нибудь украшеніе въ видѣ ришорическаго шрона: или одинъ глазъ уходилъ подъ самый лобъ, или вмѣсто губы цѣлый пузырь, или какая нибудь другая примѣша; эши говорили и божились между

собою шеноромъ. Философы цѣлою окнавою брали ниже; въ карманахъ ихъ, кромѣ крѣпкихъ шабачныхъ корешковъ, ничего не было. Запасовъ они не дѣлали никакихъ и все, что попадалось, съѣдали тогда же; ось ихъ слышалась шрубка и горѣлка, иногда шакъ далеко, что проходившій мимо ремесленникъ долго еще, остановившись, нюхалъ, какъ тончая собака, воздухъ. Рынокъ въ это время обыкновенно шолько что начиналъ шевелиться и шорговки съ бубликами, булками, арбузными съмечками и маковниками дергали на подхвашъ за полы шѣхъ, у кошорыхъ полы были изъ шонкаго сукна, или какой шибудь бумажной машерин. » Паничи! паничи! сюды! сюды! « говорили они со всѣхъ шпоронъ: » ось бублики, маковники, вершычки, буханци хороши! ей Богу, хороши! на меду! сама пекла! « Другая, подиявъ что-то длинное, скрученное изъ шѣша, кричала: » ось сусулька! паничи, купише сусульку! « — » Не покупайте у этой ничего: смощрише, кака она скверная, и носъ нехорошій, и руки печисшые. . . « Но Фи-

досифовъ и Богослововъ они боялись за-
дѣвашь, пощому чшо Философы и Бого-
словы всегда любили брань только на
пробу и прищомъ цѣлою горщью. По при-
ходѣ въ Семинарію вся щолна размѣща-
лась по классамъ, находившимся въ ни-
зенькихъ, довольно однако же простор-
ныхъ, комнашахъ съ небольшими окнами,
съ широкими дверьми и запачкаинными
скамьями. Классъ наполнялся вдругъ разно-
голосными жужжаніями: Авдищоры выслу-
шивали своихъ учениковъ: звонкій дис-
кантъ Грамматики попадалъ какъ разъ въ
звонъ сщекла, вщавленнаго въ маленькія
окна, и сщекло ошвѣчало почши щѣмъ же
звуккомъ; въ углу гудѣлъ Риторъ, кошо-
раго рощъ и щолешные губы должны бы
принадлежать по крайней мѣрѣ Философїи.
Онъ гудѣлъ басомъ и щолько слышно было
издали: бу, бу, бу, бу... Авдищоры, слу-
шая урокъ, смощрѣли однимъ глазомъ подъ
скамью, гдѣ изъ кармана подчиненнаго Бур-
сака выглядывала булка, или вареникъ, или
семѣна изъ щыкъвъ. Когда вся эща ученая
щолна ущѣвала приходишь щѣсколько ра-

нѣе, или когда знали, что Профессора
будушь позже обыкновеннаго, тогда, со
всеобщаго согласія, замышляли бой, и въ
этомъ бою должны были участвовашь все,
даже и Цензора, обязанные смотрѣшь за
порядкомъ и нравственностію всего уча-
щагося сословія. Два Богослова обыкно-
венно рѣшали, какъ происходить бившѣ:
каждый ли классъ долженъ стоянь за себя
особенно, или все должны раздѣлишь
на двѣ половины: на Буреу и Семинарію.
Во всякомъ случаѣ Грамматики начинали
прежде всехъ, и какъ только вмѣшивалшсь
Риторики, они уже бѣжали прочь и сна-
новилшсь на возвышеніяхъ наблюдать бив-
шу. Пошомъ вступала Философія съ чер-
ными длинными усами, а наконецъ и Бого-
словія въ ужасныхъ шароварахъ и съ пре-
шодешными шеями. Обыкновенно оканчива-
лось шѣмъ, что Богословія побивала всехъ
и Философія, почесывая бока, была шѣс-
нима въ классъ и помѣщалась опдыхашь
на скамьяхъ. Профессоръ, входившій въ
классъ, и участвовавшій когда-то самъ
въ подобныхъ бояхъ, въ одну рѣмя съ Юния

философовъ и Богослововъ они боялись за-
 дѣвашь, потому что Философы и Бого-
 словы всегда любили брань только на
 пробу и при томъ цѣлою горешью. По при-
 ходѣ въ Семинарію вся школа размѣща-
 лась по классамъ, находившимся въ ни-
 зенькихъ, довольно однако же простор-
 ныхъ, комнахахъ съ небольшими окнами,
 съ широкими дверьми и запачканными
 скамьями. Классъ наполнялся вдругъ разно-
 голосными жужжаніями: Авдиторы выслу-
 шивали своихъ учениковъ: звонкій дис-
 кантъ Грамматики попадалъ какъ разъ въ
 звонъ стекла, вставленнаго въ маленькія
 окна, и стекло ошвѣчало почти шѣмъ же
 звукомъ; въ углу гудѣлъ Риторъ, кошо-
 раго роть и шолешые губы должны бы
 принадлежать по крайней мѣрѣ Философіи.
 Онъ гудѣлъ басомъ и только слышно было
 издали: бу, бу, бу, бу... Авдиторы, слу-
 шая урокъ, сморѣли однимъ глазомъ подъ
 скамью, гдѣ изъ кармана подчиненнаго Бур-
 сака выглядывала булка, или вареникъ, или
 семѣна изъ шыкъвъ. Когда вся эша ученая
 школа успѣвала приходишь нѣсколько ра-

нѣе, или когда знали, что Профессора
будущъ позже обыкновеннаго, тогда, со
всеобщаго согласія, замыслили бой, и въ
этомъ бою должны были участвовашь все,
даже и Цензора, обязанные смотрѣшь за
порядкомъ и нравственностію всего уча-
щагося сословія. Два Богослова обыкно-
венно рѣшали, какъ происходить бившѣ:
каждый ли классъ долженъ спояшь за себя
особенно, или все должны раздѣлиться
на двѣ половины: на Буреу и Семинарію.
Во всякомъ случаѣ Грамматики начинали
прежде всѣхъ, и какъ только вмѣшивались
Риторики, они уже бѣжали прочь и сна-
новились на возвышеніяхъ наблюдать бив-
ву. Пошомъ вступала Философія съ чер-
ными длинными усами, а наконецъ и Бого-
словія въ ужасныхъ шароварахъ и съ пре-
шолстыми шеями. Обыкновенно оканчива-
лось шѣмъ, что Богословія побивала всѣхъ
и Философія, почесывая бока, была шѣ-
нима въ классъ и помещалась опдыхашь
на скамьяхъ. Профессоръ, входившій въ
классъ, и участвовавшій когда-то самъ
въ подобныхъ бояхъ, въ одну м

разгорѣвшимся лицамъ своихъ слушателей, узнавалъ, что бой былъ недурень, и въ то время, когда онъ сѣкъ розгами по пальцамъ Ришорику, въ другомъ классѣ другой Профессоръ опдѣлывалъ деревянными лопашками по рукамъ Философію. Съ Богословами же было поступаемо совершенно другимъ образомъ: имъ, по выраженію Профессора Богословія, ошесналось по мѣркѣ *крупнаго зороха*, что соешяло въ корошенькихъ кожанныхъ канчукахъ.

Въ торжественные дни и праздники, Семинаристы и Бурсаки ошправлялись по домамъ съ вершенами. Иногда разыгрывали комедію, и въ шакомъ случаѣ всегда ошличался какой нибудь Богословъ, росномъ мало чемъ пониже Кіевской колокольни, представившій Продіаду, или Пеншефрию суизругу Египетскаго царедворца. Въ награду получали они кусокъ полонна, или мѣшокъ проса, или половину варенаго гуся и шому подобное. Весь эшомъ ученый народъ, какъ Семинарія, шакъ и Бурса, шичали какую-шо наследствен- шую шуду собою, былъ чрез-

вычайно бѣденъ на средства къ прокормленію и при томъ необыкновенно прожорливъ; такъ что сосчиташь, сколько каждый изъ нихъ уписывалъ за вечерю галушекъ, было бы совершенно невозможное дѣло; и пошому доброхошныя пожертвованія зажиточныхъ владѣльцевъ не могли бытъ доспащочны. Тогда Сенашъ, состоявшій изъ Философовъ и Богослововъ, опправлялъ Грамматики и Ришоры, подъ предводительствомъ одного Философа, а иногда присоединялся и самъ, съ мѣшками на плечахъ опустошашъ чужіе огороды. И въ Бурсѣ появлялась каша изъ шывъ. Сенаторы сполько объѣдались арбузовъ и дынь, что на другой день Авдипоры слышали отъ нихъ вмѣсто одного два урока: одинъ происходилъ изъ ушей, другой ворчалъ въ Сенаторскомъ желудкѣ. Бурса и Семинарія носили какія-то длинныя подобія сюршуконъ, простиравшихся *по сіе время*: слово шехическое, означавшее: далѣе пашокъ.

Самое торжественное для Семинаріи событіе было — вакансія, время съ Іюня

мѣсяца, когда обыкновенно Бурса распукалаась по домамъ. Тогда всю большую дорогу усебевали Грамманики, Философы и Богословы. Кто не имѣлъ своего приюта, пошъ отправлялся къ кому нибудь изъ шоварищей. Философы и Богословы отправлялись *на кондиціи*, ш. е. брались учишь или пригошовляшь дѣшей людей зажиточныхъ, и получали за шо въ годъ новые сапоги, а иногда и на сюртукъ. Вся вашага эша зянулаась вмѣстѣ цѣлымъ шаборомъ; варила себѣ кашу и почевала въ полѣ. Каждый шациль за собою мѣшокъ, въ кошоромъ находилась одна рубашка и пара онучь. Богословы особенно были бережливы и аккуратны: для того, чшобы не изнаосишь сапоговъ, они скидали ихъ, вѣшали на палки и несли на плечахъ, особенно когда была грязь. Тогда они, засучивъ шаровары по кольни, безстрашно разбрызгивали своими ногами лужи. Какъ шолько завидывали въ сторону хушоръ, шощасъ сворачивали съ большой дороги и приблизившись къ хашъ, выстроенной поопрашнѣ другихъ, спановились передъ

окнами въ рядъ и во весь рожь начинали пѣть каншь. Хозяинъ хашы, какой нибудь старый казакъ-поселянинъ, долго ихъ слушаль, поднершись обѣими руками, попомъ рыдаль прегорько и говорилъ, обращаясь къ своей женѣ: » Жинко! шо, что поюшь школяри, должно бышь очень разумное; вынеси имъ сала и чего нибудь шакого, что у насъ ешь! « И цѣлая миска варениковъ валилась въ мѣшокъ. Порядочный кусъ сала, нѣсколько палениць, а иногда и связанная курица помѣщались вмѣстѣ. Подкрѣпившись шакимъ запасомъ, Грамматики, Ришоры, Философы и Богословы оная продолжали пущь. Чѣмъ далѣе однако же шли они, шѣмъ болѣе уменьшалась шолна ихъ. Всѣ почши разбродились по домамъ и осшавались шѣ, кошорые имѣли редишельскія гнѣзда далѣе другихъ.

Одинъ разъ, во время подобнаго спранешвованія, шри Бурсака сворошили съ большой дороги въ спорону, съ шѣмъ, чтобы въ первомъ понавшемся хушорѣ запасшись провіаншомъ, пошому что мѣшокъ у нихъ давно уже былъ пущь. Эшо были: Бого-

словъ Халява, Философъ Хома Брушъ и Ришоръ Тиберій Горобецъ. Богословъ былъ рослый, плечистый мущина и имѣлъ чрезвычайно снранный нравъ: все, что ни лежало бывало возлѣ него, онъ непременно украдеши. Въ другомъ случаѣ характеръ его былъ чрезвычайно мраченъ и когда напивался онъ пьянъ, шо прятался въ бурьянъ, и Семинаріи сшшло большого шруда его сыскаши шамъ. Философъ Хома Брушъ былъ права веселаго, любилъ очень лежати и куриши люльку. Если же шилъ, шо непременно занимать музыканшовъ и опшлясывать пропака. Онъ часшо пробовалъ *круннаго горожа*, но совершенно съ философическимъ равнодушіемъ, говоря, что чему быши, шого не миновати. Ришоръ Тиберій Горобецъ еще не имѣлъ права носити усовъ, шилъ горѣлки и куриши люльки. Онъ носилъ шолько оселедецъ и пошому характеръ его въ шо время еще мало развился; но судя по большимъ шипкамъ на лбу, съ кошорыми онъ часшо являлся въ классъ, можно было предположиши, что изъ него будешъ хорошій во-

инь. Богословъ Халява и Философъ Хома часто дирали его за чубъ въ знакъ своего покровишельства и упошребляли въ качествѣ депушана.

Быль уже вечеръ, когда они сворошили съ большой дороги. Солнце только что сѣло, и дневная шеплоша осшавалась еще въ воздухѣ. Богословъ и Философъ шли молча, куря люльки; Ришоръ Тиберій Горобецъ сбиваль палкою головки съ будяковъ, росшихъ по краямъ дороги. Дорога шла между разбросанными группами дубовъ и орѣшника, покрывавшими луть. Ошлогосши и небольшія горы, зеленыя и круглыя, какъ куполы, иногда перемѣживывали равнину. Показавшаяся въ двухъ мѣснахъ нива съ вызрѣвавшимъ жишомъ давала знаншь, что скоро должна появишься какая нибудь деревня. Но уже болѣе часа, какъ они минули хлѣбныя полосы, а между шѣмъ имъ не понадалось никакого жилья. Сумерки уже совсѣмъ омрачили небо и шолько на западѣ блѣднѣль осшашокъ алаго сїянія.

» Что за чоршь! « сказалъ Философъ Хома Брушъ: » сдалось совершенно, какъ будно сейчасъ будешъ хушоръ. «

Богословъ помолчалъ, поглядѣлъ по окреспносшямъ, пошомъ оняшь взялъ въ рошъ свою люльку и все продолжали пушь.

» Ей Богу! « сказалъ оняшь осшановившисъ Философъ. » Ни чоршова кулака не видно. «

» А можешъ бышь далѣе и попадешся какой нибудь хушоръ «, сказалъ Богословъ, не выпуская люльки. Но между шѣмъ уже была ночь, и ночь довольно шемная. Небольшія шучи усилили мрачность и судя по всемъ примѣшамъ, нельзя было ожидать ни звѣздъ, ни мѣсяца. Буреаки замѣшили, что они сбились съ пуши и давно шли не по дороге.

Философъ, пошаривши ногами во все стороны, сказалъ наконецъ опривнеше: » А гдѣ же дорога? « Богословъ помолчалъ и, надумавшисъ, примолвилъ: » да ночь шемная. « Риноръ ошошелъ въ сторону и спарался ползкомъ нащупать дорогу, но руки его попадали шолько въ лисьи норы.

Вездѣ была одна снѣдь, по которой, казалось, никто не ѣздить. Пешешивники еще сдѣлали усиленіе проішши нѣсколько впередъ, но вездѣ была та же дичь. Философъ попробоваль перекликнуться, но голосъ его совершенно заглохъ по шоронамъ и не вспрѣшилъ никакого отвѣта. Нѣсколько спуская шолько, слышалось слабое шенаніе, похожее на волчій вой.

»Вишь! что шумъ дѣлашь?» сказала Философъ.

»А что? ославашься и заночевашь въ ноль!» сказала Богословъ и полтъ въ карманъ дославашь огниво и закуришь снова свою люльку. Но Философъ не могъ согласиться на это. Онъ всегда имѣль обыкновеніе упрямашь на почъ полудовую краюху хлѣба и фунша чешыре сала, и чувствоваль на этошъ разъ въ желудкѣ своемъ какое-шо несносное одиночество. Пришомъ, не смотря на веселый нравъ свой, Философъ боялся нѣсколько волковъ.

»Нѣшь, Халава, не можно«, сказала онъ. »Какъ же, не подкрѣнивъ себя ни

чѣмъ, разшянувшись и лечь такъ, какъ собака? Попробуемъ еще; можешь быть набредемъ на какое нибудь жильѣ и хощь чарку горѣлки удастся выпить на ночь. «

При словѣ горѣлка, Богословъ сплюнулъ въ спорону и примолвилъ: «оно конечно, въ полѣ осавашься нѣчего.» Бурсаки пошли впередъ и къ величайшей радости ихъ, въ опдаленіи почувился лай. Прислушавшись, съ кошорой спороны, они опиравились бодрѣе и немного пройдя, увидѣли огонекъ. »Хушоръ! ей Богу, хушоръ!« сказала Философъ. Предположенія его не обманули: черезъ нѣсколько времени они увидѣли почно небольшой хушорокъ, состоявшій изъ двухъ шолько хашъ, находившихся въ одномъ и шомъ же дворѣ. Въ окнахъ свѣщился огонь; десяшокъ сливныхъ деревъ порчало подь пыномъ. Взглянувши въ сквозныя досчашья вороша, Бурсаки увидѣли поверхность двора усавленную чумацкими возами. Звѣзды кое-гдѣ глянули въ эшо время на небѣ.

»Смошрише же, брашцы, неосешавашь! во чшо бы шо ни было, а добышь почлега!«

Три ученые мужа дружно ударили въ во-
роша и закричали: » опвори! «

Дверь въ одной ханѣ заскрыгѣла и
минушу спуся Бурсаки увидѣли передь
собою старуху въ нагольномъ шулупѣ.
» Кшо шамъ? « закричала она, глухо кашляя.

» Пуши, бабуся, переночевашь. Сби-
лись съ дороги. Такъ въ полѣ скверно,
какъ въ голодномъ брюхѣ. «

» А чшо вы за народъ? «

» Да народъ необидчивой: Богословъ
Халыва, Философъ Брушъ и Ришоръ Горо-
бець. «

» Не можно «, проворчала старуха: » у
меня народу полонъ дворъ и все углы въ
ханѣ заняшы. Куды я васъ дѣну? Да еще
все какой рослой и здоровой народъ! Да
у меня и хаша развалишея, когда помѣшу
шакихъ. Я знаю эшихъ Философовъ и
Богослововъ. Если шакихъ пьяницъ нач-
нешь принимаешь, шо и двора скоро не
будешъ. Пошли! пошли! Тушь вамъ нѣшь
мѣшена. «

» Умилосердись, бабуся! Какъ же можно,
чшобы Хриштіанскія души пропали ни за

чно, они прочно? Гдѣ хочешь помѣсти насъ. И если мы, что нибудь, какъ нибудь того, или какое другое чино сдѣлаемъ, то пусть намъ и руки опсохнутъ, и ша- кое будешь, что Богъ одинъ знаешь. Вошь что!» «Падуд и тѣмъ и тѣмъ»

«Шаруха, казалась, немного смягчилась. » Хорошо, » сказала она, какъ бы размышляя: » я впушу васъ; только положу всѣхъ въ разныхъ мѣстахъ, ибо у меня не будешь спокойно на сердцѣ, когда будешь лежать вмѣстѣ. » «Азъ вѣнчана»

«На шю швоя воля; не будемъ опреко- словишь», » отвѣчали Бурсаки.

«Вероша» «заскрылъ» и они вошли на дворъ.

«А что, бабуся, » сказала Философия идя вша шарухой: » если бы шакъ, о какъ говорашъ оней Богу, въ живомъ какъ будшо кно и колесами не шаль въздншь. » Съ самаго ууправомъ вхошь бы щецка была во ршю.» «Амъ и вѣи эн.»

«Вишь, чего захошь!» «» сказала шаруха. » Пынь у меня, пынь ничего шакого и печь не шопилась сегодня.»

«А мы бы уже за все это», продолжалъ философъ: «расплащились бы завтра какъ слѣдуетъ — числомъ да!» продолжалъ онъ тихо: «чортъ съ два! полуничишь ты чтонибудь!»

«Слушайте, слушайте! и будьте довольны тѣмъ, что даю вамъ. Возьмите чортъ принесъ какихъ нѣжныхъ паничекъ!»

Философъ Хома пришелъ въ совершенное оупыніе отъ такихъ словъ. Но вдругъ носъ его почувствовалъ запахъ сушеной рыбы. Онъ глянулъ на шаровары Богослова, шедшаго съ нимъ рядомъ, и увидѣлъ, что изъ кармана его торчалъ преогромный рыбій хвостъ. Богословъ уже успѣлъ подшибришь съ воза цѣлаго карася. И такъ какъ онъ вѣшалъ производилъ не изъ какойнибудь корысти, но единственно по привычкѣ, и позабывши совершенно по своему карася, уже разглядывалъ, чтобы шакое спянуть другое, не имѣя намѣренія пропустить даже изломаннаго колеса, — то философъ Хома запустилъ руку въ его карманъ, какъ въ своей собственнѣйшій, и

вышанилъ карася. Спаруха размѣшила Бурсаковъ: Ришора положила въ хашъ, Богослова заперла въ пусешую камору, Философу ошвела поже пусшой овечій клѣвъ.

Философъ, оставшись одинъ, въ одну минушу съѣлъ карася, осмошрѣлъ плешенныя сшѣны клѣва, шолкнулъ ногою въ морду просунувшуюся изъ другаго хлѣва любопытную свинью и поворошился на правый бокъ, чшобы заснушь мершвецки. Вдругъ низенькая дверь ошворилась и спаруха, нагнувшись, вошла въ клѣвъ.

» А чшо, бабуся, чего тебѣ нужно? « сказала Философъ. Но спаруха шла прямо къ нему съ распрощершыми руками.

» Эге, ге! « подумалъ Философъ: » только нѣшь, голубушка! ушарѣла! « Онъ ошодвинулся немного подальше, но спаруха, безъ церемоніи, ошянь подошла къ нему.

» Слушай, бабуся! « сказала Философъ: » шецерь пошшь; а я шакой чешовѣкъ, чшо и за шысячу золошыхъ не захочу ошкромшшься. « Но спаруха раздвигала руки и ловила его, не говоря ни слова.

Философу сдѣлалось спрашно, особливо когда онъ замѣшилъ, что глаза ея сверкнули какимъ-то необыкновеннымъ блескомъ. «Бабуся! что ты? Спунай, спунай себя съ Богомъ!» закричалъ онъ. Но старуха не говорила ни слова и хвашала его руками.

Онъ векочилъ на ноги, съ намѣреніемъ бѣжать; но старуха снала въ дверяхъ и вперила на него сверкающіе глаза, и снова начала подходить къ нему.

Философъ хотѣлъ опшолкнуться се руками, но къ удивленію замѣшилъ, что руки его не могутъ приподняться, ноги не двигались и онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что даже голосъ не звучалъ изъ ушей его: слова безъ звука шевелились на губахъ. Онъ слышалъ только, какъ билось его сердце; онъ видѣлъ, какъ старуха подошла къ нему, сложила ему руки, нагнула ему голову, векочила съ бысрошою кошки къ нему на спину, ударила его мешлою по боку и онъ, подпрыгивая, какъ верховой конь, понесъ се на плечахъ своихъ. Все эшо случилось шакъ бысро, что

Философъ едва могъ опомниться и схватилъ обѣими руками себя за колѣни, желая удержашь ноги; но они, къ величайшему изумленію его, подымались противъ воли и производили скачки быстрѣе Черкесскаго бѣгуна. Когда уже минули они хуторъ и передъ ними открылась ровная долина, а въ сторонѣ посянулся черный, какъ уголь, дѣсъ, тогда только сказалъ онъ самъ въ себѣ: » эге, да это вѣдьма.«

Обращенный мѣсячный серпъ свѣсилъ на небѣ. Робкое полночное сіяніе, какъ сквозное покрывало, ложилось легко и дымилось по землѣ. Дѣса, луга, небо, долины — все, казалось, какъ будто спало съ открытыми глазами. Въсмерть хощь бы разъ вспорхнулъ гдѣ нибудь. Въ ночной свѣжеши было что-шо влажно - шеплое. Тѣни ошъ деревъ и кустовъ, какъ комешы, оспрыми клинами падали на ошлогую равнину. Такая была ночь, когда Философъ Хома Брушъ скакалъ съ непоняшнымъ всадникомъ на спинѣ. Онъ чувшвовалъ какое-шо шомишельное, неприяшное и вмѣшѣ сладкое чувшво, подешунавшес къ его сердцу.

Онъ опушилъ голову внизъ и видѣлъ, чшо справа, бывшая почти подъ ногами его, казалось, росла глубоко и далеко, и чшо сверхъ ея находилась прозрачная, какъ горный ключъ, вода и справа казалась дномъ какого-то свѣшлаго, прозрачнаго до самой глубины моря; по крайней мѣрѣ онъ видѣлъ ясно, какъ онъ отражался въ немъ вмѣстѣ съ сидѣвшею на спинѣ шарухою. Онъ видѣлъ, какъ вмѣсто мѣсяца свѣшило шамъ какое-то солнце; онъ слышалъ, какъ голубые колокольчики, наклоня свои головки, звенѣли. Онъ видѣлъ, какъ изъ-за осоки выплывала русалка, мелькала спина и нога выпуклая, упругая, вся созданная изъ блеска и шрепеша. Она оборотилась къ нему — и вошь ея лицо, съ глазами свѣшлыми, сверкающими, ошрыми, съ пньемъ вшоргавшимися въ душу, уже приближалось къ нему, уже было на поверхности и задрожавъ сверкающимъ смѣхомъ, удалялось — и вошь она опрокинулась на спину и облачныя перси ея, машовыя, какъ фарфоръ не покрытый глазурью, просвѣчивали предъ солнцемъ по

краямъ своей бѣлой, эластически-нѣжной
окружности. Вода въ видѣ маленькихъ
пузырьковъ, какъ бисеръ, обсыпала ихъ.

Она вся дрожитъ и смѣется въ водѣ . . .

— Видишь ли онъ это, или не видишь?

— На яву ли это, или сенился? Но шамъ

что? Вѣтеръ, или музыка: звенишь, зве-

нишь и вѣселя, и подешунаешь и вонзаеш-

ся въ душу какою-то несшерпимою шре-

люю . . . .

» Что это? « думаль Философъ Хома

Брушь, глядя внизъ, несясь во всю прышь.

Пошь кашился съ него градомъ. Онъ чув-

сшвоваль бѣсовски-сладкое чувешво, онъ

чувешвоваль какое-шо пронзающее, какое-

шо шоминельно - спрашное и наслажденіе.

Ему часшо казалось, какъ будшо сердца

уже вовсе не было у него, и онъ со спра-

хомъ хвашался за него рукою. Изнеможен-

ный, растерянный, онъ началъ прицومي-

нашь всѣ, какія шолько зналь, молишвы.

Онъ перебираль всѣ закланія прошивъ ду-

ховъ и вдругъ почувешвоваль какое-шо

освѣженіе; чувешвоваль, что шагъ его

начиналь сшановишься лѣнливѣе, вѣдма

какъ-то слабѣе держалась на спицѣ его. Туслая права касалась его и уже онъ не видѣлъ въ ней ничего необыкновеннаго. Свѣшлый сернь свѣшилъ на небѣ.

» Хорошо же! « подумаль про себя Философъ Хома и началъ почини вслухъ проносить заклянія. Наконецъ, съ быспрошою молнии выпрыгнуль изъ полъ сшарухи и вскочилъ въ свою очередь къ ней на спину. Сшаруха мелкимъ дробнымъ шагомъ побѣжала такъ быспро, что всадникъ едва могъ переводить духъ свой. Земля чужь мелькала подъ нимъ. Все было ясно при мѣсячномъ, хожя и не полномъ свѣшѣ. Онъ схватилъ лежавшее на дорогѣ полдно и началъ имъ со всѣхъ силъ колосить сшаруху. После нѣсколькихъ ударовъ замѣшилъ онъ, что бѣгъ ея спановилея медленнѣе и медленнѣе. Философъ сторяча кресшилъ ее еще болѣе. Наконецъ вѣдма была не въ силахъ переносить ударовъ, занашалась и упала. Разсвѣшъ загорѣлся совершенно. Шицы чиликали въ еще неподвижныхъ и спавшихъ рошяхъ орѣшника. Передъ нимъ, какъ на ладонѣ, былъ весь

Кіевъ съ продолговатыми, какъ золотые
груши, главами. Вставши на ноги, онъ
взглянулъ на лежавшую на землѣ и едва
дышавшую вѣдму — и самъ не могъ рас-
шолковать своего чувства: онъ видѣлъ,
что въ лицѣ ея показались молодыя черны,
сверкнула снѣжная бѣлизна и какъ будто
бы она была уже вовсе не спаруха: какая-то
пріятная и вмѣстѣ непріятная мина пока-
залась на губахъ ея и врѣзалась ему въ са-
мое сердце. Онъ чувствовалъ что-то по-
хожее на жалось, но не захошѣлъ и ми-
нумы ославаться и скорѣе направилъ пушъ
свой въ городъ, раздумывая объ эшомъ
спраннымъ происшествіи. Бурсаковъ почши
никого не было въ городѣ: всѣ разбрелись
по хушорамъ, или на кондиціи, или просто
безъ всякихъ кондицій, пошому что по ху-
шорамъ Малороссійскимъ можно ѣсть га-
лушки, сыръ, смешану и вареники величи-
ною въ шляпу, не заплачивъ гроша денегъ.
Большая хама, въ кошорой помѣщалась
Бурса, была рѣшишельно пуста и сколько
Философъ ни шарилъ по угламъ, не опыскалъ
ни сала, ни книша, что по обыкновенію

запряшывасмо было Бурсаками. Однако же Философ скоро сыскался какъ поправиль своему горю: онъ прошелъ посвешывая раза три по рынку, перемигнулся на самомъ концѣ съ какою-шо молодою вдовою въ желтомъ очинкѣ, продававшею леншы, ружейную дробь и колеса — и былъ того же дня накормленъ пшеничными варениками, курицею . . . и словомъ перечесъ нельзя, что у него было за споломъ, накрытымъ въ маленькомъ, глиняномъ домикѣ, среди вишневаго сада. Того же самаго вечера видѣли Философа въ корчмѣ: онъ лежалъ на лавкѣ покуривая, по обыкновенію своему, люльку, и при всѣхъ бросиль жиду-корчмарю ползолотой. Передъ нимъ стояла кружка. Онъ глядѣлъ на приходившихъ и уходившихъ хладнокровно-довольными глазами и вовсе уже не думалъ о своемъ необыкновенномъ происшествіи.

Между тѣмъ распространились вездѣ слухи, что дочь одного изъ богатѣйшихъ

Сошниковъ, котораго хушоръ находился въ пятидесяти версахъ ошь Кіева, возвратилась въ одинъ день съ прогулки вся избившая, едва имѣвшая силы добрестъ до ошцовскаго дома, находящия при смерши, и передъ смершнымъ часомъ изъявила желаніе, чшобы ошходную по ней и молишвы въ продолженіе шрехъ дней послѣ смерши чшшалъ одинъ изъ Кіевскихъ Семинаристовъ: Хома Брушъ. Объ этомъ Философъ узналъ ошь самого Рекшора, который нарочно призывалъ его въ свою комнашу и объявилъ, чшобы онъ безъ всякаго ошлагашельства, спѣшилъ въ дорогу, чшо именишый Сошникъ прислалъ за нимъ нарочно людей и возокъ.

Философъ вздрогнулъ по какому-шо безомчешному чувешву, котораго онъ самъ не могъ расшолковать себѣ. Онъ какъ будто слышалъ какой-шо шайный голосъ, его удерживавшій, и объявилъ напрямикъ, чшо не поѣдешъ.

» Послушай, Dominus Хома! « сказалъ Рекшоръ (онъ въ нѣкошорыхъ случаяхъ ошяснялся очень вѣжливо съ своими под-

чиненными): » себя никакой чортъ и не спрашиваетъ о томъ, хочешь ли ты ѣхать, или не хочешь. Я себя скажу только то, что если ты еще будешь показывать свою рысь, да мудрствовать, то прикажу себя по снѣгъ и по прочему такъ опешегашь молодымъ березнякомъ, что и въ баню больше не нужно ходишь. «

Философъ, почесывая слегка за ухомъ, вышелъ, не говоря ни слова, располагая при первомъ удобномъ случаѣ возложить надежду на свои ноги. Въ раздумьи сходилъ онъ съ крушой лѣшницы, приводившей на дворъ, обсаженный тополями, и на минушу осшановился, услышавши довольно явственно голосъ Рекшора, дававшего приказанія своему ключнику и еще кому-шо, вѣроятно одному изъ посланныхъ за нимъ опъ Сошника.

» Благодари пана за крупу и яйца«, говорилъ Рекшоръ: » и скажи, что какъ только будешь готовы шѣ книги, о кошорыхъ онъ пишетъ, то я шощасъ пришло. Я опдалъ ихъ уже переписывать писцу. Да не забудь, мой голубе! прибавишь пану,

что на хушорѣ у нихъ, я знаю, водилъ хорошая рыба и особенно осеприна, то при случаѣ прислалъ бы: здѣсь на базарахъ и нехороша и дорога. А ты, Явшугъ, дай молодцамъ по чаркѣ горѣлки. Да Философа привязашь, а не то какъ разъ удерешъ. «

» Вишь, чоршовъ сынъ! « подумалъ про себя Философъ: » пронохалъ, длинноногій вьюнъ! «

Онъ сошелъ внизъ и увидѣлъ кибичку, кошорую принялъ было сначала за хлѣбный овинъ на колесахъ. Въ самомъ дѣлѣ она была также глубока, какъ печь, въ кошорой обжигаютъ кирпичи. Это былъ обыкновенный Краковскій экипажъ, въ какомъ жида полсошною опирающаея вмѣстѣ съ поварами во все города, гдѣ только слышишь ихъ носъ ярмарку. Его ожидало человекъ шесть здоровыхъ и крѣпкихъ казакъ, уже нѣсколько пожилыхъ. Свишки изъ тонкаго сукна съ кнешами показывали, что они принадлежали довольно значительному и богатому владѣльцу. Небольше рубль говорили, что они

бывали когда-то на войнѣ не безъ славы.

» Чшо жь дѣлашь? Чему бышь, шому не миновашь! « подумаль про себя Философъ и обратившись къ казакамъ, произнесъ громко: »Здравешвуйше, брашья-шова-рищи! «

» Будь здоровъ, панъ Философъ! « оп-вѣчали нѣкоторые изъ казаковъ.

» Такъ вошь это миѣ приходилеся сидѣть вмѣстѣ съ вами? А брика знашная! « продолжалъ онъ, влѣзая. » Тушь бы, шолько наняшь музыканшовъ, шо и шанцовашь можно. «

» Да: соразмѣрный экшнажь! « сказалъ одинъ изъ казаковъ, садясь на облучекъ самъ-другъ съ кучеромъ, завязавшимъ голову шрапцею, вмѣсто шапки, кошорую онъ усебѣ оставилъ въ шинкѣ. Другіе пяшь вмѣстѣ съ Философомъ полѣзли въ углубленіе и расположились на мѣшкахъ, наполненныхъ разною закулкою, сдѣланною въ городѣ.

» Любопышно бы знашь, « сказалъ Философъ: » если бы, примѣромъ, эту брику

нагрузишь какимънибудь поваромъ, по-
жимъ: солью, или желѣзными клинами,
сколько пошребовалось бы тогда коней?»

» Да, « сказалъ, помолчавъ, сидѣвшій
на облучкѣ казакъ: »доспашочное бы число
пошребовалось коней.« Послѣ такого удо-
влєворительнаго отвѣта казакъ почи-
палъ себя вправѣ молчать во всю дорогу.

Философу чрезвычайно хошѣлось узнать
обстояшєльнѣе: кто таковъ былъ эшошъ
Сошникъ, каковъ его нравъ, что слышно
о его дочкѣ, кошорая шакимъ необыкно-
веннымъ образомъ возвратилась домой и
находилась при смерти, и кошорой нешо-
рїя связалась теперь съ его собственною,
какъ у нихъ и что дѣлается въ домѣ?

Онъ обращался къ нимъ съ вопросами; но
казаки вѣрно были шоже Философы, по-
шому что въ отвѣтъ на эшо молчали и
курили люльки, лежа на мѣшкахъ. Одинъ
шолько изъ нихъ обратился къ сидѣвшему
на козлахъ возницѣ съ корошенъкимъ при-
казанїемъ: »Смошри, Оверко, ты старый
розиня; какъ будешь подъѣзжаешь къ шин-
ку, что на Чухрайловской дорогѣ, то не

позабудь осшановишься и разбудишь меня и другихъ молодцовъ, если кому случишься заснуть. « Послѣ этого онъ заснулъ довольно громко. Впрочемъ эти насшавленія были совершенно напрасны, пошому что едва шолько приблизилась исполнская брика къ шинку на Чухрайловской дорогѣ, какъ всѣ въ одинъ голосъ закричали: » сшой! « Пришомъ лошади Оверка были шакъ уже приучены, что осшанавливались сами передъ каждымъ шинкомъ. Не смонря на жаркій Юльскій день, всѣ вышли изъ брики, опшравились въ низенькую запачканную комнашу, гдѣ жидъ-корчмарь, съ знаками радости, бросился приимашь своихъ старыхъ знакомыхъ. Жидъ принесъ подъ полою нѣсколько колбасъ изъ свинины и, положивши на столъ, пошчасъ ошворошился отъ этого запрещеннаго Талмудомъ плода. Всѣ усьлились вокругъ ешоло. Глиняныя кружки показали предъ каждымъ изъ госшей. Философъ Хома долженъ былъ учасшвовашь въ общей пирушкѣ. И шакъ какъ Малороссіяне, когда подгуляють, непременно начнушь дѣло-

вашься, или плакашь, шо скоро вся изба наполнилась лобызаніями. »А ну, Спиридь, почеломкаемся! Иди сюда, Дорошь, я обниму тебя! «

Одинъ казакъ, бывшій посварѣе всѣхъ другихъ, съ сѣдыми усами, подспавивши руку подъ щеку, началъ рыдать ошъ души, о томъ, что у него нѣшь ни опца, ни машери и что онъ осмалея однимъ однимъ на свѣшь. Другой былъ большой резонеръ и безпрещанно ушѣшаль, говоря: »не плачь, ей Богу, не плачь! что жъ шушь... ужъ Богъ знаешъ какъ и что шакое.« Одинъ, по имени Дорошь, сѣдлалея чрезвычайно любопышенъ и оборощившикъ къ Философу Хомъ, безпрещанно спрашиваль его: »Я хошѣлъ бы знашь, чему у васъ въ Бурѣи учашь: шому ли самому, что и Дьякъ чишасшь въ церквѣ, или чему другому? «

» Не спрашивай! « говорилъ прощяжно резонеръ: » пущь его шамъ будешъ, какъ было. Богъ уже знаешъ, какъ нужно; Богъ все знаешъ. «

«Нѣшь, я хочу знашь,» говорить Дорощь: «чно памь написано въ пѣхъ книжкахъ. Можешь бышь советьмь другое, чѣмь у Дьяка.»

«О Боже мой, Боже мой!» говорить эшошь почщенный наспавникъ: «и на что шакое говоришь? Такь уже воля Божія положила. Уже что Богь удаль, шого не можно перемѣнишь.»

«Я хочу знашь все, что ни написано! Я пойду въ Бурсу, ей Богу, пойду! Чшо шы думаешь, я не выучусь? — Всему выучусь, всему!»

«О Боже жь мой, Боже мой!» говорить ушѣшишель и спусшилъ свою голову на ешоль, пошому чшо совершенно былъ не въ силахъ держашь ее долбе на плечахъ. Прочіе казаки шолковали напахъ шомь, ошь чего на небѣ свѣшишь мѣсяць.

Философъ Хома, увидя шакое расположеніе головъ, рѣшилъ воспользовашься и улизнушь. Онъ сначала обратился къ едволасому казаку, грусшившему обь онцѣ и машери: «Чшо жь шы, дядько, распла-

кался? «сказаль онъ:» я самъ сирота! Опустите меня, ребята, на волю! На что я вамъ?»

«Пустимъ его на волю!» опозвались нѣкошорые. «Вѣдь онъ сирота. Пусть себѣ идетъ, куда хочешь.»

«О Боже жъ мой, Боже мой!» произнесъ ушѣшишель, поднявъ свою голову. «Опустите его! Пусть идетъ себѣ!»

И казаки уже хотѣли сами вывести его въ чистое поле, но шонъ, кошорый показаль свое любопытство, осшановиль ихъ, сказавши: «Не прогайте; я хочу съ нимъ поговорить о Бурсѣ; я самъ пойду въ Бурсу...» Впрочемъ врядъ ли бы эшошь побѣгъ могъ совершиться, пошому что когда Философъ вздумаль подняться изъ за шюла, шо ноги его едѣлались какъ будшо деревянными и дверей въ комнашъ начало предшавляться ему шакое множество, что врядъ ли бы онъ ошыскаль нашоющую.

Только ввечеру вся эша компания вспомниа, что нужно опправляться далѣе въ дорогу. Возосшившись въ брику, они

попянулись, погоня лошадей и нагъвая
 шбеню, кошорой слова и смыслъ врядъ ли
 бы кто разобралъ. Проколесивши боль-
 шую половину ночи, безпрестанно сбива-
 ясь съ дороги, выученной наизусть, они
 наконецъ опустились съ крушой горы въ
 долину и Философъ замѣшилъ по споро-
 намъ шянувшійся чашепоколъ или плетень
 съ низенькими деревьями и выказывавши-
 мися изъ за нихъ крышами. Это было
 большое селеніе, принадлежавшее Сошни-
 ку. Уже было далеко за полночь; небеса
 были шемны и маленькіе звѣздочки мель-
 кали кое-гдѣ. Ни въ одной хатѣ невидно
 было огня. Они взѣхали, въ сопровож-
 деніи собачьяго лая, на дворъ. Съ обѣихъ
 спороновъ были замѣшны крышы соломоу
 сарай и домики. Одинъ изъ нихъ, нахо-
 дившійся какъ разъ по серединѣ прошивъ
 ворощъ, былъ болѣе другихъ и служилъ,
 какъ казалось, пребываніемъ Сошника.
 Брига осшановилась передъ небольшимъ
 подобіемъ сарая и пушешественники наши
 опправились спать. Философъ хошѣлъ
 однако же нѣсколько обемошрѣшь снаружи

панскіе хоромы; но какъ онъ ни палилъ свои глаза, ни что не могло означиться въ ясномъ видѣ: вмѣсто дома предешавлялся ему медвѣдь; изъ трубы дѣлался Рекшоръ. Философъ махнулъ рукою и пошелъ спать.

Когда проснулся Философъ, то весь домъ былъ въ движеніи: въ ночь умерла панночка. Слуги бѣгали въ попохахъ взадъ и впередъ. Спарухи нѣкошорыя плакали. Толпа любопытныхъ глядѣла сквозь заборъ на панскій дворъ, какъ будто бы могла что нибудь увидѣшь. Философъ началъ на досугъ осматривать шѣмѣша, кошорые онъ не могъ разглядѣть ночью. Панскій домъ былъ низенькое небольшое строеніе, какіе обыкновенно строились въ сгарину въ Малороссіи. Онъ былъ покрытъ соломою. Маленькій, острый и высокій фронтонъ съ окошкомъ, похожимъ на подняшый къверху глазъ, былъ весь измалеванъ голубыми и желшыми цвѣсами и красными полумѣсяцами. Онъ былъ ушверженъ на дубовыхъ шолбикахъ, до половины круглыхъ, и снизу шесши-гранныхъ,

съ вычурною обшочкою вверху. Подъ эшимъ фронтономъ находилось небольшое крылечко со скамейками по обѣимъ сторонамъ. Съ боковъ дома были навѣсы на шакныхъ же шолбикахъ, индѣ вишнихъ. Высокая груша съ пирамидальною верхушкою и шрепещущими листьями зеленѣла передъ домомъ. Нѣсколько амбаровъ въ два ряда стояли среди двора, образуя родъ широкой улицы, ведшей къ дому. За амбарами, къ самымъ ворошамъ, стояли шреугольниками два погреба, одинъ напрошивъ другаго, крыши шакже соломою. Треугольная сѣна каждаго изъ нихъ была снабжена низенькою дверью и размалевана разными изображеніями. На одной изъ нихъ нарисованъ былъ сидящій на бочкѣ казакъ, державшій надъ головою кружку съ надписью: Все вышю. На другомъ фляшка сулей и по сторонамъ, для красшы, лошадь стоявшая вверху ногами, шрубка, бубны и надпись: Вино казацкая пошѣха. Изъ чердака одного изъ сараевъ выглядывалъ, сквозь огромное слуховое окно, барабанъ и мѣдные шрубы. У ворошъ стояли

двѣ пушки. Все показывало, что хозяинъ дома любилъ повеселиться и дворъ часто оглашали пиршественные клики. За воротами находились двѣ вѣтренныя мельницы. Позади дома шли сады и сквозь верхушки деревьевъ видны были одни только темныя шляпки трубъ, скрывавшихся въ зеленой гущѣ хашъ. Все селеніе помѣщалось на широкомъ и ровномъ уступѣ горы. Съ сѣверной стороны все заслоняла крутая гора и подошвою своею оканчивалась у самаго двора. При взглядѣ на нее снизу она казалась еще круче и на высокой верхушкѣ ея торчали кое-гдѣ неправильные сшибли пошатого бурьяна и чернѣли на свѣшломъ небѣ. Обнаженный глинистый видъ ея навѣвалъ какое-то уныніе. Она была вся изрыта дождевыми промоями и прощинами. На крутомъ косогорѣ ея въ двухъ мѣсяхъ торчали двѣ хашы; надъ одною изъ нихъ раскидывала вѣтви широкая яблоня, подпертая у корня небольшими колыями съ насыпшою землей. Яблочки, сбиваемые вѣтромъ, скапывались въ самый панскій дворъ. Съ вершины

вилась по всей горь дорога, и опустившись, шла мимо двора въ селенье. Когда Философъ измѣрилъ спрашную крушь ея и вспомнилъ вчерашнее пушешествіе, по рѣшилъ, что или у пана были слишкомъ умныя лошади, или у казаковъ слишкомъ крѣпкія головы, когда и въ хмѣльномъ чаду умѣли не полешѣшь вверхъ ногами вмѣстѣ съ неизмѣримою брикой и багажемъ. Философъ ешояль на высшемъ въ дворѣ мѣстѣ и когда оборотился и глянулъ въ прошивоположную епорону, ему представился совершенно другой видъ. Селеніе вмѣстѣ съ оплогосшью скапывалось на равнину. Необозримыя луга опкрывались на далекое просешранство; яркая зелень ихъ шемѣла по мѣрѣ опдаленія и цѣлыя ряды селеній синѣли вдали, хошь разешояніе ихъ было больше, нежели на двадцать верешъ. Съ правой епороны энихъ луговъ шянулись горы и чущь замѣшною вдали полосою горѣль и шемѣль Дибирь. » Эхъ, славное мѣсто! « сказала Философъ. » Вошь шущь бы жишь, ловишь рыбу въ Дибирь и въ прудахъ, охо-

лишь съ пенешами или съ ружьемъ за
Сиренешами и Крольшеншами. Впрочемъ,
я думаю, и дрозъ не мало въ этихъ лу-
гахъ. Фрукшовъ же можно засушить и
продать въ городъ множеству, или еще
лучше, выкуришь изъ нихъ водку; потому
что водка изъ фруктовъ ни съ какимъ
финикомъ не сравнится. Да не мѣшаешь
подумать и о томъ, какъ бы улизнуть
отсюда; ибо я и самъ не знаю еще чего,
только мнѣ кажется плохо будетъ здѣсь.
Почему же именно я долженъ чинить, а
не другой?... Онъ примѣшилъ за плечомъ
маленькую дорожку, совершенно закрытую
разросшимся бурьяномъ. Онъ поспавилъ
машинально на нее ногу, думая напередъ
только прогуляться, а потомъ тихо-
молкомъ, промежь ханами, всадилъ ша-
пунъ въ поле, какъ внезапно почувство-
валъ на своемъ плечѣ довольно крѣпкую
руку.

Позади его стоялъ пощъ самый ста-
рый казакъ, который вчера такъ горько
соболезновалъ о смерти отца и матери
и о своемъ одиночествѣ.

«Напрасно ты думаешь, пань Философъ, уленешнушь изъ хушора!» говорилъ онъ. «Тышь не шакое заведеніе, ричобы можно было убѣжашь. Да и дороги для пѣшехода плохи; а спущай лучше къ пану. Онъ ожидаетъ шебя давно въ свѣшлицѣ.»

«Пойдемъ! Что жь... Я съ удовольствіемъ», сказалъ Философъ и опсправилъ ся вслѣдъ за казакомъ.

Сосникъ, уже пресшарѣлый, съ съдыми усами и съ выраженіемъ мрачной грусти, сидѣлъ передъ шоломъ въ свѣшлицѣ, подперши обѣими руками голову. Ему было около 50 лѣтъ; но глубокое уныніе на лицѣ и какой-то блѣдно-шоцій цвѣтъ показывали, что душа его была убиша и разрушена вдругъ въ одну минушу и вся прежняя веселость и шумная жизнь исчезли на вѣки. Когда взошелъ Хома вмѣстѣ съ старымъ казакомъ, онъ опнялъ одну руку и слегка кивнулъ головою на низкій ихъ поклонъ. Хома и казакъ почшишельно остановились у дверей.

» Кшо ты, и ошкудова, и какого званія, добрый человекъ? « сказала Сошникыни ласково, ни сурово.

» Изъ бурсаковъ, Философъ Хома Брушь. «

» А кшо былъ швой отецъ? «

» Не знаю, вельможный панъ. «

» А мать швоя? «

» И машери не знаю. По здоровому разсужденію, конечно, была мать; но кшо она и ошкуда, и когда жила — ей Богу, добродію, не знаю. «

Сошникъ помолчалъ и, казалось, минушу ошавался въ задумчивости.

» Какъ же ты познакомился съ моею дочкою? «

» Не знакомился, вельможный панъ, ей Богу, не знакомился! Еще никакого дѣла съ панночками не имѣлъ, сколько ни живу на свѣшъ. Пурь имъ, чшобы не сказашь непришойнаго. «

» Ошъ чего же она не другому кому, а шебъ именно назначила чшашь? «

Философъ пожалъ плечами: » Богъ его знаешъ, какъ эшо расшолковашь. Извѣстное уже дѣло, чшо панамъ подь часъ захо-

чешся шакого, что и самый наиграмошнѣйшій человекъ не разберешъ; и пословица говоришъ: » Скачи враже, якъ панъ каже. «

» Да не врешь ли ты, панъ Философъ. «

» Вошь на эшомъ самомъ мѣшѣ пушь громомъ шакъ и хлопнешь, если лгу. «

» Если бы шолько минушочкой долге прожила ты, « грустно сказала Сошникъ: » шо вѣрно бы я узналъ все. Никому не давай чинашь по мнѣ, но пошли, шату, сей же часъ въ Кіевскую Семинарію и привези Бурсака Хому Бруша; пушь при ночи молишся по грѣшной душѣ моей. Онъ знаешъ.... А что шакое знаешъ, я уже не ушлышалъ. Она, голубонька, шолько и могла сказашь, и умерла. Ты, добрый человекъ, вѣрно извѣшенъ свяшою жизнью своею и богоугодными дѣлами и она, можешъ бышь, наслышалась о тебѣ. «

» Кто? я? « сказалъ Бурсакъ, ошешупивши ошъ изумленія: » я свяшой жизни? « произнесъ онъ, посмошрѣвъ прямо въ глаза Сошнику. » Богъ съ вами, панъ! Что вы эшо говорише! да я, хощь оно непришшойно

сказашь, ходилъ къ булочницѣ прошивъ
самого спрашнаго чешверга.»

» Ну... вѣрно уже недаромъ шакъ назна-
чено. Ты долженъ съ сего же дня начашь
свое дѣло.»

» Я бы сказала на это вашей милоспи...
оно, конечно, всякой человекъ, вразумлен-
ный Святому Писанію, можешь по сораз-
мѣрности... шолько сюда приличіе бы
пребовалось Дьякона, или по крайней мѣрѣ
Дьяка. Они народъ шолковый и знаютъ
какъ все это уже дѣлаешя; а я... Да у
меня и голосъ не шакой, и самъ я — чоршъ
знаешъ что. Никакого виду съ меня нѣтъ.»

» Ужъ какъ шы себѣ хочешъ, шолько я
все, что завѣщала мнѣ моя голубка, не-
полню, ничего не пожалѣя. И когда шы
съ сего дня при ночи совершишь, какъ слѣ-
дуешъ, надъ нею молишвы, шо я награжу
тебя; а не шо — и самому чоршу не со-
вѣшную разсердишь меня.»

Последнія слова произнесены были
Сошникомъ шакъ крѣпко, что Философъ
понялъ вполне ихъ значеніе.

» Сшупай за мною! « сказалъ онъ.

Они вышли въ сѣни. Сопникъ отворилъ дверь въ другую свѣтлицу, бывшую насупротивъ первой. Философъ османился на минушу въ сѣняхъ выморкавшись и съ какимъ-то безошченнымъ страхомъ переступилъ черезъ порогъ. Весь полъ былъ устланъ красною кишаикой. Въ углу, подъ образами, на високомъ сполѣ лежала нѣло умершей, на одѣялѣ изъ синяго бархаша, убранномъ золошою бахрамою и кишмями. Высокія восковыя свѣчи, увишья каліною, спояли въ ногахъ и въ головахъ, изливая свой мушныи, перьявшіи въ дневномъ сіяніи, свѣшъ. Лице умершей было заслонено ошъ него неушъшнымъ ошцемъ, кошорый сидѣлъ передъ нею обращенный спиною къ дверямъ. Философа поразили слова, кошорыя онъ услышалъ :

» Я не о шомъ жалю, моя наймилъбшя миѣ дочь, чшо ты во двѣшѣ лѣшъ своихъ, не доживъ положеннаго вѣка, на печаль и горешъ миѣ ошавила землю; я о шомъ жалю, моя голубонька, чшо не знаю шого, кшо былъ, люшый врагъ мой, причинюю швоей смерши. И если бы я

зналъ, что могъ подумашъ только оскорбишь себя, или хоть бы сказала чтонибудь неприятное о тебѣ, то, клянусь Богомъ, не увидѣлъ бы онъ больше своихъ дѣшей, если онъ также шаръ, какъ и я; ни своего ошца и машери, если только онъ еще на порѣлъшь и шѣло его было бы выброшено на съѣденіе птицамъ и звѣрямъ спешнымъ. Но горе мнѣ, моя полевая нагидочка, моя перепилчка, моя ясочка, что проживу я осальной вѣкъ свой безъ пошѣхи, уширая полою дробныя слезы, шекущія изъ шарыхъ очей моихъ, тогда какъ врагъ мой будешъ веселишься и внай-нѣ поемѣвашся надъ хилымъ шарцемъ... « Онъ осстановился, и причиною этого была разрывающая горешъ, разрѣшившаяся цѣлымъ пошопомъ слезъ.

Философъ осстановился, нѣсколько про-нушый такою безушѣшною печалію. Онъ закашлялъ и издалъ глухое крехшаніе, желая очнешить немного своей голосъ.

Сошникъ оборонился и указалъ ему мѣсто въ головахъ умершей, передъ небольшо-шимъ наосемъ, на коншоромъ лежали книги.

«Три ночи какъ нибудь опрабошаю,» подумаль Философъ: » за по паць набьешъ мнѣ оба кармана чистыми червонцами. « Онъ приблизился и принялся чищать. Глубокая тишина воцарилась. Онъ замѣнилъ, что Сонникъ вышелъ. Медленно поворотилъ онъ голову, чтобы взглянуть на умершую и...

Тренешь пробѣжалъ по его жиламъ: Передъ нимъ лежала красавица, какая когда либо бывала на землѣ. Казалось, никогда еще черны лица не были образованы въ такой рѣзкой и вмѣстѣ гармонической красотѣ. Она лежала какъ живая. Чело прекрасное, нѣжное какъ снѣгъ, какъ серебро, казалось мыслило; брови — ночь среди солнечнаго дня, тонкія, ровныя, горделиво приподнялись надъ закрытыми глазами, а рѣсницы, упавшія спрѣлами на щеки, казалось, пылавшія жаромъ тайныхъ желаній, а уша — свѣшлые рубины, гошове. усмѣхнувшись смѣхомъ блаженства, пошопомъ радости... Но въ нихъ же, въ щѣхъ же самыхъ чертахъ, онъ видѣлъ что-то спрашно-произвольное.

Онъ чувствовалъ, что душа его начинала какъ-то болѣзненно ныть, какъ будто бы вдругъ среди вихря веселья и закружившейся толпы зацѣль ктонибудь пѣсню похоронную. Рубины ушъ ея, казалось, прикипали кровью къ самому сердцу. » Эшона самая вѣдьма, кошорую я прибилъ! « вскрикнулъ онъ взглядыишь въ ужасъ. Въ самомъ дѣлѣ въ лицѣ ея выразилась ша же мина, кошорая шакъ поразила его, когда онъ, вмѣшо шарухи, увидѣлъ молодую. » А! шакъ вошь почему она заснавила чишашъ меня! « Онъ въ ужасѣ глядѣлъ на нее: каждая черша лица ея шенерь казалась ему громовою и угрожающею. Холодной пошь покашился съ лица его.

Когда солнце сшало садишься, мершвую понесли въ церковь. Философъ долженъ былъ плечемъ своимъ поддерживашъ черный шраурный гробъ и чувствовалъ на плечъ своемъ что-шо холодное какъ ледъ. Сошникъ самъ шель впереди, несъ рукою правую шпорону шѣнаго дома умершей. Церковь деревянная, почерившая, убранныя зеле-

нымъ мохомъ, съ шрема конусообразными банями, уныло стояла почти на краю села. Замѣтно было, что въ ней давно уже не опиравалось никакого служенія. Свѣчи были зажжены почти передъ каждымъ образомъ. Гробъ поставили по срединѣ прошивъ самого алшаря. Старый Сошникъ поцѣловалъ еще разъ умершую, повергнулся ницъ и вышелъ вмѣстѣ съ носильниками воиъ, давъ повелѣніе хоршенько накормить Философа и послѣ ужина проводить его въ церковь. Пришедши въ кухню, всѣ несшіе гробъ начали прикладывать руки къ печкѣ, что обыкновенно дѣлають Малороссіяне увидѣвши мершвеца.

Голодь, кошорый въ это время началъ чувешвовашъ Философъ, заславилъ его на нѣсколько минуць позабышь вовсе объ умершей. Скоро вся дворня мало по малу начала сходиться въ кухню. Кухня въ Сошниковомъ домѣ была что-то похожее на клубъ, куда стекалось все, что ни обшало во дворѣ, считая въ это число и собакъ, приходившихъ съ манушими хво-

ешами къ самымъ дверямъ за косыми и помями. Куда бы кто ни былъ посылаемъ, и по какой бы що ни было надобности, онъ всегда прежде заходилъ на кухню, чюобы опдохнуть хоть минушу на лавкѣ и выкуришь лодьку. Всѣ холоспяки, жившіе въ домѣ, щеголявшіе въ казацкихъ свинскахъ, лежали здѣсь почти цѣлый день на лавкѣ, подъ лавкою, на печкѣ, однимъ словомъ гдѣ только можно было сыскашь удобное мѣсто для лежанья. Пришомъ всякой вѣчно позабываль въ кухни или шапку, или кнушь для чужихъ собакъ, или что нибудь подобное. Но самое многочисленное собраніе бывало во время ужина, когда приходилъ и шабунщикъ, усѣвшій загнашь своихъ лошадей въ загонъ, и погонщикъ, приводившій коровъ для дойки, и всѣ шѣ, кошорыхъ въ шеченіе дня нельзя было увидѣшь. За ужиномъ болшовня овладѣвала самыми неговорливыми языками. Тушь обыкновенно говорилось обо всемъ, и о шомъ, кто пошилъ себѣ новые шаровары, и что находишея вниупри земли, и кто видѣлъ водка. Тушь было множе-

ешво боимощисшовъ, въ кошорыхъ между Малороссеянами нѣшь недосашка.

Философъ усѣлся вмѣстѣ съ другими въ обширный кружокъ на вольномъ воздухѣ передъ порогомъ кухни. Скоро баба въ красномъ очинкѣ высунулась изъ дверей, держа въ обѣихъ рукахъ горячій горшокъ съ галушками и поставила его по среди гошовившихся ужинашь. Каждый вынулъ изъ кармана своего деревянную ложку, иные, за неимѣніемъ, деревянную спичку. Какъ шолько уша снали двигашься немного медленнѣе и волчій голодь всего эшого собранія немного упишился, многие начали заговаривашь. Разговоръ, нашурально, долженъ былъ обрашиться къ умершей.

«Правда ли,» сказалъ одинъ молодой овчаръ, кошорый насадилъ на свою кожаную перевязь для люльки шолько пуговиць и мѣдныхъ бляхъ, что былъ похожь на лавку мелкой шорговки, » правда ли, что панночка, не шѣмъ будь помянуша, зналась съ нечиспымъ? «

«Что? панночка?» сказалъ Дорошъ, уже знакомый прежде нашему Философу, » да

она была цѣлая вѣдьма! Я присягну, что вѣдьма!»

«Полно, полно, Дорошъ!» — сказалъ другой, кошорый во время дороги изъяслялъ большую готовность ушъшать. «Эшо не наше дѣло; Богъ съ нимъ! Нѣчего объ эшомъ шолковашъ.»

Но Дорошъ вовсе не былъ расположенъ молчашъ. Онъ шолько что передъ шѣмъ сходилъ въ погребъ вмѣстѣ съ ключникомъ по какому-шо нужному дѣлу и наклонившисъ раза два къ двумъ или шремъ бочкамъ, вышелъ опшуда чрезвычайно веселый и говорилъ безъ умолку.

«Что шы хочешъ? Чтобы я молчалъ?» — сказалъ онъ.

«Да она на мнѣ самомъ ѣздила! Ей Богу, ѣздила!»

«А что, дядько,» — сказалъ молодой ошчаръ съ пуговицами: «можно ли узнашъ по какимъ нибудъ примѣнамъ вѣдьму?»

«Нельзя», — ошвѣчала Дорошъ. «Никакъ не узнаешъ; хошъ все неалширы перечешиай, шо не узнаешъ.»

«Можно, можно, Дорошъ.» — Не говори эшого, произнесъ прежній ушъшисель.

«Уже Богъ не даромъ далъ всякому особый

обычай. Люди знающіе науку говорятъ, что у вѣдьмы ешь маленькій хвостикъ. «
«У!» Когда спара баба, шо и вѣдьма», ска-
заль «хладнокровно съдой казакъ.
«О, ужь хороши и вы!» подхватила
баба, кошорая подливала въ шо время свѣ-
жихъ галушекъ въ очиснившійся горшекъ,
«настоящіе полешые кабаны.»
Старый казакъ, а кошорого имя было
Явнухъ, а прозваніе Ковшунъ, выразилъ
на губахъ своихъ улыбку удовольствія,
замѣшивъ, что слова его задѣли за живое
спаруху; а погонщикъ скошины пустиль
накой густой смѣхъ, какъ будто бы два
быка, ставши одинъ противъ другого,
замычали разомъ.
Начавшійся разговоръ возбудилъ не-
преодолимое желаніе и любопытство Фи-
лософа узнать обещанельнѣе про умер-
шую Сошникову дочь. И пошому, желая
опять навесити его на прежнюю машерію,
обращился къ сосѣду своему съ такими
словами: «Яшхоньль, спросишь, почему
все это есловіе, что сидишь за ужиномъ,
счишаешь пачночку вѣдьмою? Что жь,

развѣ она кому нибудь причинила зло, или извела кого нибудь? «

» Было всякаго «, ошвѣчалъ одинъ изъ сидѣвшихъ, съ лицомъ гладкимъ, чрезвычайно похожимъ на лопашу.

» А кто не припомнишь царя Микишу, или того... «

» А что жъ такое царь Микиша? «
сказалъ Философъ.

» Спой! я разскажу про царя Микишу, «
сказалъ Дорошъ.

» Я разскажу про Микишу, « ошвѣчалъ шабунщикъ: « потому что онъ былъ мой кумь. «

» Я разскажу про Микишу «, сказалъ Спиридь.

» Пускай, пускай Спиридь разскажетъ! «
закричала толпа.

Спиридь началъ: « Ты, пань Философъ Хома, не зналъ Микишы: эхъ, какой рѣдкой былъ человекъ! Собаку каждую онъ бывало такъ знаетъ, какъ роднаго опца. Теперешній царь Микола, что сидитъ прешимъ за мною, и въ подмешки ему негодишься. Хотя онъ шже разумѣеть

свое дѣло, но онъ прошивъ него — дрянъ,
помои. «

» Ты хорошо рассказываешь, хорошо! «
сказаль Дорошъ, одобришельно кивнувъ
головою.

Спиридъ продолжалъ: » Зайца уви-
дишь скорѣе, чѣмъ шабакъ упрешь изъ
носу. Бывало свиснешъ: а ну, Разбой!
а ну, Быспрая! а самъ на коня во всю
прышь — и уже рассказашъ нельзя, кто
кого скорѣе сбгонишь: онъ ли собаку, или
собака его. Сивухи кваршу свиснешъ
вдругъ, какъ бы ни бывало. Славной былъ
царь! Только съ недавняго времени на-
чалъ онъ заглядывашься безпресшанно на
панночку. Вкляпался ли онъ шочно въ нее,
или уже она шакъ его околдовала, шолько
пропалъ человекъ, обабился совсѣмъ; сдѣ-
лался чоршъ знаешь что; поу! цепришой-
но сказашъ, «
» Хорошо «, сказаль Дорошъ.
» Какъ шолько панночка, бывало, взгля-
нешъ на него, шо и повода изъ рукъ пус-
каешъ, Разбоя зовешъ Бровкомъ, спощи-
каешся и ни веешъ что дѣлаешъ. Одинъ

разъ панночка пришла на конюшню, гдѣ онъ чистилъ коня. Дай, говоришь, Микишка, я положу на тебя свою ножку. А онъ дурень и радъ шому: говоришь, что не только ножку, но и сама садись на меня. Панночка подняла свою ножку и какъ увидѣла онъ ея нагую, полную и бѣлую ножку, то, говоришь, чара шакъ и ошеломила его. Онъ, дурень, нагнуль спину и схвативши обѣими руками за нагія ея ножки, пошелъ скакашь, какъ конь, по всему полю, и куда Шони ѣздили, онъ ничего не могъ сказать; только ворошилъ едва живой, и съ той поры изсохнулъ весь, какъ щенка; и когда разъ пришли на конюшню, то вмѣсто его лежала только куча зомы, и дынушее ведро: сторѣль совсѣмъ; сторѣль самъ собою. А шакъ былъ царь, какого на всемъ свѣшѣ невозможно найши. звонъ

Когда Спиридъ окончилъ разсказъ свой, со всѣхъ сторонъ пошли шожки доשותинешвахъ бывшаго царя. звонъ

» А про Шелчиху слышалъ? сказала Дорошь, обращаясь къ Хомѣ.

Нѣтъ, жекъ, слышхъ нѣтъ. звонъ

«Эге, те, те! Такъ у васъ, въ Буревъ, видно не слишкомъ большому разуму участь. Ну, слушай: у насъ ешь на селѣ казакъ Шепшунь. Хорошій казакъ! Онъ любитъ иногда укрась и соврашь безъ всякой нужды. Но... хорошій казакъ. Его хана не такъ далеко ошеюда. Въ шакую самую пору, какъ мы шеперь съли вечеряшь, Шепшунь съ жинкою, окончивши вечерю, легли спашь и шакъ какъ время было хорошее, шо Шепчиха легла на дворъ, а Шепшунь въ хашъ на лавкѣ; или ивъшь: Шепчиха въ хашъ на лавкѣ, а Шепшунь на дворѣ...»

«И не на лавкѣ, а на полу легла Шепчиха», подхватила баба, сшоя у порога и подперши рукою щеку. «Важко это опрадка ат. Дорошъ поглядѣль на нее, пошомъ поглядѣль внизъ, пошомъ опяшь на нее и, немного помолчавъ, сказалъ: «Когда скину съ себя при всѣхъ исподницу, шо нехорошо будешь.» Эшо предосбереженіе имѣло свое дѣйствіе. Сшаруха замолчала и уже ни разу не перебила рѣчи. III оци А»

Дорошъ продолжалъ: «А овъ люлькѣ, висѣвшей среди хашы, лежало годовое

дишя — не знаю, мужескаго, или женскаго пола. Шепчиха лежала, а пошомъ слышишь, что за дверью скребешся собака и воешь шакъ, хошь изъ хашы бѣги. Она испугалась: ибо бабы шакой глупой народъ, что высунь ей подъ вечеръ изъ за дверей языкъ, шо и душа войдешъ въ пяшки. Однако жь думаешъ, дай-ка я ударю по мордѣ прокляшую собаку, авось-либо перешапешъ вышь — и взявши кочергу, вышла отворить дверь. Не успѣла она немного отворить, какъ собака кинулась промежь ногъ ея и прямо къ дѣшской люлькѣ. Шепчиха видишь, что эшо уже не собака, а панночка. Да пришомъ пускай бы уже панночка въ шакомъ видѣ, какъ она се знала — эшо бы еще ничего; но вошь вещь и обстоятельство: что она была вся синяя, а глаза горѣли, какъ уголь. Она схватила дишя, прокусила ему горло и начала пить изъ него кровь. Шепчиха только закричала: »охъ, Лишечко!« да изъ хашы. Только видишь, что въ сѣняхъ двери занершы. Она на чердакъ: сидишь и дрожишь глупая баба, а пошомъ видишь, что

панночка къ пей и дешъ и на чердакъ; кинулась на нее и начала глупую бабу кусать. Уже Шешунъ пошшуру вышанилъ опшуда свою жинку, вею искусанную и посибвшую. А на другой день и умерла глупая баба. Такъ вошь какіе ушроиешва и оболщенія биваютъ! Оно хошь и панекаго помешу, да все когда вѣдьма, шо вѣдьма.

Послѣ шакого разсказа Дорощъ, самодовольно омянулся и засунуль палець въ свою шрубку, пригешовляя ее къ набивкѣ шабакомъ. Машерія о вѣдьмѣ сдѣлалась нешечернаемою. Каждый въ свою очередь еиѣшилъ что нибудь разсказашъ. Къ шому вѣдьма въ видѣ скирды сѣна пріѣхала къ самымъ дверямъ хашы; у другаго украла шапку, или шрубку; у многихъ дѣвокъ на селѣ опрѣзала косу; у другихъ вышила по нѣсколку вѣдеръ крови.

Наконецъ вся компанія опомнилась и увидѣла, что заболшалась уже черезъ чуръ, пошому что уже на дворѣ была совершенная ночь. Всѣ начали разбродишъся по почлегамъ, находившимся или на кухнѣ, или въ сараяхъ, или среди двора.

» А ну, панъ Хома! теперь и намъ пора
 идти къ покойницѣ «, сказала съдой ка-
 закъ, обратившись къ Философу, и всѣ
 четверо, въ шомъ числѣ Спиридь и До-
 рошъ, отправились въ церковь, снесая
 кнушами собакъ, которыхъ на улицѣ было
 великое множество и кошорья со злоеши
 грызли ихъ палки. Философъ, не смѣря
 на шо, оячшо усилье подкрѣпиль себя
 доброю кружкою горѣлки, чувствовала
 вшайнѣ подешупавшую робость по мѣрѣ
 того, какъ они приближались къ освѣ-
 щенной церкви. Разсказы и странныя
 иешоріи, слышанныя имъ, помогали еще
 болѣе дѣйствовать его воображенію. Мракъ
 подъ шыномъ и деревьями начиналъ рѣ-
 дѣть; мѣсто спановилось обнаженіемъ.
 Они вешупили наконецъ за вешую цер-
 ковную ограду въ небольшой дворикъ, за
 которымъ не было ни дерева и открыва-
 валось одно пустое поле, да поглощенные
 почнымъ мракомъ дуга. Три казака взо-
 шли вмѣстѣ съ Хомою по крушой лѣст-
 ницѣ на крыльцо и вешупили въ церковь.
 Здѣсь они оставили Философа, пожелавъ

ему благополучно опсправить свою обязанность, и заперли за нимъ дверь, по приказанію пана.

Философъ осшался одинъ. Сначала онъ зъвнулъ, пошомъ пошянулъ, пошомъ фукнулъ въ обѣ руки и наконецъ уже обсмопрѣлся. По срединѣ шоялъ черный гробъ. Свѣчи шеплились предъ шемными образами. Свѣшь онъ ихъ освѣщаль шолько иконошася и слегка середину церкви. Ошдаленные углы припшера были закушаны мракомъ. Высокій шаринный иконошася уже показываль глубокую вешхосю; сквозная рѣзба его, покрывая золошомъ, еще блешѣла однимъ шолько искрами. Позодоша въ одномъ мѣшѣ опала, въ другомъ вовсе почернѣла; лики Свяшыхъ, совершенно пошемѣвшія, глядѣли какъ - шо мрачно. Философъ еще разъ обсмопрѣлся. » Чшо жъ, « сказалъ онъ: » чего шущь бо- яшся? Человѣкъ придши сюда не можешъ, а онъ мершведовъ и выходцевъ изъ шого свѣша ешь у меня молишвы, шакія, чшо какъ прочишаю, шо они меня и пальцемъ не шронушъ. Ничего! « повшорилъ онъ

махнувъ рукою: » будемъ чипашь. « Подходя къ крылосу, увидѣль онъ нѣсколько связокъ свѣчей. » Эшо хорошо, « подумаль Философъ: » нужно освѣшишь всю церковь, шакъ, чшобы видно было, какъ днемъ. Эхъ жаль, чшо во храмъ Божиємъ не можно люльки выкуришь! « И онъ приняель прильцивашь восковыя свѣчи ко всеъмъ карнизамъ, наоямъ и образамъ, не жалѣя ихъ ни мало, и скоро вся церковь наполнилась свѣшомъ. Вверху шолько мракъ сдѣлался какъ будшо сильнѣе и мрачныя образа глядѣли угрюмѣй изъ шаринныхъ рѣзныхъ рамъ, кое-гдѣ сверкавшихъ позолотой. Онъ подошелъ ко гробу, съ робостию посмошрѣль въ лице умершей и не могъ не зажмуришь, нѣсколько вздрогнувши, своихъ глазъ:

Такая спрашная, сверкающая красота!

Онъ ошворошился и хотѣль ошойши; но по спрашному любонышешву, по спрашному поперечивающему себѣ чувешву, неосшавляющему человѣка, особенно во время спраша, онъ не ушерпѣль, уходя, взглянуть на нее и пошомъ, ошущивши шопъ же

пренешъ, взглянулъ еще разъ. Въ самомъ дѣлѣ, рѣзкая красоша усонщей казалась страшною. Можешь бышь даже она не поразила бы такимъ паническимъ ужасомъ, если бы была нѣсколько безобразнѣе. Но въ ея чертахъ ничего не было шусклаго, мушнаго, умершаго. Оно было живо, и Философу казалось, какъ будто бы она глядитъ на него закрытыми глазами. Ему даже показалось, какъ будто изъ подъ рѣсеницы праваго глаза ея покашилась слеза, и когда она осшановилась на щекъ, шо онъ различилъ ясно, что это была капля крови.

Онъ поспѣшно ошешель къ крылосу, развернулъ книгу и, чтобы болѣе ободришь себя, началъ чишашь самымъ громкимъ голосомъ. Голосъ его поразили церковныя деревянныя сѣбны, давно мѣлчаливыя и оглохлыя. Одинокое, безъ эха, сышался онъ гусшимъ басомъ въ совершенно мершвой шиниѣ и казался нѣсколько дикимъ даже самому чшецу. » Чего боишься? « думалъ онъ между шѣмъ самъ про себя. » Вѣдь она не всшанешъ изъ своего гроба, пошому что побоишья Божьяго слова.

Нуешь лежишь! Да и что я за казакъ, когда бы успрашился? Ну, выпилъ лишнее — онъ того и показываешься спрашно. А понюхашь шабаку: эхъ, доброй шабакъ! Славный шабакъ! Хорошій шабакъ! «Однако же, перелисывая каждую спраицу, онъ поемашириваль изкоса на гробъ и невольное чувешво, казалось, шепшало ему: вошь, вошь вешанешъ! вошь поднимаешся, вошь выглянешъ изъ гроба!

Но шишина была мершвая. Гробъ ешодяль неподвижно. Свѣчи лили цѣлый пошопъ свѣша. Спрашна освѣщенная церковь ночью, съ мершвымъ шѣломъ и безъ души людей!

Возвыся голосъ, онъ началъ пѣшь на разные голоса, желая заглушишь оспашки боязни. Но чрезъ каждую минуту обращаль глаза свои на гробъ, какъ будто бы задавая невольный вопросъ: »Что, если подымешся, если вешанешъ она?

Но гробъ не шелохнулся. Хошь бы какойнибудь звукъ, какоенибудь живое существо, даже сверчекъ ошозвался въ углу. Чувшь только слышался легкій шрескъ

какойнибудь опдаленной свѣчки, или сла-
бый, слегка хлопнувший, звукъ восковой
канли, падавшей на полъ. «Ну, если по-
дымешся? . . .»

Она приподняла голову. . . .

Онъ дико взглянулъ и прощеръ глаза.
Но она точно уже не лежишь, а сидишь
въ своемъ гробѣ. Онъ ошвелъ глаза свои
и топяшьсь ужасомъ обратился на гробъ.
Она вешала. . . . идешь по церкви съ за-
крытыми глазами, безпресшанно распра-
вляя руки, какъ бы желая поймать кого
нибудь.

Она идешь прямо къ нему. Въ спрахѣ
очершилъ онъ около себя кругъ. Съ уси-
ліемъ началъ чинашъ молишвы и произно-
сишь заклинанія, кошорымъ научиль его
одинъ монахъ, видѣвшій всю жизнь свою
вѣдьмъ и нечистыхъ духовъ.

Она спшала почти на самой чертѣ; но
видно было, что не имѣла силъ переспу-
пишь ее, и вся посинѣла, какъ человекъ,
уже нѣсколько дней умершій. Хома не
имѣлъ духа взглянушь на ее. Она была
спрацна. Она ударила зубами въ зубы и

открыла мертвые глаза свои. Но не видя ничего, съ бѣшенствомъ — что выразило ее задрожавшее лице — обратилась въ другую сторону и, распростерши руки, обхватывала ими каждый столпъ и уголъ. Наконецъ османовилась, погрозивъ пальцемъ и легла въ свой гробъ.

Философъ все еще не могъ придти въ себя и со страхомъ поглядывалъ на это лишенное жилище вѣдьмы. Наконецъ гробъ вдругъ сорвался съ своего мѣста и со свистомъ началъ лешать по всей церкви, крестя во всѣхъ направленіяхъ воздухъ. Философъ видѣлъ его почти надъ головою, но вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ, что онъ не могъ зацѣпить круга, имъ начерченнаго, и усилить свои заклинанія. Гробъ грянулся на серединѣ церкви и оселъ неподвижнымъ. Трупъ опять поднялся синій, позеленѣвшій. Мертвые губы, казалось, что-то произносили и шевелились. Трупъ глухо топнулъ своею мягкою, почти безъ костей, ногою о полъ — и церковь вздрогнула. Онъ услышалъ, какъ будто что-то налегло на нее и сквозь стекла оконъ на-

чали показываться какіе-то безобразные образы. Но въ это время послышался ошдаденный крикъ пѣшуха. Трунъ упалъ въ гробъ.

Сердце у Философа билось и поше кашился градомъ; но ободренный пѣшущимъ крикомъ, онъ дочишывалъ быспрѣе листы, кошорые долженъ былъ прочесть прежде. При первой зарѣ пришли емънишь его: дьячекъ и съдой Явшухъ, кошорый на тошеъ разъ опсправляеть должностъ церковнаго старосшы.

Пришедши на ошдаденный почлегеъ, Философъ долго не могъ заснуть, но ушалоеть одолѣла и онъ проспалъ до обѣда. Когда онъ проснулся, все ночное собышіе казалось ему происходившимъ во снѣ. Ему дали для подкрѣпленія силъ кваршу горѣлки. За обѣдомъ онъ скоро развязался, приевокупилъ кое къ чему замѣчанія и съѣлъ почти одинъ довольно стараго поросенка; но однако же о своемъ собышіи въ церкви онъ не рѣшался говорить по какому-то безошчешному для него самаго чувсшву, и на вопросы любопытныхъ ош-

вѣчалъ: »да, были всякія чудеса.« Философъ былъ однимъ изъ числа шѣхъ людей, кошорыхъ если накормяшь, шо у нихъ пробуждается необыкновенная филантропія. Онъ, лежа съ своей шрубкой въ зубахъ, глядѣль на всѣхъ необыкновенно сладкими глазами и непрерывно поплеывалъ въ сторону.

Послѣ обѣда Философъ былъ совершенно въ духѣ. Онъ успѣль обойтишь все селеніе, перезнакомишья почти со всѣми; изъ двухъ хашъ его даже выгнали; одна смазливая молодка хватила его порядочно лопашой по синиѣ, когда онъ вздумалъ было пошунать и полюбопытшешвовашъ изъ какой матеріи у нее была сорочка и плахта. Но чѣмъ болѣе время близилось къ вечеру, шѣмъ болѣе становилея Философъ задумчивѣе и пасмурнѣе. За часъ до ужина вся почти дворня собиралась играть въ кашу, или въ крагли, родъ кеглей, гдѣ вмѣсто шаровъ употребляюшея длинныя палки, и выигравшій имѣль право проѣзжашься на другомъ верхомъ. Эша игра становилась очень интересною для зри-

пелей: часно погонщикъ, широкій какъ блинъ, взлѣзалъ верхомъ на свинаго пасуха, щедрунаго, низенькаго, всего сошоявшаго изъ морщинъ. Въ другой разъ погонщикъ подешавлялъ свою спину и Дорошъ, векочивши на нее, всегда говорилъ: »экой здоровой быкъ!« У порога кухни сидѣли щѣ, кошорые были посолднѣе. Они глядѣли чрезвычайно сурьезно, курия люльки, даже и тогда, когда молодежь ошь души смѣялаеь какому нибудь остроуму слову погонщика, или Спирида. Хома напрасно спаралея вмѣшашься въ эшу игру: какая-то шемная мысль какъ гвоздь сидѣла въ его головѣ. За вечерей сколько ни спаралея онъ развеселишь себя, но спрахъ загоралея въ немъ вмѣшѣ съ шмою, распросширавшеюся по небу.

»А ну, пора намъ, панъ Бурсакъ!« сказаъ ему знакомый съдой казакъ, подымаеь съ мѣсна вмѣшѣ съ Дорошемъ, »пойдемъ на рабошу.« Хому опяшь шакимъ же самымъ образомъ ошвели въ церковь; опяшь ошавили его одного и заперли за нимъ дверь. Какъ шолько онъ ошалея одинъ,

робость начала видѣться снова въ его грудь. Онъ опять увидѣлъ шемные образа, блестящія рамы и знакомый черный гробъ, стоявшій въ угрожающей тишинѣ и неподвижности среди церкви.

» Что жъ, « произнесъ онъ: » шеперь вѣдь мнѣ не въ диковинку это диво. Оно съ перваго раза шолько спрашно. Да! оно шолько съ перваго раза немного спрашно, а шамъ оно уже не спрашно; оно уже совсѣмъ не спрашно. «

Онъ посиѣшню сшалъ на крылось, очерпилъ около себя кругъ, произнесъ нѣсколько заклинаній и началъ чинать громко, рѣшаясь не подымать съ книги своихъ глазъ и не обращать вниманія ни на что. Уже около часа чиналъ онъ и начиналъ нѣсколько ушавать и покашливать. Онъ вынулъ изъ кармана рожокъ и прежде, нежели поднесъ его къ носу, робко повелъ глазами на гробъ. Сердце его захолонуло:

Трупъ уже стоялъ передъ нимъ на самой чершѣ и вперилъ на него мершвые, позеленѣвшіе глаза. Бурсакъ содрогнулся и холодъ чувшвишельно пробѣжалъ

по вѣзмъ его жиламъ. Онъ, пошунивъ голову, продолжалъ заклинанія и слышалъ, какъ прупъ оняшь ударилъ зубами и началъ махаль рукой, желая схватишь его. Возведши робкій взглядъ на него, онъ замѣшилъ, что онъ ловилъ совершенно не шамъ, гдѣ онъ споялъ и что прупъ не могъ его видѣшь. Неуспѣхъ, казалось, приводилъ меривую въ бѣшенство. Она хлопнула зубами и, спавши на еередину, оняшь погнула своею ногой. Эшошь стукъ раздался совершенно беззвучно; уха ея искривилась и, казалось, произносили какіе-то невнятные слова. И Философъ услышалъ, что стѣны церкви какъ будто запыли. Спранный ропотъ и произишельный визгъ раздался надъ глухими сводами; въ стѣнахъ оконъ слышалось какое-то ошвращительное царапанье и вдругъ еквозь окна и двери посыпалось съ шумомъ множество гномовъ, въ шакихъ чудовищныхъ образахъ, въ какихъ еще не предсавлялось ему ничшо, даже во снѣ. Онъ увидѣлъ вдругъ шакое множество ошвращительныхъ крыль, ногъ и членовъ, какихъ

не въ силахъ бы быль разобрать обхва-
 ченный ужасомъ наблюдашель! Выше всѣхъ
 возвышалось странное существо въ видѣ
 правильной пирамиды, покрывше слязью.
 вмѣсто ногъ у него были внизу съ одной
 стороны половина челюсти, съ другой дру-
 гая; вверху, на самой верхушкѣ этой пира-
 миды высовывался безпрестанно длинный
 языкъ и непрерывно ломался на всѣ сторо-
 ны. На противоположномъ крылосѣ усьлось
 бѣлое, широкое, съ какими-то опвисшими
 до полу бѣлыми мѣшками, вмѣсто ногъ;
 вмѣсто рукъ, ушей, глазъ висѣли какіе же
 бѣлые мѣшки. Немного далье возвышалось
 какое-то черное, все покрывшее чешуею,
 со множествомъ тонкихъ рукъ, сложен-
 ныхъ на груди, а во вмѣсто головы вверху
 у него была синяя человѣческая рука.
 Огромный, величиною почти съ слона,
 шараканъ оспановился у дверей и просу-
 нуль свои усы. Съ вершины самага купола
 со спускомъ грянулось на середину церкви
 какое-то черное, все состоявшее изъ од-
 нихъ ногъ; эти ноги бились по полу и
 выгибались, какъ будто бы чудовище же-

лало подняться. Одно какое-то красноватое, безъ рукъ, безъ ногъ, протягивало на далекое пространство два своихъ хобота и какъ будто искало кого-то. Множество другихъ, кошорыхъ уже не могъ различить испуганный глазъ, ходили, летали и ползали въ разныхъ направленіяхъ: одно состояло только изъ головы, другое изъ опврашишельнаго крыла, летавшаго съ какимъ-то несшершимымъ шипѣніемъ. Хома зажмурилъ глаза и не имѣлъ духу уже взглянуть. Онъ слышалъ только, что весь эшошъ сонмъ ищетъ его и прерывающимся голосомъ, собравъ все, что только зналъ, читалъ свои заклинанія. Шошъ ужаса вышунилъ на его лице. Ему казалось, что онъ умретъ отъ одного только страха, когда нога какого нибудь изъ эшихъ чудовищъ прикоснется до него опврашишельною своею наружностью. Уже онъ видѣлъ, какъ одно изъ чудовищъ протянуло свои длинныя хоботы и уже одинъ изъ нихъ проникнулъ за чершу... Боже... Но крикнулъ иъшухъ: все вдругъ поднялось и полетѣло сквозь двери и окна.

Вошедшіе смѣлишь Философа, нашли его едва жива. Онъ оперся спиною въ сѣнну выпуча глаза и глядѣль неподвижно на казаковъ. Его почши вывели и должны были поддерживать во всю дорогу. Пришедши на панскій дворъ, онъ вспряхнулея и велѣль себѣ подашь кваршу горѣлки. Выпивши ее, онъ пригладиль на головы своей волосы и сказалъ: »Много на свѣшѣ всякой дряни водится! А спрахи шакіе случаются — ну...« при эшомъ Философъ махнулъ рукою.

Собравшійся возлѣ него кружокъ пошупилъ голову, услышавъ шакія слова. Даже небольшой мальчишка, котораго вся дворня почшала въ правѣ уполномочивашь вмѣсно себя, когда дѣло шло къ шому, чшобы чшешшь конюшни или шаскашь воду, даже эшомъ бѣдный мальчишка шоже разкнулъ рошъ.

Въ эшо время проходила мимо еще не совсѣмъ пожилая бабенка въ плотно обшянушой зашаскѣ, выказывавшей ся круглый и крѣикій ешанъ, помощница старой кухарки, кокенка спрашная, которая всегда

находила что нибудь пришилишь къ своему очинку: или кусокъ ленпочки, или гвоздику, или даже бумажку, если не было чего нибудь другаго.

» Здравствуй, Хома! « сказала она, увидѣвъ Философа. » Ай, ай, ай! что это съ побою? « вскрикнула она, веселеснувъ руками.

» Какъ что, глупая баба? «

» Ахъ, Боже мой, да ты весь посеѣдѣлъ! «

» Эге, ге! Да она правду говоритъ! « произнесъ Спиридь, вемашриваясь въ него пристально. Ты точно посеѣдѣлъ, какъ нашъ шарый Явухъ. «

Философъ, услышавши это, побѣжалъ опромѣшью въ кухню, гдѣ онъ замѣнилъ прилѣпленный къ стѣнѣ, обшачканной мухами, шреугольный кусокъ зеркала, передъ кошорымъ были нашыканы незабудки, барвинки, и даже гирлянда изъ нагидокъ, показывавшіе назначеніе его для шуалеса щеголеватой кокешки. Онъ съ ужасомъ увидѣлъ иешину ихъ словъ: половина волосъ его точно посеѣдѣла.

Повѣсилъ голову Хома Брунъ и пре-
дался размышленію. » Пойду къ пану, «
сказалъ онъ наконецъ: » расскажу ему все
и объясню, что больше не хочу чинать.
Пусть он управляетъ меня сей же часъ въ
Кіевъ. « Въ такихъ мысляхъ направилъ
онъ путь свой къ крыльцу панскаго дома.
Сопникъ сидѣлъ почти неподвиженъ
въ своей свѣщницѣ; та же самая безна-
дежная печаль, какую онъ встрѣшилъ
прежде на его лицѣ, сохранялась въ немъ
и донынѣ. Щеки его опали только го-
раздо болѣе прежняго. Замѣтно было,
что онъ очень мало употребляетъ пищи,
или можетъ быть даже вовсе не касался
ее. Необыкновенная блѣдность придавала
ему какую-то каменную неподвижность.
» Здравствуй, Небоже! « произнесъ онъ,
увидѣвъ Хому оснамовившагося съ шапкою
въ рукахъ у дверей. » Что, какъ идешь
у тебя? Все благополучно? «
» Благополучно-то, благополучно. Такая
чершовщина водится, что прямо бери
шапку, да и улетишь куда ноги не-
суть. «

» Какъ шакъ? «

» Да ваша, панъ, дочка... По здравому разсужденію она, конечно, есть панскаго роду: въ шомъ нікто не спанешъ прекословить; шолько, не во гнѣвъ будь сказано, упокой Богъ ея душу... «

» Чшо же дочка? «

» Припусшила къ себѣ сашану. Такіе спрахи задаешъ, чшо никакое писаніе не учишываешся. «

» Читай, читай! Она не даромъ призвала тебя. Она забошилась, голубонька моя, о душѣ своей и хошѣла молишвами изгнать всякое дурное помышленіе. «

» Власшь ваша, панъ: ей Богу, не въ могошу! «

» Читай, читай! « продолжалъ шѣмъ же увѣщательнымъ голосомъ Сошникъ. » Тебѣ одна ночь шеперь осшалась. Ты сдѣлаешъ Христіанское дѣло и я награжу тебя. «

» Да какія бы ни были награды... Какъ ты себѣ хочь, панъ, а я не буду читашъ! « произнесъ Хома рѣшишельно.

» Слушай, Философъ! « сказалъ Сошникъ и голосъ его сдѣлался крѣпокъ и

грозенъ: » я не люблю энихъ выдумокъ.
Ты можешъ эшо дѣлашь въ вашей Буретъ,
а у меня не шакъ: я уже какъ опдеру,
шакъ не то, что Рекшоръ. Знаешъ ли
ты, что шакое хороше кожанные кан-
чуки? «

» Какъ не знашь! « сказалъ Философъ,
понизивъ голосъ. » Всякому извѣсно, что
шакое кожанные канчуки; при большомъ
количесствѣ вещь несшерпимая. «

» Да. Только ты не знаешъ еще какъ
хлопцы мои умбюшъ парись! « сказалъ
Сошникъ грозно, подымаясь на ноги, и
лице его приняло повелишельное и сви-
рѣное выраженіе, обнаружившее весь
необузданный его характеръ, усиленный
только на время горесью. » У меня прежде
вышарашъ, пошомъ вепрыснущъ горѣлкою,
а послѣ оная. Сшуйай, сшуйай! исправ-
ляй свое дѣло. Не исправишь — не вша-
нешъ; а исправишь — тысяча червон-
ныхъ! «

» Ого, го! да эшо хватъ! «, подумаль
Философъ, выходя. » Съ эшимъ нѣчего
шущишь. Сшой! сшой, пріятель: я шакъ

навошрю лыжи, что ты съ своими собаками не утонишься за мною.»

И Хома положилъ непременно бѣжать.

Онъ выжидаль только послѣобѣденнаго часу, когда вся дворня имѣла обыкновеніе забирашья въ сѣно подь сараями и оп-

крывши рошъ испускашъ такой храпъ и свистъ, что панское подворье дѣлалось похожимъ на фабрику. Это время наконецъ настало. Даже и Явшухъ зажмуриль глаза, расшянувшись передь солнцемъ.

Философъ со страхомъ и дрожью оширавился пошихоньку въ панскій садъ, откуда ему казалось удобнѣе и незамѣннѣе было бѣжать въ поле. Этошъ садъ, по обыкновенію, былъ спрашно запущенъ и сшало бышь чрезвычайно способствоваль всякому шайному предпріятію. Выключая только

одной дорожки, пропощанной по хозяйственной надобности, все прочее было скрышо густо разросшимся вишнями, бузиною, лопухомъ, просунувшими на самыи

верхъ свои высокіе ешебли съ цѣвкими розовыми шишками. Хмѣль покрываль, какъ будто сѣшью, вершину всего эшого

неспраго собранія деревъ и кустарниковъ
 и сославлялъ надъ ними крышу, напялив-
 шуюся на плешень и спадавшюю съ него
 вьющимися змѣями вмѣстѣ съ дикими по-
 левыми колокольчиками. За плешнемъ, слу-
 жившимъ границею сада, шель цѣлый лѣсъ
 бурьяна, въ кошорый, казалось, никто не
 любопышсшвоваль заглядывашь и коса раз-
 лешълась бы въ дребезги, если бы захо-
 шъла коснуться лезвѣмъ своимъ одере-
 вянѣвшихъ шолесыхъ шеблей его. Когда
 Философъ хошъль перешагнуть плешень,
 зубы его стучали и сердце шакъ сильно
 билось, что онъ самъ испугался. Пола его
 длинной хламиды, казалось, прилинала къ
 землѣ, какъ будто ее кто приколошилъ
 гвоздемъ. Когда онъ перешуналъ плешень,
 ему казалось съ оглушительнымъ свисшомъ
 шрещаль въ уши какой-то голосъ: »Куда,
 куда?« Философъ юркнулъ въ бурьянъ
 и пушился бѣжашь, безпрешанно осшу-
 паясь о старыя корни и давя ногами сво-
 ими крошювъ. Онъ видѣль, что ему вы-
 бравшисъ изъ бурьяна спойло перебѣжашь
 поле, за кошорымъ чернѣль густой шер-

новникъ, гдѣ онъ считалъ себя безопаснымъ, и пройдя кошорый онъ по предположенію своему думалъ всврѣшншъ дорогу прямо въ Кіевъ. Поле онъ перебѣжалъ вдругъ и очутился въ густомъ шерновникѣ. Сквозь шерновникъ онъ пролѣзъ оставивъ, вмѣсто пошлны, куски своего сюршуга на каждомъ остромъ шишѣ и очутился на небольшой лошинѣ. Верба раздѣлившимися вѣтвями преклонялась индѣ почти до самой земли. Небольшой мешочникъ сверкалъ чистый, какъ серебро. Первое дѣло Философа было прилечь и напиться, пошому чшо онъ чувшевать жажду нестерпимую. »Добрая вода!« сказалъ онъ, уширая губы. »Тушь бы можно ошдохнуть.«

»Ишь, лучше побѣжимъ впередъ: неравно будешь погоня!«

Эти слова раздалися у него надъ ушами. Онъ оглянулся: передъ нимъ стоялъ Явшухъ.

»Чоршовъ Явшухъ!« подумалъ въ сердцахъ про себя Философъ. »Я бы взялъ шебя, да за ноги... И мерзскую рожу

швою и все, что ни ешь на шебѣ, по-
бить бы дубовымъ бревномъ. «!

» Напрасно далъ ты шакой крюкъ: « про-
должалъ Явшухъ: » гораздо лучше выбрашь
шу дорогу, но какой шелъ я: прямо мимо
конюшни. Да припомъ и сюршука жалъ. А
сукино хорошее. Почему плашилъ за аршинъ?
Однакожь погуляли довольно: пора и домой.»

Философъ, почесываясь, побрелъ за
Явшухомъ. » Теперь прокляшая вѣдьма за-
дастъ мнѣ пфейферу! « подумалъ онъ. » Да
впрочемъ, что я въ самомъ дѣлѣ? Чего
боюсь? Развѣ я не казакъ? Вѣдь чиналъ же
двѣ ночи, поможешь Богъ и шрешью. Вид-
но, прокляшая вѣдьма порядочно грѣховъ
надѣлала, что нечистая сила шакъ за нее
споишь. « Такія размышленія занимали его,
когда онъ вслушалъ на панскій дворъ.
Ободривши себя такими замѣчаніями, онъ
упросилъ Дороша, конорый посредствомъ
прошекій ключника имѣлъ иногда входъ
въ панскіе погреба, вышавши суглею си-
вухи и оба пріятеля, сѣвши подъ сараемъ,
вышянули немного не полведра, шакъ что
Философъ, вдругъ пошлявшись на ноги,

закричалъ: «Музыканшовъ! непременно музыканшовъ!» и, недождавшись музыканшовъ, пустился среди двора на расчищенномъ мѣстѣ опиллясь вапъ пропака. Онъ шанцовалъ до шѣхъ поръ, пока не наснуило время полдника и дворя, побушпившая сего, какъ водилося въ шакихъ случаяхъ, въ кружокъ, наконецъ плюнула и пошла прочь, сказавши: «Вотъ это какъ долго шанцуешь человекъ!» Наконецъ Философъ шушь же легъ снашь и добрыи унашь холодной воды могъ шолько пробудить шего къ ужину. За ужиномъ онъ говорилъ о шомъ, что такое казакъ, и что онъ не долженъ бояшья ничего на свѣшѣ.

«Пора,» сказалъ Явшухъ: «пойдемъ.»

«Спичка шебъ въ языкъ, прокляшый кнуръ!» подумалъ Философъ и вешавъ на ноги, сказалъ: «Пойдемъ!»

Идя дорогою Философъ безпресшанно поглядывалъ по шборонамъ и слегка заговаривалъ съ своими провожашими. Но Явшухъ молчалъ; самъ Дорошъ былъ неразговорчивъ. Ночь была адская. Волки были

вдали цѣлою снаей. И самый лай собачій былъ какъ-то спрашенъ.

» Кажешся, какъ будто что-то другое воешь : это не волкъ « , сказалъ Дорощъ. Явшухъ молчалъ. Философъ не нашелея сказаць ничего.

Они приблизились къ церкви и вслушались подь ея вѣшкіе деревянныя своды, показывавшіе, какъ мало забошился владѣшель помѣшья о Богѣ и о душѣ своей. Явшухъ и Дорощъ, по прежнему, удалились и Философъ ошалея одинъ. Все было шакже. Все было въ шомъ же самомъ грозно-знакомомъ видѣ. Онъ минушу ошановилея. По середниѣ все шакже неподвижно шюяль гробъ ужасной вѣдьмы. » Не побоюсь, ей Богу не побоюсь ! « сказалъ онъ и, очершивши по прежнему около себя кругъ, началъ припоминашь все свои заклинанія. Тишина была страшная; свѣчи шренешали и обливали свѣшомъ всю церковь. Философъ перевернулъ одинъ лисшъ, пошомъ перевернулъ другой и замѣшилъ, что онъ чишаецъ совѣшмъ не шю, что писано въ книгѣ. Со шрахомъ перекрестилея онъ и началъ

пѣшь. Это нѣсколько ободрило его: чшеніе пошло впередъ и листы мелькали одинъ за другимъ. Вдругъ... среди тишины... онъ слышитъ опять ошврашительное царапанье, свистъ, шумъ и звонъ въ окнахъ. Съ робостію зажмурилъ онъ глаза и прекратилъ на время чшеніе. Не ошворяя глазъ, онъ слышалъ, какъ вдругъ грянуло объ полъ цѣлое множесшво, сопровождаемое разными шумами глухими, звонкими, мягкими, визгливыми. Немного приподнялъ онъ глазъ свой и съ пошгѣшностію закрылъ опять: ужасъ!.. это были все вчерашніе гномы; разница въ шомъ, что онъ увидѣлъ между ими множесшво новыхъ. Почши насупрошвивъ его спояло высокое, кошорато черный скелешъ выдвинулся на поверхность и сквозъ шемныя ребра его мелькало желтое шѣло. Въ споронѣ спояло шонкое и длинное, какъ палка, сосшо-явшее изъ однихъ шолько глазъ съ рѣсницами. Далѣе занимало почти всю спѣну огромное чудовище и спояло въ перепутанныхъ волосахъ, какъ будшо въ лѣсу. Сквозъ сѣшь волосъ эшихъ глядѣли два

ужасные глаза. Со страхомъ глянулъ онъ
вверхъ: надъ нимъ держалось въ воздухѣ
что-то въ видѣ огромнаго пузыря съ шы-
сячю пропаянушихъ изъ середины клещей
и скорпионныхъ жалъ. Черная земля ви-
сѣла на нихъ клоками. Съ ужасомъ пошу-
пилъ онъ глаза свои въ книгу. Гномы под-
няли шумъ чешуями опшрашительныхъ
хвостовъ своихъ, когшисшими ногами и виз-
жавшими крыльями, и онъ слышалъ шоль-
ко, какъ они искали его во всѣхъ углахъ.
Эшо выгнало послѣдній осшашокъ хмѣля,
еще бродившій въ головѣ Философа. Онъ
ревностно началъ чишашъ свои молишвы.
Онъ слышалъ ихъ бѣшенство при видѣ
невозможности найши его. » Чшо, если«,
подумаль онъ вздрогнувъ: » вся эша вашага
обрушится на меня?...«

» За Віемъ! пойдемъ за Віемъ!« закри-
чало множешво спранныхъ голосовъ, и
ему казалось, какъ будшо часшь гномовъ
удалилась. Однако же онъ стоялъ съ за-
жмуренными глазами и не рѣшался взгля-
нушь ни на чшо.

» Вій! Вій! « зашумѣли всѣ; волчій вой
послышался вдали и едва, едва ошдѣляль
лаянье собакъ. Двери съ визгомъ расшво-
рились и Хома слышалъ полько, какъ
всыпались цѣлыя шолны. И вдругъ насшала
пишина, какъ въ могиль. Онъ хошѣль
открышь глаза; но какой-шо угрожающій
шайный голосъ говорилъ ему: »эй, не
гляди! « Онъ показаль усилие... По не-
посшижимоу, можешъ бышь проншед-
шему изъ самаго шраха, любовышешву
глазь его нечаянно отшворился:

Передъ нимъ спояль какой-шо образъ
человѣческой исполинекаго росша. Вѣки его
были опущены до самой земли. Философъ
съ ужасомъ замѣшилъ, что лице его было
жельзное и усшремилъ загорѣвшійся глаза
свои снова въ книгу.

» Подымише мнѣ вѣки! « сказалъ пол-
земнымъ голосомъ Вій — и все сонмище
кинулось подыманъ ему вѣки. » Не гляди! «
шешнуло какое-шо внутреннее чувшшо.
Философу. Онъ неушерицьль и глянулъ:

Двѣ чорныя пули глядѣли прямо на
него. Жельзная рука поднялась и ушавила

на него палець! » Вонъ онъ! « произнесъ
Вий—и все, что ни было, все ошврашишель-
ныя чудища разомъ бросились на него...
бездыханный, онъ грянулся на землю...
Иъшухъ проишь уже во шпорой разъ.
Первую пьень его прослышали гномы. Все
оскопище поднялось улешьшь, но не шушь-шо
было: они все ошпановились и завязнули
въ окнахъ, въ дверяхъ, въ куполь, въ
углахъ и ошпались неподвижны... Въ это
время дверь ошворилась и вошелъ Священ-
никъ, прибывшій изъ ошдаленнаго селенія
для совершенія панихиды и погребенія
умершей. Съ ужасомъ ошспунилъ онъ, уви-
дѣвши такое посраменение святыни и не по-
смѣлъ произносишь въ ней слова Божьяго.
И съ шьхъ перъ шакъ все и ошалось
въ шой церквь. Завязнувшіе въ окнахъ
чудища шамъ и понынь. Церковь поросла
мохомъ, ошпилаась лѣсомъ, ошесившимъ
корни по ешьнамъ ея; никшо не входиль
шудащ не знаешь, гдѣ и въ какой ешоронѣ
она находишся.

Когда слухи объ этомъ дошли до Кіева и Богословъ Халява услышалъ наконецъ о такой участи Философа Хомы, то предался цѣлый часъ раздумью. Съ нимъ въ продолженіе того времени произошли большія перемѣны. Счастіе ему улыбнулось: по окончаніи курса наукъ его сдѣлали звонаремъ самой высокой колокольни и онъ всегда почти являлся съ разбитымъ носомъ, потому что деревянная лѣстница на колокольню была чрезвычайно безалаберно сдѣлана.

» Ты слышалъ, что случилось съ Хомою? « сказалъ подошедши къ нему Тиберій Горобецъ, кошорый въ то время былъ уже Философъ и носилъ свѣжія усы.

» Такъ ему Богъ далъ «, сказалъ звонарь Халява. » Пойдемъ въ шинокъ, да помянемъ его душу! «

Молодой Философъ, кошорый съ жаромъ энтузіасна началъ пользоваться своими правами шакъ, что на немъ и шаровары, и сюршукъ, и даже шапка пощывались спиршомъ и шабачными корешками, въ ту же минушу изъявилъ гошовность.

» Славный былъ человекъ Хома! « сказала звонарь, когда хромой шинкарь пошавилъ передъ нимъ прешью кружку. » Знашный былъ человекъ! А пропалъ ни за что. «

» А я знаю почему пропалъ онъ: онъ того, что побоялся. А если бы не боялся, то бы вѣдьма ничего не могла съ нимъ сдѣлать. Нужно только перекрестившись плюнуть на самый хвостъ ей, то и ничего не будешь. Я знаю уже все это. Вѣдь у насъ въ Кіевѣ всѣ бабы, которые сидятъ на базарѣ — всѣ вѣдьмы. «

На это звонарь кивнулъ головою въ знакъ согласія. Но замѣшивши, что языкъ его не могъ произнести ни одного слова, онъ ошорожно вешалъ изъ за шюла и пошавываясь на обѣ стороны, пошелъ спрашивать въ самое ошдаленное мѣсто въ бурьянѣ. Причемъ не позабылъ, по прежней привычкѣ своей, ушавши шарую подошву онъ сапога, валавшуюся на лавкѣ.

Погрѣшность.

Въ сей повѣсти, по неосмотрительности, пропущена половина страницы, объясняющая какимъ образомъ Бурсакъ узналъ въ Сошиковой дочери вѣдьму, приходившую къ нему въ видѣ шарухи.

ГЛАВА І.

Мавна Мавновна і Мавна Мавновна

Славна божество у Мавна Мавновна! Ой
Мавна Мавновна! А каякі смішки! Фу ми ми
Мавна, каякі смішки! Мавна се мовозом
Мавна Мавновна Мавна Мавновна! Мавна Мавновна
Мавна Мавновна Мавна Мавновна! Мавна Мавновна
Мавна Мавновна Мавна Мавновна! Мавна Мавновна
Мавна Мавновна Мавна Мавновна! Мавна Мавновна
Мавна Мавновна Мавна Мавновна! Мавна Мавновна

Г Л А В А І.

Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ.

Славная бекеша у Ивана Ивановича! отличнѣйшая! А какія смушки! Фу шы пронаешь, какія смушки! сизыя съ морозомъ! Я спавлю Богъ знаетъ что, если у кого либо найдутся такія! Взгляните ради Бога на нихъ, особенно, если онъ шанешъ съ кѣмъ нибудь говоришь, взгляните съ боку: что это за объяденіе! Описашъ

нелзя: бархашъ! серебро! огонь! Господи Боже мой! Николай Чудотворецъ, Угодникъ Божій! ошь чего же у меня нѣшь шакой бекеши! Онъ сшилъ ее тогда еще, когда Агафія Федосѣевна не ѣздила въ Кіевъ. Вы знаете Агафію Федосѣевну? ша самая, чшо опкусила ухо у засѣдателя. Прекрасный человекъ Иванъ Ивановичъ! Какой у него домъ въ Миргородѣ! Вокругъ него со всѣхъ сторонъ навѣсъ на дубовыхъ столбахъ, подъ навѣсомъ вездѣ скамейки. Иванъ Ивановичъ, когда сдѣлаешся слишкомъ жарко, скинешъ съ себя и бекешу и исподнее, самъ оспанешся въ одной рубашкѣ и опдыхаешъ подъ навѣсомъ и глядишь, чшо дѣлаешся во дворѣ и на улицѣ. Какія у него яблони и груши подъ самыми окнами! Ошворитешь только окно — шакъ вѣшви и врываюшся въ комнату. Эшо все передъ домомъ; а посмошрѣли бы, чшо у него въ саду! Чего тамъ нѣнь? Сливы, вишни, черешни, огорожина всякая, подсолнечники, огурцы, дыни, спручья, даже гумно и кузница. Прекрасный человекъ Иванъ Ивановичъ! Онъ очень любитъ дыни.

Эшо его любимое кушанье. Какъ шолько ошобѣдаешъ и выйдешъ въ одной рубашкѣ подь навѣсъ, сейчасъ приказываешъ Гапкѣ принеси двѣ дыни. И уже самъ разрѣжешъ, соберешъ сѣмена въ особую бумажку, и начнешъ кушашъ. Пошомъ велишъ Гапкѣ принеси чернильницу, и самъ, собственною рукою, сѣблаешъ надписъ надъ бумажкою съ сѣменами: сѣя дыня сѣдена шакого-шо числа. Если при эшомъ былъ какой нибудь гость, шо: учасшвовалъ шакой-шо. Покойный судья Миргородскій всегда любовался глядя на домъ Ивана Ивановича. Да, домишко очень не дурень. Миѣ правишся, что къ нему со всѣхъ споронѣ присшроены сѣни и сѣнички, шакъ что если взглянушь на него издали, шо видны однѣ шолько крыши, посаженныя одна на другую, что весьма походитъ на шарелку, наполненную блинами, а еще лучше на губки, паросшающія на деревѣ. Впрочемъ, крыши всѣ крыши очерешомъ; ива, дубъ и двѣ яблони облокошились на нихъ своими раскидистыми вѣшьями. Промежъ деревъ мелькаюшъ и выбѣгаюшъ

даже на улицу небольшія окошки съ рѣзными выбѣленными ставнями. Прекрасный человекъ Иванъ Ивановичъ! Его знаешь и комисаръ Полшавскій! Дорошъ Тарасовичъ Пухивочка когда ѣдешь изъ Хорола, шо всегда забъзжашъ къ нему. А Пропопъ Ошець Пешръ, что живешь въ Колибердѣ, когда соберешся у него человекъ гостей, всегда говоришь, что онъ никого не знаешь, кто бы шакъ исполнялъ долгъ Хриспанскій и умѣль живишь, какъ Иванъ Ивановичъ. Боже, какъ лешишь время! уже погда прошло болѣе десяти лѣтъ, какъ онъ овдовѣлъ. Дѣшеи у него не было. У Гапки естъ дѣши и бѣгають часто по двору. Иванъ Ивановичъ всегда даешъ каждому изъ нихъ или по бублику, или по кусочку дыни, или грушу. Гапка у него носить ключи ошъ коморъ и погребовъ; ошъ большаго же сундука, что стоишь въ его спальнѣ и ошъ средней коморы, ключъ, Иванъ Ивановичъ держишь у себя и не любишь никого шуда пуекашь. Гапка, дѣвка здоровая, ходишь въ *запаскъ*, съ свѣжими икрами и щеканн. А какой

богомольный человекъ Иванъ Ивановичъ! Каждый воскресный день надъѣаешь онъ бекешу и идешь въ церковь. Взоселши въ нее, Иванъ Ивановичъ, раскланявшись на всѣ стороны, обыкновенно помѣшаешь на крылосѣ, и очень хорошо подыгиваешь басомъ. Когда же окончится служба, Иванъ Ивановичъ никакъ не ушернишь, чтобы не обойши всѣхъ нищихъ. Онъ бы можешь бышь и не хошьль заняшьа такимъ скучнымъ дѣломъ, если бы не побуждала его къ тому природная доброта. » Здорово Небого! « * обыкновенно говорилъ онъ, ошыскавши самую изкальченную бабу, въ изодранномъ, сшитомъ изъ заплашь, плашь. » Ошкуда ты, бѣдная? « — » Я, паночку, изъ хушора пришла: шрешій день, какъ не пила, не ѣла, выгнали меня собственныя дѣши. « — » Бѣдная головунка, чего жъ ты пришла сюда? « — » А шакъ, паночку, милосшыни просишь, не дашь ли кшо нибудь хошь на хлѣбъ. « — » Гм! чшо жъ, шебъ развѣ хочешся хлѣба? « обыкновенно спрашивалъ Иванъ Ивановичъ. — » Какъ

* Бѣдная

не хопѣшь! голодна, какъ собака.» — «Гм!»
ошвѣчалъ обыкновенно Иванъ Ивановичъ:
» шакъ шебѣ можешъ и мяса хочешся?» —
» Да все, что милосшь ваша дашъ, веъмъ
буду довольна. « — «Гм! развѣ мясо лучше
хлѣба?» — «Гдѣ ужъ голодному разби-
рашь. Все, что пожалуешъ, все хорошо.»
При этомъ спаруха обыкновенно прося-
гивала руку. «Ну, ешуйай же съ Богомъ,»
говорилъ Иванъ Ивановичъ, «Чего жъ ты
ешоишь? вѣдь я шебя не бью!» и обра-
тившись съ такими разспросами къ дру-
гому, къ прешьему, наконецъ возвращаешся
домой, или заходишь вышнѣ рюмку водки
къ сосѣду Ивану Никифоровичу, или къ
судѣ, или къ городничему. Иванъ Ива-
новичъ очень любишь, если ему кто ни-
будь слѣдаешъ подарокъ, или гостинецъ.
Эшо ему очень нравиешся.

Очень хорошій шакже человекъ Иванъ
Никифоровичъ. Его дворъ возлѣ двора
Ивана Ивановича. Они шакіе между собою
пріятелі, какихъ свѣтъ не производишь.
Аншопъ Прокофьевичъ Цупопузъ, кошорый
до сихъ поръ еше ходишь въ коричневомъ

сюршукъ съ голубыми рукавами и обдаешь по воскреснымъ днямъ у судьи, обыкновенно говорилъ, что Ивана Никифоровича и Ивана Ивановича самъ чорпъ связалъ веревочкой. Куда одинъ, туда и другой плешешя. Иванъ Никифоровичъ никогда не былъ женатъ. Хотя проговаривали, что онъ женился, но это совершенная ложь. Я очень хорошо знаю Ивана Никифоровича, и могу сказать, что онъ даже не имѣлъ намѣренія жениться. Откуда выходятъ всѣ эти сплетни? шакъ какъ пронесли было, что Иванъ Никифоровичъ родился съ хвостомъ назадъ. Но эта выдумка шакъ нелѣна и вѣснѣ гнусна и неприлична, что я даже не починаю нужнымъ опровергать предъ просвѣщенными читателями, копорымъ безъ всякаго сомнѣнiя извѣстно, что у однихъ шолько вѣдѣмъ, и шо у весьма немногихъ, есть назадъ хвостъ, копорья впрочемъ принадлежатъ болѣе къ женскому полу, нежели къ мужескому. Не смотря на большую прiязнь, эти рѣдкіе друзья не совсѣмъ были сходны между собою. Лучше всего

можно узнать характеры ихъ изъ сравненія: Иванъ Ивановичъ имѣеть необыкновенный даръ говорить чрезвычайно пріятно. Госноди, какъ онъ говоритъ! Эшо ощущение можно сравнить только съ шѣмъ, когда у васъ ищуть въ головѣ, или пошхоньку проводящъ пальцемъ по вашей плякѣ. Слушаешь, слушаешь — и голову повѣсишь. Пріятно! чрезвычайно пріятно! какъ сонъ послѣ купанья. Иванъ Никифоровичъ напрашивъ больше молчишь, но за то если влѣпишь слово, то держись только: отбѣдетъ лучше всякой бришвы. Иванъ Ивановичъ худощавъ и высокаго роста; Иванъ Никифоровичъ темного ниже, но за то распространяется въ шолщину. Голова у Ивана Ивановича похожа на рѣдку хвостомъ внизъ; голова Ивана Никифоровича на рѣдку хвостомъ вверхъ. Иванъ Ивановичъ только послѣ обѣда лежишь въ одной рубашкѣ подъ навѣсомъ; ввечеру же нацѣваешь бекешу и идешь куда ни будь, или къ городовому магазину, куда онъ поснавляешь муку, или въ поле ловишь перепеловъ. Иванъ Никифоровичъ

лежишь весь день на крыльцѣ; если не слишкомъ жаркій день, то обыкновенно вышавивъ спину на солнце, и никуда не хочешь иди. Если вздумаешься упромъ, то пройдешь по двору, осмотришь хозяйство, и опять на покой. Въ прежнія времена зайдешь бывало къ Ивану Ивановичу. Иванъ Ивановичъ чрезвычайно щонкій человекъ и въ порядочномъ разговорѣ никогда не скажешь неприличнаго слова и шопчасъ обидишься, если услышишь его. Иванъ Никифоровичъ иногда не обережешся; тогда обыкновенно Иванъ Ивановичъ вспаешъ съ мѣша и говоришь: » довольно, довольно, Иванъ Никифоровичъ; лучше скорѣе на солнце, чѣмъ говоришь такіа богопрошивныя слова. « Иванъ Ивановичъ очень сердился, если ему попадешся въ борщъ муха: онъ тогда выходилъ изъ себя и шарелку кинешъ, и хозяину доспанешся. Иванъ Никифоровичъ чрезвычайно любилъ купаться, и когда сядешъ по горло въ воду, велишь поспавишь также въ воду смоль и самоваръ, и очень любилъ пить чай въ шакомъ прохладѣ. Иванъ Ивановичъ

брѣшъ бороду въ недѣлю два раза; Иванъ Никифоровичъ одинъ разъ. Иванъ Ивановичъ чрезвычайно любопышенъ. Боже сохрани, если что нибудь начнешь ему рассказывать, да недоскажешь! Если жъ чѣмъ бываешь недоволенъ, то пошчасъ даешь замѣшишь это. По виду Ивана Никифоровича, чрезвычайно трудно узнать, доволенъ ли онъ, или сердитъ; хоть и обрадуешься чему нибудь, но не покажешь. Иванъ Ивановичъ нѣсколько боязливаго характера. У Ивана Никифоровича напрошивъ того шаравары въ шакихъ широкихъ складкахъ, что если бы раздуть ихъ, то въ нихъ можно бы помѣстишь весь дворъ съ амбарами и спросіемъ. У Ивана Ивановича большіе выразишельные глаза шабашаго цвѣта и рошъ нѣсколько похожъ на букву *ижицу*; у Ивана Никифоровича глаза маленькіе, желшовашые, совершенно пропадающіе между гусныхъ бровей и пухлыхъ щекъ, и носъ въ видѣ спѣлой сливы. Иванъ Ивановичъ если пошчиваешь васъ шабакомъ, то всегда напередъ лизнешъ языкомъ крышку шабакерки, пошомъ щелк-

нешь по ней пальцемъ ни, поднесши, ска-
жешь, если вы съ нимъ знакомы: «смыю ли
ли просишь, государь мой, объ одолже-
ніи? «если же незнакомы, по: «смыю ли
просишь, государь мой, не имѣя чести
знать чина, имени и опечесства, объ одол-
женіи?» Иванъ же Никифоровичъ даешь
вамъ прямо въ руки рожокъ своей и при-
бавишь шолько: «одолжайтесь.» Какъ
Иванъ Ивановичъ, такъ и Иванъ Никифо-
ровичъ очень не любяшь блохъ; и пош
того ни Иванъ Ивановичъ, ни Иванъ Ни-
кифоровичъ никакъ не пропускашъ жиде
съ шоварами, чшобы не купишь у него
элексира въ разныхъ баночкахъ противъ
эшихъ насѣкомыхъ, избранивъ напередъ
его хорошенько. Впрочемъ, не смолря на нѣкоторыя
несходства, какъ Иванъ Ивановичъ, такъ
и Иванъ Никифоровичъ прекрасные люди.

ГЛАВА II.

Из которой можно узнать, чего захотелось Ивану Ивановичу, о чем происходил разговор между Иваном Ивановичем и Иваном Никифоровичем, и где он окончился.

Утромъ довольно было въ Июль мѣсяцѣ, Иванъ Ивановичъ лежалъ и поды навѣсомъ. День былъ жарокъ, воздухъ сухъ и пересыхался ешрjami. Иванъ Ивановичъ успѣлъ уже побывашь за городомъ у косарей и одна хушорѣ, успѣлъ распросить въ шрѣшившихся мужиковъ и бабъ, ошкуда, куда и почему; уходился ешрахъ и прилегъ ошдох-

нушь. Лежа, онъ долго оглядывалъ коморы, дворъ, сарай, куръ, бѣгавшихъ по двору, и думалъ про себя: »Господи, Боже мой, какой я хозяинъ! Чего у меня нѣтъ? Шицы, спроеиё, амбары, всякая прихоть, водка перегонная насшоянная; въ саду груши, сливы; въ огородѣ макъ, капуша, горохъ.... Чего жъ еще нѣтъ у меня?... Хотѣлъ бы я знать, чего нѣтъ у меня? «

Задавши себѣ такой глубокомысленный вопросъ, Иванъ Ивановичъ задумался; а между тѣмъ глаза его ошыскали новые предметы, перешагнули чрезъ заборъ въ дворъ Ивана Никифоровича и занялись невольно любопышнымъ зрѣлищемъ. Тощая баба выносила по порядку залезалое платье, и развѣшивала его на прошынушой веревкѣ вывѣривашъ. Скоро ешарый мундиръ съ изношенными обшлагами прошынулъ на воздухъ рукава и обнималъ парчевую кофшу, за нимъ высунулся дворянскій съ гербовыми пуговицами, съ ошъденнымъ ворошникомъ, бѣлые казимировые панталоны съ пшнами, кошорые когда-то нашыгивались на ноги Ивана Ни-

кифоровича и кошорые можно шеперь на-
пянушь развѣ на его пальцы. За ними
скоро повисели другіе въ видѣ буквы Л.
Пошомъ синій казацкій бешмешъ, кошорый
шилъ себѣ Иванъ Ивановичъ назадъ тому
лѣшъ двадцашъ, когда гошовилея - было
вешуцишъ въ милицію и опшуснилъ-было
уже усы. Наконецъ, одно къ одному, вы-
сшавилася шпага, походившая на шницъ,
шорчавшій въ воздухъ. Пошомъ завершѣ-
лисъ фалды чего-шо похожаго на кафшанъ
шравяно-зеленаго цвѣша, съ мѣдными пу-
говицами, величиною въ пяшакъ. Изъ-за
фалдъ выглянулъ жилешъ, обложенный
золошымъ позуменшомъ, съ большимъ вы-
рѣзомъ напереди. Жилешъ скоро закрыла
спарая юбка покойной бабушки, съ карма-
нами, въ кошорые можно было положишъ
по арбузу. Все, мѣшаясь вмѣшѣ, сосшав-
ляло для Ивана Ивановича очень занима-
шельное зрѣлище, между шѣмъ какъ лучи
солнца, охвашывая мѣшами синій или зе-
леный рукавъ, красный обшлагъ или часшъ
золошой парчи, или играя на шпажномъ
шницѣ, дѣлали его чѣмъ-шо необыкновен-

нымъ, похожимъ на шось вершесъ, копо-
рый развозящъ по хушорамъ кочующіе
пройдохи. Особливо когда шолна народа,
иѣсно сдвинувшись, глядишь на Царя Прода
въ золотой коронѣ, или на Аншона, ве-
дущаго козу; за вершесомъ визжишь скрып-
ка; дыганъ брянчишь руками по губамъ
своимъ вмѣсто барабана, а солнце захо-
дишь, и свѣжій холодъ южной ночи не-
замѣнно прижимается сильнѣе къ свѣ-
жимъ плечамъ и грудямъ полныхъ хушо-
рянокъ. Скоро шаруха выѣзла изъ кла-
довой, кряхтя и шаця на себѣ спаринное
сѣдло съ оборванными стременами, съ не-
шершыми кожаными чехлами для пншо-
леновъ, съ чепракомъ когда-шо алаго цвѣ-
ща, съ золотымъ шнѣемъ и мѣдными
бляхами. » Вонъ глуная баба! « подумалъ
Иванъ Ивановичъ: » она еще выпанишь и
самого Ивана Никифоровича провѣшривашь! «
И точно: Иванъ Ивановичъ не совѣмъ
ошибся въ своей догадкѣ. Минувъ черезъ
пяшь воздвигнулись нанковые шаравары
Ивана Никифоровича и заняли собою почти
половину двора. Послѣ этого она вынесла

еще шапку и ружье. » Чшо жь эшо значить! « подумаль Иванъ Ивановичъ: » я не видѣль никогда ружья у Ивана Никифоровича. Чшо жь эшо онъ? « стрѣляшь не стрѣляешь, а ружье держишь! На чшо жь оно ему? А вещица славная! Я давно себѣ хощѣль досташь шакое. Миѣ очень хочешя имѣшь эшо ружьецо; я люблю позабавишься ружьецомъ. Ей, баба, баба! « закричалъ Иванъ Ивановичъ, кивая пальцемъ.

Спаруха подошла къ забору. « Чшо эшо у шебя, бабуся, шакое? «

« Видише сами, ружье. «

« Какое ружье? «

« Кшо его знаешъ, шакое! Если бь оно было мое, шо я можешъ бышь и знала бы, изъ чего оно сдѣлано. Но оно панское. «

Иванъ Ивановичъ вспаль, и началъ раземаширивашь ружье со всѣхъ споронь, и позабыль дашь выговоръ спарухѣ за то, чшо повѣсила его вмѣстѣ съ шагаю провѣширивашь.

« Оно, должно думашь, желѣзное, « продолжала спаруха.

« Гм! желѣзное. Ошъ чего жъ оно же-
лѣзное? » говорилъ про себя Иванъ Ивано-
вичъ. « А давно ли оно у пана? »

« Можешъ бышь и давно. »

« Хорошая вещица! » продолжалъ Иванъ
Ивановичъ: « я выпрошу его. Чшо ему дѣ-
лашь съ нимъ! или промѣняюсь на чшо
нибудъ. Чшо, бабуся, дома панъ? »

« Дома. »

« Чшо онъ? лежишь? »

« Лежишь. »

« Ну, хорошо; я приду къ нему. »

Иванъ Ивановичъ одѣлся, взялъ въ руки
суковашую палку ошъ собакъ, пошому, чшо
въ Миргородѣ гораздо болѣе ихъ понадаешя
на улицѣ, нежели людей, и пошелъ.

Дворъ Ивана Никифоровича хошя былъ
возлѣ двора Ивана Ивановича и можно
было перелѣзшь изъ одного въ другой че-
резъ плешень; однако жъ Иванъ Ивановичъ
пошелъ улицею. Съ эшой улицы нужно
было перейши въ переулокъ, который
былъ шакъ узокъ, чшо если случалось
вспрѣшишья въ немъ двумъ повозкамъ
въ одну лошадь, шо они уже не могли

развѣхашься и оставалешь въ такомъ положеніи до шѣхъ поръ, покамѣсь схвативши за заднія колеса, не вышаскивали ихъ каждую въ прошивную спорону на уллицу. Пѣшеходъ же убиралешь, какъ цвѣтами, репейниками, росшими съ обѣихъ ешоронъ возлѣ забора. На эшошъ переулочъ выходили съ одной ешороны сарай Ивана Ивановича, съ другой амбаръ, вороша и голубяшнй Ивана Никифоровича. Иванъ Ивановичъ подошелъ къ ворошамъ, загремѣлъ щеколдой: извнутри поднялся собачій лай; но разношершная ешая скоро побѣжала, помахивая хвосшнами, назадъ, увидѣвши, что эшо было знакомое лицо. Иванъ Ивановичъ перешелъ дворъ, на кошоромъ есешрѣли индѣйскіе голуби, кормимые собешвенноручно Иваномъ Никифоровичемъ, корки арбузовъ и дынь, мѣшами зелень, мѣшами изломанное колесо или обручъ изъ бочки, или валяшійся мальчишка въ запачканной рубашкѣ — каршина, кошорую любяшъ живонисцы! Тѣнь ошъ развѣшешныхъ плашьевъ покрывала почти всеъ дворъ и сообщала ему нѣкошорую

прохладу. Баба встрѣшила его поклономъ, и, зазѣвавшись, спала на одномъ мѣсѣ. Передъ домомъ охорашивалось крылечко съ навѣсомъ на двухъ дубовыхъ столбахъ, — ненадежная защита отъ солнца, которое въ это время въ Малороссіи не любишь шумить и обливаешь пѣшехода съ ногъ до головы жаркимъ пономъ. Изъ этого можно было видѣть, какъ сильно было желаніе у Ивана Ивановича пріобрѣсти необходимую вещь, когда онъ рѣшился выйти въ такую пору, измѣнивъ даже своему всегдашнему обыкновению прогуливаться только вечеромъ.

Комната, въ которую всунули Иванъ Ивановичъ, была совершенно темна, поному что ставни были закрыты и солнечный лучъ, проходя въ дыру, сдѣланную въ ставнѣ, принялъ радужный цвѣтъ и, ударяясь въ противостоящую стѣну, рисовалъ на ней пестрый ландшафтъ изъ очерченныхъ крышъ, деревьевъ и развѣшеннаго на дворѣ плашья, все только въ обращенномъ видѣ. Отъ этого всей комнатѣ сообщался какой-то чудный полусвѣтъ.

» Помоги Богъ! « сказали Иванъ Ивановичъ и
внучь.

» А! здравствуйше, Иванъ Ивановичъ! «
освѣчалъ голосъ изъ угла комнаты. Тогда
шолько Иванъ Ивановичъ замѣшилъ Ивана
Никифоровича, лежащаго на разосланномъ
на полу ковръ. » Извините, что я передъ
вами въ напурѣ. « Иванъ Никифоровичъ
лежалъ безо всего, даже безъ рубашки.

» Ничего. Почивали ли вы сегодня,
Иванъ Никифоровичъ? «

» Почиваль. А вы почивали, Иванъ Ива-
новичъ? «

» Почиваль. «

» Такъ вы шеперь и вешали? «

» Я шеперь вешаль? Хришошь съ вами,
Иванъ Никифоровичъ! какъ можно спашь
до сихъ поръ! Я шолько что прѣхаль изъ
хушора. Прекрасныя жиша по дорогѣ! вос-
хишительныя! и сѣно такое рослое, мяг-
кое, злачное! «

» Горщина! « закричалъ Иванъ Никифо-
ровичъ: » принеси Ивану Ивановичу водки,
да пироговъ со смѣшаною. «

» Хорошее время сегодня. «

» Не хвалише, Иванъ Ивановичъ. Чшобъ его чоршъ взялъ! нѣкуда дѣвашься ошъ жару.

» Вошъ, шаки нужно помянушь чорша. Ей, Иванъ Никифоровичъ! Вы вспомишите мое слово, да уже будешъ поздно: доспанешся вамъ на шомъ свѣшъ за богопршивныя слова.»

» Чѣмъ же я обидѣлъ васъ, Иванъ Ивановичъ? Я не пронулъ ни ошца, ни мащери вашей. Не знаю, чѣмъ я васъ обидѣлъ.»

» Полно уже, полно Иванъ Никифоровичъ! «

» Ей Богу я не обидѣлъ васъ, Иванъ Ивановичъ! «

» Спраино, что перепела до сихъ поръ нейдуть подъ дудочку.»

» Какъ вы себѣ хошите, думайте что вамъ угодно, только я васъ не обидѣлъ ничѣмъ.»

» Не знаю, ошъ чего они нейдуть, « говоритъ Иванъ Ивановичъ, какъ бы не слушаъ Ивана Никифоровича. » Время ли не присѣло еще, только время кажешся шакое, какое нужно.»

» Вы говорите, что жина хороша. «

» Восхищительная жина, восхищительная! « За симъ послѣдовало молчаніе.

» Что это вы, Иванъ Никифоровичъ, плашье развѣшиваеша? « наконецъ сказала Иванъ Ивановичъ.

» Да прекрасное, почти новое плашье загноила проклятая баба. Теперь привѣшиваю сукно тонкое, превосходное, шолько вывороти — и можно снова носить. «

» Миѣ шамъ понравилась одна вещица, Иванъ Никифоровичъ. «

» Какая? «

» Скажите пожалуйста, на что вамъ это ружье, что вышавлено привѣшивать вмѣстѣ съ плашьемъ? « Тушъ Иванъ Ивановичъ поднесъ шабаку. « Смию ли просить объ одолженіи? «

» Ничего, одолжайтесь! я понижаю своего! « При этомъ Иванъ Никифоровичъ пошупалъ вокругъ себя и досмалъ рожокъ.

» Вошь глупая баба, шакъ она и ружье шуда же повѣсила! Хорошій шабакъ жидъ дѣлаешъ въ Сорочинцахъ. Я не знаю, что онъ кладешъ шуда, а шакое душцешое!

На кануперь немножко похоже. Вошь воз-
мше, разжуйше немножко во рту. Не
правда ли, похоже на кануперь? возмше,
одолжайшесь!»

«Скажише пожалуйста, Иванъ Ники-
форовичъ, я все на счешъ ружья, что вы
будете съ нимъ дѣлать? вѣдь оно вамъ
не нужно.»

«Какъ не нужно? а случишся сгрѣ-
ляшь.»

«Господь съ вами, Иванъ Никифоро-
вичъ, когда же вы будете сгрѣляшь?
Развѣ по второмъ пришестьи. Вы, сколько
я знаю и другіе заюмняшь, ни одной еще
качки (*) не убили, да и ваша напура не
шакъ уже Господомъ Богомъ усшроена,
чтобъ сгрѣляшь. Вы имѣете осанку и
фигуру важную. Какъ же вамъ таскашся
по болошамъ, когда ваше плашь, которое
не во всякой рѣчи прилично назвашь по
имени, провѣтриваешся и шеперь еще,
что же тогда? Нѣшь, вамъ нужно имѣшь
покой, ошдохновеніе. (Иванъ Ивановичъ,
какъ упомянушо выше, необыкновенно

* Т. е. ушки.

живописно говорилъ, когда нужно было убѣждать кого. Какъ онъ говорилъ! Боже, какъ онъ говорилъ!) Да, шакъ вамъ нужны приличные посушки. Послушайте, ошдайте его мнѣ! «

» Какъ можно! это ружье дорогое. Такихъ ружьевъ шеперь не сыщите нигдѣ. Я еще какъ собирался въ милицію, кунилъ его у Турчина. А шеперь бы шо шакъ вдругъ и ошдашь его! Какъ можно? это вещь необходимая. «

» На что же она необходимая? «

» Какъ на что? А когда нападушь на домъ разбойники... Еще бы не необходимая. Слава тебѣ Господи! шеперь я спокоенъ и не боюсь никого. А ошъ чего? Ошъ того, что я знаю, что у меня споншь въ коморѣ ружье. «

» Хорошее ружье! Да у него, Иванъ Никифоровичъ, замокъ испорченъ. «

» Что жъ что испорченъ? Можно починить. Нужно только смазать коноплянымъ масломъ, чтобы не ржавѣлъ. «

» Изъ вашихъ словъ, Иванъ Никифоровичъ, я никакъ не вижу дружесшвеннаго

ко мнѣ расположенія. Вы ничего не хошите сдѣлать для меня въ знакъ пріязни. «

» Какъ же это вы говорите, Иванъ Ивановичъ, что я вамъ не оказываю никакой пріязни? Какъ вамъ не совѣстно! Ваши волю пасушея на моей сцени и я ни разу не занималъ ихъ. Когда ѣдете въ Польшаву, всегда просите у меня повозки, и что жъ? развѣ я отказалъ когда? Ребяшки ваши перелѣзають чрезъ плешень въ мой дворъ и играють съ моими собаками — я ничего не говорю: пусть себѣ играють, лишь бы ничего не прогали! пусть себѣ играють! «

» Когда не хошите подарить, шакъ пожалуй помѣняемся. «

» Что жъ вы дадите мнѣ за него? «
При этомъ Иванъ Никифоровичъ облокотился на руку и поглядѣлъ на Ивана Ивановича.

» Я вамъ дамъ за него бурюю свинью, шу самую, что я ошкормилъ въ сажу. Славная свинья! Увидите, если на слѣдующій годъ она не наведетъ вамъ поросятъ. «

» Я не знаю, какъ вы, Иванъ Ивановичъ, можете эшо говоришь. На что мнѣ свинья ваша? Развѣ чоршу поминки дѣлашь.»

» Опяшь! безъ чорша шаки нельзя обойшись! Грѣхъ вамъ, ей Богу грѣхъ, Иванъ Никифоровичъ!»

» Какъ же вы въ самомъ дѣлѣ, Иванъ Ивановичъ, даете за ружье, чоршъ знаешъ что шакое: свиною.»

» Опъ чего же она, чоршъ знаешъ что шакое, Иванъ Никифоровичъ?»

» Какъ же вы бы сами посудили хорошенько. Эшо шаки ружье — вещь извѣстная; а по чоршъ знаешъ что шакое: свинья. Если бы не вы говорили, я бы могъ эшо приняшь въ обидную для себя сторону.»

» Что жъ нехорошаго замѣшили вы въ свиньѣ?»

» За кого же въ самомъ дѣлѣ вы принимаете меня? чшобъ я свиною...»

» Садись, садись! не буду уже... Пущь вамъ оснаешся ваше ружье, пускай себѣ сгниешъ и перержавѣешъ сшоя въ углу въ коморѣ — не хочу больше говоришь о немъ.»

Послѣ этого послѣдовало молчаніе.

» Говоряшъ, « началъ Иванъ Ивановичъ :
» что при Короля объявили войну Царю
нашему. «

» Да, говорилъ мнѣ Пешръ Федоровичъ ;
что жъ это за война? и ошъ чего она? «

» Навѣрное не можно сказашъ, Иванъ
Никифоровичъ, за что она. Я полагаю,
что Короли хошашъ, чтобы мы все при-
няли Турецкую вѣру. «

» Вишь дурни чего захошѣли! « произ-
несъ Иванъ Никифоровичъ, приподнявши
голову.

» Вошъ видите, а Царь нашъ и объя-
вилъ имъ за шо войну. Нѣшъ, говоришъ,
примите вы сами вѣру Хриштову! «

» Что жъ? вѣдъ наши побьюшъ ихъ,
Иванъ Ивановичъ! «

» Побьюшъ. Такъ не хошите, Иванъ
Никифоровичъ, мѣнять ружьца? «

» Мнѣ спранно, Иванъ Ивановичъ, вы
кажешся человекъ извѣстный ученосшю,
а говорише какъ недоросль. Чшобы я за
дуракъ шакой... «

» Садись, садись. Богъ съ нимъ! пусть оно себѣ околѣшетъ; не буду больше говорить!...»

Въ это время принесли закуску.

Иванъ Ивановичъ вынулъ рюмку и закусилъ пирогомъ съ смѣшаною. »Слушайте, Иванъ Никифоровичъ. Я вамъ дамъ кромѣ свиньи еще два мѣшка овса, вѣдь овса вы не сѣяли. Эшошъ годъ, все равно, вамъ нужно будешъ покупашъ овесъ.»

» Ей Богу, Иванъ Ивановичъ, съ вами говоришь нужно гороху наѣвшись. (Эшо еще ничего, Иванъ Никифоровичъ и не такія фразы опускаешъ.) Гдѣ видано, чшобы кшо ружье промѣняль на два мѣшка овса? Небось, бекеши своей не посшавише.»

» Но вы позабыли, Иванъ Никифоровичъ, что я и свинью еще даю вамъ.»

» Какъ! два мѣшка овса и свинью за ружье? «

» Да чшо жъ, развѣ мало? «

» За ружье? «

» Конечно за ружье.»

» Два мѣшка за ружье? «

« Два мѣшка не пущыхъ, а съ овсомъ; а свинью позабыли? »

« Поцѣлуйшесь съ своею свиньею, а коли не хошише, шакъ съ чоршомъ! »

« О! васъ зацѣни шолько! Увидише: нашигуюшь вамъ на шомъ свѣшѣ языкъ горячими иголками за шакія богомерзскія слова. Послѣ разговору съ вами нужно и лице и руки умышь и самому окуришься. »

« Позвольше, Иванъ Ивановичъ; ружье вещь благородная, самая любопытная забава, приномъ и украшеніе въ комнашѣ пріятное... »

« Вы, Иванъ Никифоровичъ, разошлись шакъ съ своимъ ружьемъ, какъ *дурень съ писанною торбою*, » сказалъ Иванъ Ивановичъ съ досадою, пошому что дѣйствительно начиналъ уже сердиться.

« А вы, Иванъ Ивановичъ, насшоящій гусакъ. » (*)

Если бы Иванъ Никифоровичъ не сказалъ эшого слова, то они бы поспорили между собою и разошлись, какъ всегда, пріятелями; но шеперь произошло совсѣмъ

* Т. е. гусь самецъ.

другое. Иванъ Ивановичъ весь всенхнулъ.

» Чшо вы шакое сказали, Иванъ Пикнфоровичъ? « спросилъ онъ, возвысивъ голосъ.

» Я сказалъ, чшо вы похожи на гусака, Иванъ Ивановичъ! «

» Какъ же вы смѣли, сударь, позабывъ и приличіе и уваженіе къ чину и фамиліи человѣка, обезчестить шакимъ поноснымъ именемъ? «

» Чшо жъ шунъ поноснаго? Да чого вы въ самомъ дѣлѣ шакъ размахались руками, Иванъ Ивановичъ! «

» Я повшоряю, какъ вы осмѣлились, въ прошивносшь всѣхъ приличій, назвашъ меня гусакомъ? «

» Начхашъ я вамъ на голову, Иванъ Ивановичъ! Чшо вы шакъ раскудахталесь. «

Иванъ Ивановичъ не могъ болѣе владѣшь собою: губы его дрожали; рошь измѣнилъ обыкновенное положеніе *ужицы*, а сдѣлался похожимъ на *О*; глазами онъ шакъ мигалъ, чшо сдѣлалось спрашно. Эшо было у Ивана Ивановича чрезвычайно рѣдко.

Нужно было для этого его сильно разсердишь. » Такъ я жъ вамъ объявляю, « произнесъ Иванъ Ивановичъ, » что я знаю васъ не хочу. «

» Большая бѣда! ей Богу не заплачу ошь этого! « ошвѣчалъ Иванъ Никифоровичъ. Лгаль, лгаль, ей Богу лгаль! ему очень было досадно эшо.

» Нога моя не будешь у васъ въ домъ. «

» Эге, ге! « сказалъ Иванъ Никифоровичъ, съ досады не зная самъ что дѣлать и прошивъ обыкновенія вшивы на ноги. » Ей баба, хлопче! « При семъ показала изъ-за дверей ша самая пощая баба и небольшого роста мальчикъ, запушанный въ длинный и широкій сюршукъ. » Возьмише Ивана Ивановича за руки, да выведише его за двери! «

» Какъ! Дворянина? « закричалъ съ чувствомъ досшоннешва и негодованія Иванъ Ивановичъ. » Осмѣльшесь шолько! подступише! я васъ уничшожу съ глупымъ вашимъ паномъ! Воронъ не найдешь мѣсна вашего! « (Иванъ Ивановичъ говорилъ необыкновенно сильно, когда душа его

бывала пошрясена.) Вся группа представляла сильную каршину: Иванъ Никифоровичъ, сшоявшій посреди комнашы въ полной красощь своей безъ всякаго украшенія! Баба, разинувшая рошь и выразившая на лицѣ самую безсмысленную, исполненную сшраха мину! Иванъ Ивановичъ съ подняшою вверхъ рукою, какъ изображались Римскіе Трибуны! Эшо была необыкновенная минуша! Спекшакль великолѣпный! и между шѣмъ шолько одинъ былъ зришелемъ: эшо былъ мальчикъ въ неизмѣримомъ сюршукѣ, кошорый сшоялъ довольно покойно и чишилъ пальцемъ своей носъ.

Наконецъ Иванъ Ивановичъ взялъ шапку свою. » Очень хорошо посшупаете вы, Иванъ Никифоровичъ! прекрасно! Я эшо припомню вамъ. «

» Сшупайте, Иванъ Ивановичъ, сшупайте! да глядите, не попадайтесь мнѣ: а не шо я вамъ, Иванъ Ивановичъ, всю морду побью! «

» Вошь вамъ за эшо, Иванъ Никифоровичъ! « ошвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, вы-

сшавивъ ему кукишь и хлопнувъ за собою
дверью, кошорая съ визгомъ захрипѣла и
отворилась снова. Иванъ Никифоровичъ
показался въ дверяхъ и что-то хотѣлъ
присовокупить, но Иванъ Ивановичъ уже
не оглядывался и лешѣлъ со двора.

Г Л А В А ІІІ.

Что произошло послѣ ссоры Івана Івановича съ Іваномъ Никифоровичемъ?

И шакъ два почтенные мужа, честь и украшеніе Миргорода, поссорились между собою! и за что? за вздоръ, за гусака. Не захошѣли видѣть другъ друга, прервали всѣ связи, между шѣмъ какъ прежде были извѣсны за самыхъ неразлучныхъ друзей! Каждый день, бывало, Іванъ Івановичъ и Іванъ Никифоровичъ посылають другъ

къ другу узнать о здоровьи и часно перетоваривающа другъ съ другомъ съ своихъ балконовъ и говорящъ другъ другу шакія пріяшнія рѣчи, что сердцу любо слушашъ было. По воскреснымъ днямъ, бывало, Иванъ Ивановичъ въ шшамешовой бекешѣ, Иванъ Никифоровичъ въ нанковомъ желшо-коричневомъ казакинѣ опшправляюща почши обь руку другъ съ другомъ въ церковь. И если Иванъ Ивановичъ, кошорый имѣлъ глаза чрезвычайно зоркіе, первый замѣчалъ лужу, или какую нибудь нечистоту посреди улицы, что бываешъ иногда въ Миргородѣ, то всегда говорилъ Ивану Никифоровичу: » берегись, не спушишъ сюда ногою, ибо здѣсь нехорошо.« Иванъ Никифоровичъ съ своей спороны показывалъ шоже самые шроташельные знаки дружбы и гдѣ бы не шшоялъ далеко, всегда прощиянешъ къ Ивану Ивановичу руку съ рожкомъ, примолвивши: » одождайшесь!« А какое прекрасное хозяйштво у обоихъ!... и эши два друга... Когда я услышалъ обь эшомъ, шо меня какъ громомъ поразило! Я долго не хошѣлъ вѣришь: Боже правед-

ный! Иванъ Ивановичъ поссорился съ Ивановъ Никифоровичемъ! Такіе доспойные люди! Чшо жъ шеперь прочно на эшомъ свѣшъ?

Когда Иванъ Ивановичъ пришелъ къ себѣ домой, шо долго былъ въ сильномъ волненіи. Онъ бывало прежде всего зайдешъ въ конюшню посмошрѣшь, бешъ ли кобылка сѣно (у Ивана Ивановича кобылка саврасая съ лысинкой на лбу. Хорошая очень лошадка); пошомъ покормишь индѣекъ и поросенковъ изъ своихъ рукъ и шогда уже идешъ въ покои, гдѣ, или дѣлаешъ деревянную посуду (онъ очень искусно, не хуже шокаря, умѣешъ выдѣлывать разныя вещи изъ дерева), или чишаешъ книжку, печашанную у Любія Гарія и Попова (названія ея Иванъ Ивановичъ не помнишь пошому, чшо дѣвка уже очень давно ошорвала верхнюю часть заглавнаго лисшка, забавляя дшя), или же опдыхаешъ подѣ навѣсомъ. Теперь же онъ не взялся ни за одно изъ всегдашнихъ своихъ занятій. Но вмѣсто шого, встрѣпивши Гапку, началъ бранишь, зачѣмъ она шашается

безъ дѣла, между шѣмъ, какъ она шацила крупу въ кухню; кинулъ палкой въ пѣшуха, кошорый пришелъ къ крыльцу за обыкновенной подачей; и когда подбѣжалъ къ нему запачканный мальчишка въ изодранной рубашенкѣ, и закричалъ: »пяшя, пяшя, дай пряника!« то онъ ему такъ страшно пригрозилъ, и зашопалъ ногами, что испуганный мальчишка забѣжалъ, Богъ знаетъ куда.

Наконецъ однако жъ онъ одумался и началъ занимашься всегдашними дѣлами. Поздо спалъ онъ обѣдашь и уже въ вечеру почши, легъ ошдыхашъ подъ навѣсомъ. Хорошій борщъ съ голубями, кошорый сварила Гапка, выгналъ совершенно ушреннее происшествіе. Иванъ Ивановичъ опяшь началъ съ удовольствіемъ размашривашъ свое хозяйство. Наконецъ ошановилъ глаза на соседнемъ дворѣ и сказалъ самъ себѣ: »Сего дня я не былъ у Ивана Никифоровича. Пойду-ка къ нему.« Сказавши это, Иванъ Ивановичъ взялъ палку и шапку и ошправился на улицу; но едва щолько вышелъ за ворота, какъ вспомнилъ ссору,

плюнулъ и возвратился назадъ. Почти такое же движеніе случилось и на дворѣ Ивана Никифоровича. Иванъ Ивановичъ видѣлъ, какъ баба уже поставила ногу на плешень съ намѣреніемъ перелѣзшь въ его дворъ, какъ вдругъ послышался голосъ Ивана Никифоровича: »назадъ! назадъ! не-нужно!« Однако жъ Ивану Ивановичу сдѣлалось очень скучно. Весьма могло бытъ, что сіи досшойные люди на другой же бы день помирились, если бы особенное про-ншесшвіе въ домѣ Ивана Ивановича не уничтожило всякую надежду и не подлило масла въ топшый погаснушь огонь вражды.

Къ Ивану Никифоровичу ввечеру шого же дня пріѣхала Агафія Федосѣевна. Агафія Федосѣевна не была ни родешвенницей, ни свояченицей, ни даже кумой Ивану Ни-кифоровичу. Казалось бы совершенно ей не за чѣмъ было къ нему ѣздишь, и онъ самъ былъ не слишкомъ ей радъ; однако жъ она ѣздила и проживала у него по цѣлымъ недѣлямъ, а иногда и болѣе. Тогда она ошбирала ключи и весь домъ брала на свои руки. Эшо было очень непріятно Ивану

Никифоровичу, однако жъ онъ, къ удивленію, слушалъ ее, какъ ребенокъ, и хотя иногда и пышался спорить, но всегда Агафія Федосѣевна брала верхъ.

Я признаюсь, не понимаю, для чего это такъ устроено, что женщины хватають насъ за носъ, также ловко, какъ будто за ручку чайника? Или руки ихъ такъ созданы, или носы наши ни на что болѣе не годящяся. И не смотря, что носъ Ивана Никифоровича былъ нѣсколько похожъ на сливу, однако жъ она схватила его за этошъ носъ и водила за собою, какъ собачку. Онъ даже измѣнилъ при ней, невольно, обыкновенный свой образъ жизни: не такъ долго лежалъ на солнцѣ, если же и лежалъ, то не въ накурѣ, а всегда надѣвалъ рубашку и шаравары, хотя Агафія Федосѣевна совершенно этого не требовала. Она была неохотница до церемоній, и когда у Ивана Никифоровича была лихорадка, она сама своими руками выширала его съ ногъ до головы скинцдаромъ и укусомъ. Агафія Федосѣевна носила на головѣ чепецъ, при бородавки на носу и

кофейный капюшъ съ желшинькими пвѣшами. Весь снанъ ея похожъ былъ на кадушку, и онъ того ошыкашь ея шалію было шакже шрудно, какъ увидѣшь безъ зеркала свой носъ. Ножки ея были коротенькія, сформированныя на образецъ двухъ подушекъ. Она силешничала и ѣла вареные бураки по ушрамъ, и ошлично хорошо ругалась — и при всѣхъ эшихъ разнообразныхъ заняшійхъ лицо ея ни на минушу не измѣняло своего выраженія, что обыкновенно могушь показывать одиѣ шолько женщины.

Какъ шолько она пріѣхала, все пошло на выворонъ : » Ты, Иванъ Никифоровичъ, не мирись съ нимъ и не проси прощенія : онъ шебя погубишь хочешъ, эшо шаковекій человекъ! Ты его еще не знаешъ.« Шушукала, шушукала проклятая баба и сдѣлала шо, что Иванъ Никифоровичъ и слышашъ не хощѣлъ объ Иванѣ Ивановичѣ.

Все приняло другой видъ : еели сосѣдняя собака зашѣсалась когда на дворъ, шо ее колошили, чѣмъ ни попало; ребяшишки, перелазившіе черезъ заборъ, возвращались

съ воплемъ , съ подняшыми вверху руба-
шенками и съ знаками розгъ на спиць.
Даже самая баба , когда Иванъ Ивановичъ
хошѣль-было ее спросишь о чемъ-шо , сдѣ-
лала шакую непристойность , что Иванъ
Ивановичъ , какъ человекъ чрезвычайно
деликатный , плюнулъ и примолвилъ толь-
ко: »Экая скверная баба! хуже своего пана!«

Наконецъ , къ довершенію всѣхъ оскор-
бленій , ненавистный сосѣдъ выспроилъ
прямо прошивъ него , гдѣ обыкновенно
былъ перелазъ черезъ плешень , гусиный
хлѣвъ , какъ будшо съ особеннымъ намѣ-
реніемъ усугубишь оскорбленіе. Эшошь
ошврашительный для Ивана Ивановича
хлѣвъ выспроенъ былъ съ дьявольскою
скоростью : въ одинъ день.

Эшо возбудило въ Иванъ Ивановичѣ
злосшь и желаніе ошомснись. Онъ не по-
казаль однако жъ никакого вида огорченія,
не смощря на шо , что хлѣвъ даже захва-
шилъ часшь его земли ; но сердце у него
такъ билось , что ему было чрезвычайно
шрудно сохраняшь эшо наружное спокой-
ствіе.

Такъ провелъ онъ день. Насшала ночь...
О если бѣ я былъ живописецъ, я бы чудно
изобразилъ всю прелестъ ночи! Я бы изоб-
разилъ, какъ спишь весь Миргородъ; какъ
неподвижно глядяшъ на него безчисленныя
звѣзды; какъ видимая шишина оглашаешя
близкимъ и далекимъ лаемъ собакъ; какъ
мимо ихъ несешя влюбленный понамарь
и перелазишь чрезъ плешень съ рыцарскою
безспрашносною; какъ бѣлыя снѣжны до-
мовъ, охваченныя луннымъ свѣтомъ, сна-
новяшя бѣлѣ, осѣняющіе ихъ деревья
шемнѣ, шѣнь онъ деревъ ложишя чер-
вѣ, цвѣшны и умолкнувшя шрава души-
снѣ, и сверчки, неугомонныя рыцари
ночи, дружно со всѣхъ угловъ заводяшъ
свои шрескучія шѣни. Я бы изобразилъ,
какъ въ одномъ изъ эшихъ низенькихъ,
глиняныхъ домиковъ, размешавшейся на
одинокой посшелъ чернобровой горожанкѣ
съ дрожащими молодыми грудями, сншся
гусарскій усъ и шпоры, а свѣшъ луны
смѣшя на ея щекахъ. Я бы изобразилъ,
какъ по бѣлой дорогѣ мелькаешъ черная
шѣнь лешучей мыши, сядящейся на бѣлыя

шruby домовъ . . . Но врядь ли бы я могъ изобразить Ивана Ивановича , вышедшаго въ эту ночь съ пилою въ рукѣ . Сполько на лицѣ у него было написано разныхъ чувствъ ! Тихо , тихо подкрался онъ и подлѣзъ подъ гусиный хлѣвъ . Собаки Ивана Никифоровича еще ничего не знали о ссорѣ между ними , и пошому позволили ему , какъ шарому пріятелю , подойти къ хлѣву , кошорый весь держался на чешырехъ дубовыхъ шолбахъ ; подлѣзши къ ближнему шолбу , присаавилъ онъ къ нему пилу и началъ пилишь . Шумъ , производимый пилою , заспалялъ его поминушно оглядывашься ; но мысль объ обидѣ возвращала бодрость . Первый шолбъ былъ подпилень ; Иванъ Ивановичъ принялся за другой . Глаза его горѣли и ничего не видали ошъ страха . Вдругъ Иванъ Ивановичъ вскрикнулъ и обомлѣлъ : ему показался мершвецъ ; но скоро онъ пришелъ въ себя , увидѣвши , что это былъ гусь , просунувшій къ нему свою шею . Иванъ Ивановичъ плюнулъ ошъ негодованія и началъ продолжашь работу . И вшорой шолбъ подпилень : зданіе

пошашнулось. Сердце у Ивана Ивановича начало шакъ спрашно бишься, когда онъ принялся за шрешій, что онъ нѣсколько разъ прекращалъ работу; уже болѣе половины его было подпилено, какъ вдругъ шашкое зданіе сильно покачнулось... Иванъ Ивановичъ едва успѣлъ ошкочить, какъ оно рухнуло съ шрескомъ. Схващивши шилу, въ спрашномъ испугѣ, прибѣжалъ онъ домой и бросился на кровать, не имѣя даже духа поглядѣть въ окно на слѣдствія своего страшнаго дѣла. Ему казалось, что весь дворъ Ивана Никифоровича собрался: старая баба, Иванъ Никифоровичъ, мальчикъ въ безконечномъ сюршукѣ, всѣ съ дреколями, предводительшесшваемые Агафіей Федосѣевной, шли раззоряшь и ломать его домъ.

Весь слѣдующій день провелъ Иванъ Ивановичъ какъ въ лихорадкѣ. Ему все чудилось, что ненависшный сосѣдъ въ ошмщеніе за это по крайней мѣрѣ подозжешъ домъ его. И пошому онъ далъ повелѣніе Гапкѣ, поминушно обешашривать вездѣ, не подложено ли гдѣ нибудь сухой соломы.

Наконецъ, чшобы предупредишь Ивана Никифоровича, онъ рѣшился забѣжать зайцемъ впередъ и подашь на него проше-
ніе въ Миргородскій Повѣшовой Судъ. Въ
чемъ оно состояло, объ этомъ можно
узнать изъ слѣдующей главы.

ГЛАВА IV.

---

*О томъ, что произошло въ Присутствіи
Миргородскаго Повѣтоваго Суда.*

Чудный городъ Миргородъ! Какихъ въ немъ нѣтъ спроченій! И подь соломенною, и подь очерешною, даже подь деревянною крышею; направо улица, налѣво улица, вездѣ прекрасный плешень; по немъ вѣшся хмѣль, на немъ висящъ горшки, изъ - за него подсолнечникъ выказываетъ свою солнцеобразную голову, краснѣетъ макъ,

мелькающъ шолешныя пыквы. . . . Роскошь! Плешень всегда убранъ предметами, кошорые дѣлающъ его еще болѣе живописнымъ: или напяленою плахшою, или сорочкою, или шароварами. Въ Миргородѣ нѣтъ ни воровешва, ни мошенничешва, и пошому каждый вѣшаетъ, что ему вздумается. Если будете подходить къ площади, то вѣрно на время остановишесь полюбовашься видомъ: на ней находишся лужа, удивительная лужа! единственная, какую только вамъ удавалось когда видѣть! Она занимаешъ почти всю площадь. Прекрасная лужа! Дома и домики, кошорые издали можно примять за конны сѣна, обешупивши вокругъ, дивяшся красонѣ ея.

Но я шѣхъ мыслей, что нѣтъ лучше дома, какъ Повѣшовый Судъ. Дубовый ли онъ, или березовый, мнѣ нѣтъ дѣла; но въ немъ, милосшивые государи, восемь окошекъ! восемь окошекъ въ рядъ, прямо на площадь, и на шо водное пространство, о кошоромъ я уже говорилъ и кошорое городничій называетъ озеромъ! Одинъ только онъ окрашенъ цѣшномъ

граница: прочіе всѣ дома въ Миргородѣ просто выбѣлены. Крыша на немъ вся деревянная, и была бы даже выкрашена красною краскою, если бы пригошовленное для того масло, канцелярскіе, приправивши лукомъ, не съѣли, что было какъ нарочно во время поета, и крыша ошалась некрашеною. На площадь вышупаетъ крыльцо, на кошоромъ часто бѣгають куры, онъ того, что на крыльцѣ всегда почши разсыпаны крупы, или что нибудь съѣстное, что впрочемъ дѣлается не нарочно, но единственно онъ неоспорожности просителей. Онъ раздѣленъ на двѣ половины: въ одной *присутствіе*, въ другой *арестантская*. Въ той половинѣ, гдѣ присутствіе, находящаяся двѣ комнаты чистыя, выбѣленные; одна передняя для просителей; въ другой столъ, убраный чернильными пятнами. На немъ Зерцало. Четыре стула дубовые съ высокими спинками; возлѣ стѣны сундуки, кованые желѣзомъ, въ кошорыхъ сохранялись кны Повековой ябеды. На одномъ изъ этихъ сундуковъ стоялъ тогда сапогъ, вычищенный ваксою.

Приушешвіе началось еще съ ушра. Судья довольно полный человекъ, хотя нѣсколько пошѣ Ивана Никифоровича, съ доброю миною, въ замасленномъ халашѣ, съ шрубкою и чашкою чаю, разговариваль съ подсудкомъ. У судьи губы находились подъ самымъ носомъ, и ошъ шого носъ его могъ нюхашъ верхнюю губу, сколько душѣ угодно было. Эша губа служила ему вмѣсто шабакерки, пошому чшо шабакъ, адресуемый въ носъ, почши всегда сѣялся на нее. И шакъ судья разговариваль съ подсудкомъ. Босая дѣвка держала въ шпоронѣ поднось съ чашками.

Въ концѣ шшала секретарь чшталъ рѣшеніе дѣла, но шакимъ однообразнымъ и ушывнымъ шшномъ, чшо самъ подеудимый заснулъ бы слушаая. Судья, безъ сомнѣнія, эшо бы сдѣлаль прежде всѣхъ, если бы не вошелъ въ занимашельный между шѣмъ разговоръ.

» Я нарочно спарался узнать, « говориль судья, прихлебывая чай уже съ проспывшей чашки: » какимъ образомъ эшо дѣлаешся, чшо они поюшъ хорошо. У меня

быль славный дроздь, года два шому назадъ. Чшо жъ? вдругъ испорчился совѣмъ. Началь пѣшь Богъ знаешь что. Чѣмъ далѣе хуже, хуже, спаль каршавѣшь, хрипѣшь, хошь выбрось! А вѣдь самый вздоръ! это вошь онъ чего дѣлаешся: подъ горлышкомъ дѣлаешся бобонъ, меньше горошинки. Эшошь бобончикъ нужно шолько проколешь иголкою. Меня научилъ эшому Захаръ Прокофьевичъ, и именно, если хошите, я вамъ разекажу, какимъ это было образомъ: прѣзжаю я къ нему . . . . «

» Прикажете, Демьянъ Демьяновичъ, читайшь другое? « прервалъ секретарь, уже нѣсколько минушь какъ окончившій чшеніе.

» А вы уже прочивали? Предсавѣте, какъ скоро! Я и не услывшалъ ничего! Да гдѣ жъ оно? дайше его сюда, я подпишу. Чшо тамъ еще у васъ? «

» Дѣло казака Бокимъка о краденой коровѣ. «

» Хорошо, читайше! Да, шакъ прѣзжаю я къ нему... Я могу даже разеказашъ вамъ подробно, какъ онъ угосилъ меня. Къ водкѣ былъ поданъ балыкъ, единешвенный!

Да, не нашего балыка, кошорымъ « при эпомъ судья едѣлалъ языкомъ и улыбулся, причемъ носъ понюхалъ свою всегдашнюю шабакерку, » кошорымъ угощаешъ наша бакалейная Миргородская лавка. Следки я не ѣлъ, пошому чшо, какъ вы сами знаеше, у меня ошъ нее дѣлаешся ижога подь ложечкою. Но икры ошвѣдалъ; прекрасная икра! нечего сказашъ, опличная! Пошомъ вышилъ я водки персиковой, насюянной на золошошысячникъ. Была и шафранная; но шафранной, какъ вы сами знаеше, я не упошребляю. Оно, виднише, очень хорошо: напередъ, какъ говорашъ, раззадорить апешить, а пошомъ уже завершить.... А! слыхомъ слыхашъ, видомъ видашъ.... « вскричалъ вдругъ судья, увидѣвъ входящаго Ивана Ивановича.

» Богъ въ помощь! желаю здравствования! « произнесъ Иванъ Ивановичъ, поклонившись на все стороны съ своейсбенною ему одному пріяиностію. Боже мой, какъ онъ умѣлъ обворожить всехъ своимъ обращеніемъ! Тонкосни никакой я нигдѣ не видывалъ. Онъ зналъ очень хорошо самъ

свое достоинство и пошому на всеобщее почтение сморъль, какъ на должное. Судья самъ подаль спуль Ивану Ивановичу, носъ его пошянулъ съ верхней губы весь шабакъ, что всегда было у него знакомъ большаго удовольствія.

» Чѣмъ прикажете подчивашь васъ, Иванъ Ивановичъ? « спросилъ онъ. » Не прикажете ли чашку чаю? «

» Нѣшъ, весьма благодарю «, ошвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, поклонился и сѣлъ.

» Сдѣлайте милосшь, одну чашечку! « повшорилъ судья.

» Нѣшъ, благодарю. Весьма доволенъ гощепрїимствомъ! « ошвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, поклонился и сѣлъ.

» Одну чашку «, повшорилъ судья.

» Нѣшъ, не беспокойшесь, Демьянъ Демьяновичъ! « При эшомъ Иванъ Ивановичъ поклонился и сѣлъ.

» Чашечку? «

» Ужъ шакъ и бышь, развѣ чашечку! « произнесъ Иванъ Ивановичъ и прошянулъ руку къ подносу.

Господи Боже! какая бездна шонкосни бываешъ у челоуѣка! Нельзя разскаашъ, какое пріятное вичашлѣніе производяшъ шакіе поешупки!

» Не прикажеше ли еше чашечку? «

» Покорно благодарешвую «, опшвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, спашя на подносу опрокинушую чашку и кланяеш.

» Сдѣлайше одолженіе, Иванъ Ивановичъ! «

» Не могу. Весьма благодаренъ. « При эшомъ Иванъ Ивановичъ поклонилеш и сѣлъ.

» Иванъ Ивановичъ! сдѣлайше дружбу, одну чашечку! «

» Нѣшъ, весьма обязанъ за угощеніе. « Сказавши эшо, Иванъ Ивановичъ поклонилеш и сѣлъ.

» Только чашечку! одну чашечку! «

Иванъ Ивановичъ прошинулъ руку къ подносу и взялъ чашку.

Фу шы пронаешъ! какъ можешъ, какъ найдешеш челоуѣкъ поддержашъ свое доешоинешво!

» Я, Демьянъ Демьяновичъ, « говорилъ Иванъ Ивановичъ, допивая послѣдній гло-

шокъ : » я къ вамъ имѣю необходимое дѣло : я подаю позовъ. « При этомъ Иванъ Ивановичъ посшавилъ чашку и вынулъ изъ кармана написанный гербовый листъ бумаги. » Позовъ на врага своего , на закляшаго врага. «

» На кого же это? «

» На Ивана Никифоровича Довгочхуна. «

При этихъ словахъ судья чуть не упалъ со стула. » Чшо вы говорише! « произнесъ онъ, всплеснувъ руками: » Иванъ Ивановичъ! вы ли это? «

» Видише сами, чшо я. «

» Господь съ вами и всѣ свяшые! Какъ! вы! Иванъ Ивановичъ! спали неприяшелемъ Ивану Никифоровичу! Ваши ли это уста говоряшь? повшорише еще! Да не спряшался ли у васъ кто нибудь сзади и говоришь вмѣсто васъ?... «

» Чшо жъ шущъ невѣрояшнаго. Я не могу смошрѣшь на него; онъ нанесъ мнѣ смершную обиду, оскорбилъ чесшь мою. «

» Пресвяшая Троица! какъ же мнѣ теперь увѣришь машушку! А она, спарушка, каждый день, какъ шолько мы поссоримся

съ сеспрою, говоришь: вы, дѣшки, живеше между собою, какъ собаки. Хошь бы вы взяли примѣръ съ Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича. Вошь ужь друзья, шакъ друзья! шо-шо пріятели! шо-шо досшойные люди! — Вошь шебѣ и пріятели! Расскажише, за что же эшо? какъ?»

» Эшо дѣло деликашное, Демьянъ Демьяновичъ! на словахъ его нельзя рассказашь. Прикажише лучше прочитайше просьбу. Вошь, возьмише съ эшой спороны, здѣсь приличнѣе.

» Прочитайше, Тарасъ Тихоновичъ! «сказаль судья, оборотившись къ секретарю.

Тарасъ Тихоновичъ взяль просьбу, и выморкавшись шакимъ образомъ, какъ сморкаюшь всѣ секретари по Повѣшовымъ Судамъ, съ помощію двухъ пальцевъ, началъ чишашь:

Опъ дворянина Миргородскаго повѣша и помѣщика Ивана Иванова сына Перерепенка прошеніе; а о чемъ, шому слѣдуюшь пункшы:

1). Извѣсшый всему свѣшу своими богопрошвными, въ омерзѣніе приводя-

щими и всякую мѣру превышающими законопресшупными пошшупками, дворянинъ Иванъ Никифоровъ, сынъ Довгочхунъ, сего 1810 года Юля 7 дня учинилъ мнѣ смершельную обиду, какъ персонально до чесши моей опносящуюся, шакъ равномѣрно въ уничиженіе и конфузію чина моего и фамиліи. Оный дворянинъ и самъ пришомъ гнуснаго вида, характеръ имѣешь бранчивый и преисполненъ разнаго рода богохуленіями и бранными словами! «

Тутъ чшець немного осшановилъся, чшобы снова вышморкашься, а судья съ благоговѣніемъ сложилъ руки и шолько говорилъ про себя: »чшо за бойкое перо! Господи Боже, какъ пишешъ эшопшъ человекъ! «

Иванъ Ивановичъ просилъ чшашать далѣе и Тарасъ Тихоновичъ продолжалъ :

Оный дворянинъ, Иванъ Никифоровъ сынъ Довгочхунъ, когда я пришелъ къ нему съ дружескими предложеніями, назвалъ меня публично обиднымъ и поноснымъ для чесши моей именемъ, а именно *гусакомъ*, шогда какъ извѣшно всему Миргородскому повѣшу, чшо симъ гнуснымъ живопшнымъ

я никогда опинюдь не именовался и впредь именовашься не намѣрень. Доказашельсшвомъ же дворянскаго моего происхожденія ешь шо, что въ мешрической книгѣ, находящейся въ церкви *Трехъ Святителей*, записанъ какъ день моего рожденія, шакъ равномѣрно и полученное мною крещеніе. *Гусакъ* же, какъ извѣшно всѣмъ, кшо сколько нибудь свѣдушь въ наукахъ, не можешъ бышь записанъ въ мешрической книгѣ; ибо *гусакъ* ешь не человекъ, а шица, что уже всякому, даже небывавшему въ Семинаріи, досшовѣрно извѣшно. Но оный злокачешвенный дворянинъ, будучи обо всемъ эшомъ свѣдушь, не для чего инаго, какъ чтобы нанесъ смершельную для моего чина и званія обиду, обругалъ меня онымъ гнуенымъ словомъ.

2). Сей же самый неблагоприсшойный и неприличный дворянинъ посягнулъ пришомъ на мою родовую, полученную мною послѣ родишеля моего, сосшоявшаго въ духовномъ званіи, блаженной памяти Ивана Онисіева сына Перерепенка, собешвенношь, шѣмъ, что въ прошивношь вся-

кимъ законамъ, перенесъ совершенно насупрошивъ моего крыльца гусиной хлѣвъ, чшо дѣлалось не съ инымъ какимъ намѣреніемъ, какъ чшобъ усугубишь нанесенную мнѣ обиду; ибо оный хлѣвъ стоялъ до сего въ изрядномъ мѣсѣ и довольно еще былъ крѣпокъ. Но омерзительное намѣреніе вышеупомянутаго дворянина состояло единешвенно въ томъ, чшобы учишишь меня свидѣтелемъ непристойныхъ пассажей; ибо извѣстно, чшо всякой чловѣкъ не пойдетъ въ хлѣвъ, шѣмъ паче въ гусиной, для приличнаго дѣла. При шакомъ прошивузаконномъ дѣйствіи, двѣ переднія сохи захвашили собственную мою землю, дославшуюся мнѣ еще при жизни ошъ родителя моего, блаженной памяти Ивана Онисіева сына Перерепенка, начинавшуюся ошъ амбара и прямою линіей до самага шого мѣша, гдѣ бабы моюшь горшки.

3). Вышеизображенный дворянинъ, котораго уже самое имя и фамилія внушаешъ всякое омерзѣніе, пишаешъ въ душѣ злоешнее намѣреніе поджечь меня въ собственномъ домѣ. Нессомнѣнные чему признаки

изъ нижеслѣдующаго явешвуюющъ : во 1-хъ, оный злокачественный дворянинъ началъ выходить часшо изъ своихъ покоевъ , чего прежде никогда , по причинѣ своей лѣно-еши и гнусной шучности шѣла , не предпринималъ ; во 2-хъ, въ людской его, при-мыкающей о самый заборъ , ограждающій мою собешвенную , полученную мною ошъ покойнаго родишеля моего , блаженной па-мяши Ивана Онисіева сына Перерепенка , землю , ежедневно и въ необычайной про-должишельности горитъ свѣшъ , чшо уже явное ешъ къ шому доказашельшво , ибо до сего , по скаредной его скупосши , всегда не шолько салная свѣча , но даже каганецъ былъ пошущаемъ .

И пошому прошу онаго дворянина Ивана Никифорова сына Довгочхуна , яко повиннаго въ зажигашельшвѣ , въ оскорбленіи моего чина , имени и фамиліи и въ хищническомъ присвоеніи собешвенности , а паче всего въ подломъ и предосудительномъ присовокупленіи къ фамиліи моей названія *Гусака* , ко взысканію шшрафа , удовлешворенія , прошорей и убышковъ

присудишь, и самага, яко нарушишеля, въ кандалы забишь и заковавши въ городскую пюрьму препроводишь и по сему моему прошенію, рѣшеніе немедленно и неукоснительно учинишь. Писаль и сочи- няль дворянинъ, Миргородскій помѣщикъ Иванъ Ивановъ сынъ Перерепенко.

По проченіи просьбы, судья прибли- зился къ Ивану Ивановичу, взялъ его за пуговицу, и началъ говорить ему почши такимъ образомъ: » Чшо это вы дѣлаете, Иванъ Ивановичъ? Бога бойшесь! бросьте просьбу, пусть она пропадаетъ! (самана приснишь ей!) Возьмишесь лучше съ Ива- номъ Никифоровичемъ за руки, да поцѣ- луйшесь, да купите Саншуринскаго, или Никопольскаго, или хошь просто сдѣлайте пуншику, да позовите меня! Разошьемъ вмѣстѣ и позабудемъ все! «

» Нѣтъ, Демьянъ Демьяновичъ! не такое дѣло, « сказалъ Иванъ Ивановичъ съ важ- носшію, кошорая шакъ всегда шла къ нему. » Не шакое дѣло, чшобы можно было рѣ- шить полюбовною сдѣлкою. Прощайше! прощайше и вы, господа! « продолжалъ онъ

сь шюю же важношюю, оборотившись ко
всѣмъ. » Надѣюсь, что моя просьба возме-
мѣешь надлежащее дѣйствіе; « и ушелъ,
оснавивъ въ изумленіи все присушствіе.

Судья сидѣлъ, не говоря ни слова. Секретарь нюхалъ шабакъ, канцелярскіе опрокинули разбишый черенокъ бушылки, употребляемой вмѣсто чернильницы, и самъ судья въ разсѣянности разводилъ пальцемъ по столу чернильную лужу.

» Что вы скажете на это, Дорофей Трофимовичъ? « сказалъ судья, послѣ нѣшораго молчанія обратившись къ подсудку.

» Ничего не скажу, « отвѣчалъ подсудокъ.

» Экія дѣла дѣлаются! « продолжалъ судья. Не успѣлъ онъ этого сказать, какъ дверь зашрещала и передняя половина Ивана Никифоровича высадилась въ присушствіе; осшальная осшавалась еще въ передней. Появленіе Ивана Никифоровича и еще въ судѣ шакъ показалось необыкновеннымъ, что судья вскрикнулъ; секретарь прервалъ свое чшеніе. Одинъ канцеляристъ въ фризовомъ подобіи полуфрака, взялъ въ губы

перо; другой проглотилъ муху. Даже оп-
правлявшій должностъ фельдегера и эшо-
рожа, инвалидъ, кошорый до того стоялъ
у дверей почесывая въ своей грязной ру-
башкѣ, съ нашивкою на плечѣ, даже эшошъ
инвалидъ разинулъ ротъ и наспушилъ
кому-то на ногу.

» Какими судьбами! что и какъ? Какъ
здоровье ваше, Иванъ Никифоровичъ? «

Но Иванъ Никифоровичъ былъ ни живъ,
ни мершвъ, пошому что завязнулъ въ две-
ряхъ и не могъ сдѣлать ни шагу впередъ,
или назадъ. Напрасно судья кричалъ въ
переднюю, чтобы кто нибудь изъ нахо-
дившихся тамъ выперъ сзади Ивана Ни-
кифоровича въ присущешвенную залу. Въ
передней находилась одна шолько шаруха-
просишельница, кошорая, не смолря на
всѣ усилія своихъ косшисныхъ рукъ, ни-
чего не могла сдѣлать. Тогда одинъ изъ
канцелярекихъ съ толстыми губами, съ
широкими плечами, съ толстымъ носомъ,
глазами глядѣвшими скоса и пьяна, съ ра-
зодранными локтями, приближался къ пе-
редней половинѣ Ивана Никифоровича.

сложили ему обѣ руки на креслѣ, какъ ребенку, и мигнули шарому инвалиду, кошорый уперся своимъ колѣномъ въ брюхо Ивана Никифоровича, и не смотря на жалобные стоны, вышпенушъ онъ быть въ переднюю. Тогда оподвинули задвижки и отворили вшорую половинку дверей. При чемъ канцелярскій и его помощникъ, инвалидъ, отъ дружныхъ усилій дыханіемъ ушъ своихъ распроспранили шакой сильный запахъ, что комнаша приешешвія преврашилась было на время въ шшейный домъ.

» Не зашибли ли васъ, Иванъ Никифоровичъ? Я скажу машушкѣ, она пришлешъ вамъ наешойки, кошорою пошише только пояеницу и спину, и все пройдешъ. «

Но Иванъ Никифоровичъ повалился на шуль и кромѣ продолжишельныхъ *оховъ* ничего не могъ сказашъ. Наконецъ слабымъ, едва слышнымъ отъ ушалоеши голосомъ, произнесъ онъ: » не угодно ли? « и вынувши изъ кармана рожокъ, прибавилъ: » возьмише, одолжайшесь! «

» Всеьма радъ, чшо васъ вижу, « опвѣ-
чалъ судья. » Но все не могу предша-
винь себѣ, чшо заснавило васъ предпри-
няшь шрудъ и одолжишь насъ шакою при-
яшною нечаяношцію. «

» Съ просьбою . . . « могъ шолько про-
изнесъ Иванъ Никифоровичъ.

» Съ просьбою? съ какою? «

» Съ позвошь . . . « шущъ одышка произ-
вела долгую паузу » охъ! . . . съ позвошь на
мошенника . . . Ивана Иванова Перерепенка. «

» Господи! и вы шуда! шакіе рѣдкіе
друзья! Позовъ на шакого добродѣшель-
наго человѣка! . . . «

» Онъ самъ сашана! « произнесъ опры-
висно Иванъ Никифоровичъ.

Судья перекрестился.

» Возьмише просьбу, прочишайте. «

» Нечего дѣлашь, прочишайте, Тарасъ
Тихоновичъ «, сказалъ судья, обращаешъ
къ секретарю, съ видомъ неудовольшвія,
при чемъ носъ его невольню понюхалъ верх-
нюю губу, чшо обыкновенню онъ дѣлалъ
прежде шолько опъ большаго удовольшвія.
Такое самоуправешво носа причинило судѣ

еще болѣе досады. Онъ вынулъ плашокъ и смель съ верхней губы весь шабакъ, чшобы наказашь дерзость его.

Секрешарь, сдѣлавши обыкновенный свой приешупъ, кошорый онъ всегда употреблялъ передъ начашіемъ чшенія, ш. е. безъ помощи носоваго плашка, началъ обыкновеннымъ своимъ голосомъ такимъ образомъ :

Проситъ дворянинъ Миргородскаго повѣща Иванъ Никифоровъ сынъ Довгочхунъ, а о чемъ, шому слѣдуюшъ пункшы :

1). По ненависшней злобѣ своей и явному недоброжелательству, называющій себя дворяниномъ, Иванъ Ивановъ сынъ Перерепенко, всякія пакости, убышки и иныя ехидненскіе и въ ужасъ приводящіе пошупки мнѣ чинишъ и вчерашняго дня по полудни, какъ разбойникъ и шашъ, съ шопорами, шилами, долошами и иными слесарными орудіями, забрался ночью въ мой дворъ и въ находящійся въ ономъ мой же собственннй хлѣвъ. Собешвенно-ручно и поноснымъ образомъ его изрубилъ. На чшо съ моей шпороны я не подавалъ

никаковой причины къ ешоль прошивозаконному и разбойническому поспунку.

2). Оный же дворянинъ Перерепенко имѣешь посягашельство на самую жизнь мою и до 7-го числа прошлаго мѣсяца, содержа вшайнѣ сіе намѣреніе, пришелъ ко мнѣ и началъ дружескимъ и хишрымъ образомъ выпрашивашъ у меня ружье, находившееся въ моей комнашѣ, и предлагалъ мнѣ за него, съ свойешвенною ему скупосшью, многія негодныя вещи, какъ-шо : свинью бурую и двѣ мѣрки овса. Но предугадывая шога же прешупное его намѣреніе, я всячески спаралея ошъ онаго уклонишъ его, но оный мошенникъ и подлець Иванъ Ивановъ сынъ Перерепенко выбралиль меня мужицкимъ образомъ и пишаешъ ко мнѣ съ шога времени вражду непримиримую. При шомъ же оный часшо поминаемый, неешовый дворянинъ и разбойникъ Иванъ Ивановъ сынъ Перерепенко и проиохожденія весьма поноснаго : его сешра была извѣстная всему свѣшу пошаскуха и ушла за егерскою рошою, споявшею назадъ шому пашъ лѣшъ въ Мир-

городъ; а мужа своего записала въ кресельце. Ощецъ и мать его шоже были пребеззаконные люди и оба были невообразимые пьяницы. Упоминаемый же дворянинъ и разбойникъ Перерепенко своими скошоподобными и порицанія досшойными пошунками превзошелъ всю свою родню и подь видомъ благочеснія дѣлаешъ самыя соблазнительныя дѣла. Посшовъ не содержишь; ибо наканупъ Филиповки сей богошешунникъ купилъ барана и на другой день велѣлъ зарѣзать своей беззаконной дѣвкѣ Гапкѣ, оговариваясь, аки бы ему нужно было подь шопъ часъ сало на каганцы и свѣчи.

Посему прошу онаго дворянина, яко разбойника, свяшопашца, мошенника, уличеннаго уже въ воровствѣ и грабительствѣ, въ кандалы заковать, и въ шюрму, или государешвенный оспрогъ препроводишь, и шамъ уже по усмошрѣнію, лиша чиновъ и дворянства, добре барбарами шмаровашъ и въ Сибирь на кашоргу по надобности зашочишь, прошоры, убышки велѣшь ему зашланишь и по сему моему

прошенію рѣшеніе учинишь. — Къ сему прошенію руку приложилъ дворянинъ Миргородскаго повѣша Иванъ Никифоровъ сынъ Довгочунъ.

Какъ шолько секретарь кончилъ чшеніе, Иванъ Никифоровичъ взялся за шапку, поклонился, съ намѣреніемъ уйши.

» Куда же вы, Иванъ Никифоровичъ? « говорилъ ему вельдь судья. » Посидише немного! выпейше чаю! Орышко! чшо шы сшоишь глупая дѣвка и перемигиваешья съ канцелярскими, ешупай, принеси чаю! «

Но Иванъ Никифоровичъ, съ испугу, чшо шакъ далеко зашелъ ошь дому и выдержалъ шакой опасный караншинъ, успѣлъ уже пролѣзшь въ дверь, проговоривъ: » не безпокойшесь, я съ удовольствіемъ . . . « и замворилъ ее за собою, осшавивъ въ изумленіи все присушешвіе.

Дѣлашь было нечего. Обѣ просьбы были приняшы и дѣло гомовилось приняшь довольно важный иншересь, какъ одно непредвидѣнное обешояшешельсшво сообщило ему еще большую занимашельность. Когда судья вышелъ изъ присушешвія въ сопро-

вожденіи подсудка и секретаря, а канцелярскіе укладывали въ мѣшокъ нанесенныхъ просишелями куръ, яицъ, краюхъ хлѣба, пироговъ, книшей и прочаго дрязгу, въ это время бурая свинья вбѣжала въ комнату и схватила, къ удивленію присутствовавшихъ, не пирогъ или хлѣбную корку, но прошеніе Ивана Никифоровича, кошорое лежало на концѣ стола, перевѣсившись лисшами внизъ. Схвативши бумагу, бурая хавронья убѣжала шакъ скоро, что ни одинъ изъ приказныхъ чиновниковъ не могъ догнать ее, не смолря на кидаемые линейки и чернильницы.

Это чрезвычайное происшествіе произвело страшную сумашоку, пошому что даже копія не была еще списана съ нее. Судья, ш. е. его секретарь и подсудокъ долго шраковали объ шакомъ неслыханномъ обешояшельствѣ; наконецъ рѣшено было на шомъ, чтообы написашъ объ этомъ ошношеніе къ городничему, шакъ какъ слѣдствіе по этому дѣлу болѣе ошносилось къ Гражданской Полиціи. Ошношеніе за № 389 послано было къ нему шого же дня

и по этому самому произошло довольно
любопытное объяснение, о котором чи-
татели могут узнать изъ слѣдующей
главы.

ГЛАВА V.

---

*Въ которой излагается совѣщаніе двухъ
потѣтныхъ въ Миргородѣ особъ.*

Какъ шолько Иванъ Ивановичъ управился въ своемъ хозяйствѣ и вышелъ, по обыкновенію, полежать подъ навѣсомъ, какъ къ несказанному удивленію своему увидѣлъ что-то краснѣвшее въ калишкѣ. Это былъ красный обшлагъ городничаго, кошорый, равномерно какъ и ворошникъ его, получилъ полишуру и по краямъ превра-

щалея въ лакированную кожу. Иванъ Ивановичъ подумаль про себя: »недурно, что пришель Пешръ Федоровичъ поговорилъ, « по очень удивилъ, увидя, что городничій шель чрезвычайно скоро и размахиваль руками, что случалось съ нимъ, по обыкновенію, весьма рѣдко. На мундиръ у городничаго посажено было восемь пуговиць, девятая какъ ошорвалась во время процессіи при освященіи храма назадъ тому два года, шакъ до сихъ поръ десятскіе не могутъ ошыскать, хотя городничій при ежедневныхъ рапоршахъ, кошорые ошдають ему кваршальные надзирашели, всегда спрашиваешъ, нашлась ли пуговица. Эши восемь пуговиць были насажены у него шакимъ образомъ, какъ бабы сядящъ бобы: одна направо, другая налево. Лѣвая нога была у него просшрѣлена въ послѣдней кампаніи, и пошому онъ, прихрамывая, закидываль ею шакъ далеко въ шорону, что разрушаль эшимъ почши весь шрудъ правой ноги. Чѣмъ бышрѣе дѣйшвоваль городничій своею пѣхошою, шѣмъ менѣе она подвигалась впередъ. И пошому пока-

мѣшь дошелъ городничій къ навѣсу, Иванъ Ивановичъ имѣлъ довольно времени шептался въ догадкахъ, ошъ чего городничій шакъ скоро размахивалъ руками. Тѣмъ болѣе эшо его занимало, чшо дѣло казалось необыкновенной важности, ибо при немъ была даже новая шага. — »Здравствуйше, Пешръ Федоровичъ!« вскричалъ Иванъ Ивановичъ, кошорый, какъ уже сказано, былъ очень любопышенъ и никакъ не могъ удержанъ своего нешерибнїя при видѣ, какъ городничій бралъ приешупомъ крыльцо, но все еще не поднималъ глазъ своихъ вверхъ и ссорился съ своей пѣхошою, кошорая никакимъ образомъ не могла съ одного размаху взойши на ступеньку.

»Добраго дня желаю любезному другу и благодѣтелю, Ивану Ивановичу!« ошвѣчалъ городничій.

»Милосши прошу садиться. Вы, какъ я вижу, усшали, пошому чшо ваша раненая нога мѣшаетъ...«

»Моя нога!« вскрикнулъ городничій, бросивъ на Ивана Ивановича одинъ изъ шѣхъ взглядовъ, какіе бросаетъ великанъ

на пигмея, ученый педантъ на шанцовальнаго учишеля. При эшомъ онъ вышпануль свою ногу и шпануль ею объ полъ. Эша храбрость однако жъ ему дорого стоила, пошому что весь корпусъ его покачнулся и носъ клюнуль перилы; но мудрый блюститель порядка, чшобъ не подашь никакого вида, шшчасъ оправился и полъзъ въ карманъ, какъ будшо бы съ шѣмъ, чшобы досташъ шабакерку. » Я вамъ доложу о себѣ, любезнѣйшій другъ и благодѣтель Иванъ Ивановичъ, чшо я дѣльваль на вѣку своемъ не шакіе походы. Да, серьезно дѣльваль. Напримѣръ, во время кампаніи 1807 года.... Ахъ, я вамъ разскажу, какимъ манеромъ я перелъзъ черезъ заборъ къ одной хорошенькой Шѣмкѣ.« При эшомъ городничій зажмурилъ одинъ глазъ и сдѣлалъ бѣсовски шушовскую улыбку.

» Гдѣ жъ вы бывали сегодня? « спросилъ Иванъ Ивановичъ, желая прервашь городничаго и скорѣе навесли его на причину посѣщенія; ему бы очень хотѣлось спросишь, чшо шакое намѣренъ объявишь городничій; но шонкое познаніе свѣша

представляло ему всю неприличность такого вопроса, и Иванъ Ивановичъ долженъ былъ скрѣпиться и ожидать разгадки, между тѣмъ, какъ сердце его колошилось съ необыкновенною силою.

» А позволите, я вамъ разекажу, . гдѣ былъ я«, отвѣчалъ городничій. » Во-первыхъ доложу вамъ, что сегодня отличное время....«

При послѣднихъ словахъ Иванъ Ивановичъ почши что не умеръ.

» Но позволите«, продолжалъ городничій. » Я пришелъ сегодня къ вамъ по одному весьма важному дѣлу.« Тушь лице городничаго и осанка приняли поже самое озабоченное положеніе, съ копорымъ бралъ онъ приешупомъ крыльцо. Иванъ Ивановичъ ожилъ и шренешалъ, какъ въ лихорадкѣ, не замедливши, по обыкновенію своему, сдѣлалъ вопросъ: » Какое же оно, важное? развѣ оно важное?«

» Вопиъ извольте видѣшь: прежде всего осмѣлюсь доложитъ вамъ, любезный другъ и благодѣшель Иванъ Ивановичъ, что вы... съ моеи стороны я, извольте видѣшь, я

ничего, но виды правительсва, виды правительсва эшого шребуюшь: вы нарушили порядокъ благочинія! «

» Чшо эшо вы говорите, Пешръ Федоровичъ? Я ничего не понимаю. «

» Помилуйте, Иванъ Ивановичъ! Какъ вы ничего не понимаете? Ваша собственная живошина ушатила очень важную казенную бумагу, и вы еще говорите послѣ эшого, чшо ничего не понимаете! «

» Какая живошина? «

» Съ позволенія сказать, ваша собственная бурая свинья. «

» А я чѣмъ виновашъ? Зачѣмъ судейской спорожъ отворяешъ двери! «

» Но, Иванъ Ивановичъ, ваше собственное живошное, спало бышь вы виновашы. «

» Покорно благодарю васъ за шо, чшо съ свиньею меня равняете. «

» Вошь ужъ эшого я не говорилъ, Иванъ Ивановичъ! Ей Богу не говорилъ! извольше разсудить по чистей совѣсти сами; вамъ, безъ всякаго сомнѣнія, извѣстно, чшо согласно съ видами начальсва, запрещено

въ городѣ, шѣмъ же паче въ главныхъ градскихъ улицахъ, прогуливаясь нечистымъ живошнымъ. Согласеншесь сами, что это дѣло запрещенное. «

» Богъ знаешь, что это вы говорише? Большая важность, что свинья вышла на улицу! «

» Позвольте вамъ доложити, позвольте, позвольте Иванъ Ивановичъ, это совершенно невозможно. Что жъ дѣлашь? Начальство хочешь — мы должны повиноваться. Не спорю, забѣгаютъ иногда на улицу и даже на площадь куры и гуси, замѣшьте себѣ: куры и гуси; но свиней и козловъ я еще въ прошломъ году далъ предписаніе не впускать на публичныя площади. Кошорое предписаніе тогда же приказалъ прочитавъ изустно, въ собраніи, предъ цѣлымъ народомъ. «

» Нѣтъ, Пётръ Федоровичъ, я здѣсь ничего не вижу, какъ только то, что вы всячески стараешесь обижать меня. «

» Вошь этого-то не можете сказать, любезнѣйшій другъ и благодѣтель, чтобы я старался обижать. Вспомните сами: я

не сказала вамъ ни одного слова прошлый годъ, когда вы выспроили крышу цѣлымъ аршиномъ выше ушановленной мѣры. Напротивъ я показалъ видъ, какъ будто совершенно этого не замѣнилъ. Вѣрьте, любезнѣйшій другъ, что и теперь бы я совершенно, такъ сказать . . . по мой долгъ, словомъ: обязанность, пребуешь смолчать за чужою. Посудите сами, когда вдругъ на главной улицѣ . . . «

» Ужъ хороши ваши главныя улицы! Туда всякая баба идетъ выбросить то, что ей не нужно. «

» Позвольте вамъ доложить, Иванъ Ивановичъ, что вы сами обижаете меня! Правда, это случается иногда, но по большей части только подъ заборомъ, сараями или каморами; но чтобы на главной улицѣ, на площадь вшесалась супоросная свинья, это такое дѣло . . . «

» Что жъ такое, Пётръ Федоровичъ! Вѣдь свинья швореніе Божіе! «

» Согласенъ. Это всему свѣшу извѣстно, что вы человекъ ученый, знаете науки и прочіе разные предметы. Конечно

я наукамъ не обучался никакимъ : скорописному письму я началъ учишься на придцашомъ году своей жизни. Вѣдь я, какъ вамъ извѣстно, изъ рядовыхъ. «

» Гм! « сказалъ Иванъ Ивановичъ.

» Да, « продолжалъ городничій: » въ 1801 году я находился въ 42 Егерскомъ полку въ 4 рошѣ поручикомъ. Рошный Командиръ у насъ былъ, если изволише знашь, капитанъ Еремѣевъ. « При эшомъ городничій запустилъ свои пальцы въ шабакерку, кошорую Иванъ Ивановичъ держалъ открышою и переминалъ шабакъ.

Иванъ Ивановичъ ошвѣчалъ: » Гм. «

» Но мой долгъ, « продолжалъ городничій: » ешь повиновашься шребованіямъ правительствва. Знаете ли вы, Иванъ Ивановичъ, чшо похишившій въ Судѣ казенную бумагу, подвергается, наравнѣ со всякимъ другимъ пресшупленіемъ, уголовному суду. «

» Такъ знаю, чшо если хопише, и васъ научу. Такъ говоришеся о людяхъ, напримѣръ, если бы вы украли бумагу; но свинья живошное, швореніе Божіе! «

» Все шакъ; но законъ говоришь: виновный въ похищеніи . . . . прошу васъ прислушашься внимашельно: виновный! Здѣсь не означаешься ни рода, ни пола, ни званія, спало бышь и животиное можешь бышь виновно. Воля ваша; а животиное прежде произнесенія приговора къ наказанію должно бышь предшавлено въ полицію, какъ нарушишель порядка. «

» Нѣшь, Пешръ Федоровичь! « возразилъ хладнокровно Иванъ Ивановичь. »Эшого-шо не будешь! «

» Какъ вы хошите, шолько я долженъ слѣдовашь предписаніямъ начальешва. «

» Чшо жъ вы спращаешь меня? Вѣрно хошите прислашь за нею безрукаго солдата. Я прикажу дворовой бабѣ его кочергой выпроводишь. Ему послѣднюю руку переломяшь. «

» Я не смѣю съ вами споришь. Въ шакомъ случаѣ, если вы не хошите предшавишь ее въ полицію, шо пользуйшесь ею какъ вамъ угодно. Заколише, когда желаете, ее къ Рождешву и надѣлайше изъ нее окороковъ, или шакъ съѣдише. Только

я бы у васъ попросилъ, если будете дѣлать колбасы, пришлите мнѣ парочку шѣхъ, кошорья у васъ шакъ искусно дѣлаетъ Гапка изъ свиной крови и сала. Моя Аграфена Трофимовна очень ихъ любитъ. «

» Колбасъ, извольше, пришлю парочку.

» Очень вамъ буду благодаренъ, любезный другъ и благодѣтель. Теперь позволюте вамъ сказать еще одно слово: я имѣю порученіе, какъ опъ судьи, шакъ равно и опъ всѣхъ нашихъ знакомыхъ, шакъ сказать, примирить васъ съ пріиселемъ вашимъ, Иваномъ Никифоровичемъ. «

» Какъ! съ невѣжею! чшобы я примирился съ эшимъ грубіяномъ! Никогда! Не будешь эшого, не будешь! « Иванъ Ивановичъ былъ въ чрезвычайно рѣшишельномъ состояніи.

» Какъ вы себя хошите «, отвѣчаль городничій, угощая обѣ ноздри шабакомъ. « Я самъ не смѣю совѣшовать; однако жъ позволюше доложитъ: вошъ вы шеперъ въ ссорѣ, а какъ помиритесь . . . . «

Но Иванъ Ивановичъ началъ говорить о ловлѣ перепеловъ, что обыкновенно случалось, когда онъ хотѣлъ замѣнить рѣчь.

И такъ городничій, не получивъ никакого успѣха, долженъ былъ опшправиться во-свои.

ГЛАВА VI.

Изъ которой читатель легко можетъ узнать все то, что въ ней содержится.

Сколько ни сшарались въ судѣ скрышь дѣло, но на другой же день весь Миргородъ узналъ, что свинья Ивана Ивановича ушатила просьбу Ивана Никифоровича. Самъ городничій, первый позабывшись, проговорился. Когда Ивану Никифоровичу сказали объ эшомъ, онъ ничего не сказалъ, спросилъ только: не бурая ли?

Но Агафія Федосѣевна, которая была при этомъ, начала опять прислунашь къ Ивану Никифоровичу: » что ты, Иванъ Никифоровичъ? надъ шобой будешь смѣяшься, какъ надъ дуракомъ, если ты попустишь! Какой ты послѣ этого будешь дворянинъ! Ты будешь хуже бабы, что продаетъ счасены, которыхъ ты такъ любишь.« И уговорила неугомонная! Нашла гдѣ-то человѣчка среднихъ лѣтъ, черномазаго, съ пятами по всему лицу, въ шемносеинемъ съ заплатами на локняхъ сюршукъ, совершенную приказную чернильницу! Сапоги онъ смазывалъ дегшемъ, носилъ по три пера за ухомъ, и привязанный къ пуговицѣ на шнурочкѣ стеклянный пузырекъ, вмѣсто чернильницы; съѣдалъ за однимъ разомъ девять пироговъ, а десяный клалъ въ карманъ, и въ одинъ гербовый листъ ешолько уписывалъ всякой ябеды, что никакой чшець не могъ за однимъ разомъ прочесть, не перемѣжая этого кашлемъ и чиханьемъ. Это небольшое подобіе человѣка копалось, корпѣло, писало и наконецъ соспряпало шакую бумагу:

Въ Миргородскій Повѣшовой Судь ошъ дворянина Ивана Никифорова сына Довгочхуна.

Въ слѣдствіе онаго прошенія моего, что ошъ меня дворянина Ивана Никифорова сына Довгочхуна къ шому имѣло бышь, совокупно съ дворяниномъ Иваномъ Ивановымъ сыномъ Перерепенкомъ; чему и самъ Повѣшовой Миргородскій Судь пошворешво свое изъявилъ. И самое оное нахальное самоуправешво бурой свиньи, будучи въ шайнѣ содержимо и уже ошъ шнороннихъ людей до слуха дошедшисъ. По-неже оное допущеніе и пошворешво, яко злоумышленное, суду неукоснительно подлежишь; ибо оная свинья ешъ живошное глупое, и шѣмъ наче способное къ хищенію бумаги. Изъ чего очевидно явешвуешъ, что часно поминаемая свинья не иначе, какъ была подущена къ шому самимъ прошивникомъ, называющимъ себя дворяниномъ Иваномъ Ивановымъ сыномъ Перерепенкомъ, уже уличенномъ въ разбоѣ, посягашельшѣ на жизнь и свяшнашшѣ. Но оный Миргородскій Судь, съ

свойшвеннымъ ему лицепріяшіемъ, шайное своей особы соглашеніе изъявилъ; безъ каковаго соглашенія оная свинья ни коимъ бы образомъ не могла бышь допущенною къ ушаченію бумаги: ибо Миргородскій Повѣшовой Судъ въ прислугѣ весьма снабженъ, для сего довольно уже назвашь одного солдата, во всякое время въ пріемной пребывающаго, кошорый хошя имѣешь одинъ кривой глазъ и нѣсколько поврежденную руку, но чшобы выгнашь свинью и ударишь ее дубиною, имѣешь весьма соразмѣрныя способности. Изъ чего достоверно видно пошворешво онаго Миргородскаго Суда и безспорно раздѣленіе жидовскаго опъ шого барыша по взаимности совмѣщаясь. Оный же вышеупомянушый разбойникъ и дворянинъ Иванъ Ивановъ сынъ Перерепенко въ пришоченіи ошельмовавшисъ состоялся. Почему и довожу оному Повѣшовому Суду я, дворянинъ Иванъ Никифоровъ сынъ Довгочхунъ, въ надлежащее всевѣдніе, если съ оной бурой свиньи, или согласившагося съ нею дворянина Перерепенка означенная просьба

взыщена не будешъ, и по ней рѣшеніе по справедливости и въ мою пользу не возымѣешъ: то я, дворянинъ Иванъ Никифоровъ сынъ Довгочунъ, о шаковомъ онаго Суда прошивозаконномъ пошворешвѣ, подашь жалобу въ Палату имѣю съ надлежащимъ по формѣ перенесеніемъ дѣла. —
Дворянинъ Миргородскаго повѣша Иванъ Никифоровъ сынъ Довгочунъ.

Эта просьба произвела свое дѣйствіе: судья былъ человекъ, какъ обыкновенно бывають все добрые люди, шрусливаго десятичка. Онъ обратился къ секретарю. Но секретарь пушилъ сквозь губы густой «гм» и показавъ на лицѣ своемъ шуравнодушную и дьявольски двумысленную мину, которую принимаетъ одинъ только сашана, когда видишь у ногъ своихъ прибѣгающую къ нему жершву. Одно средство осмаловало: примирить двухъ пришелей. Но какъ пришеуишь къ этому, когда все покушенія были до того неуспѣшны? Однако жъ еще рѣшились попытаться; но Иванъ Ивановичъ напрямикъ объявилъ, что не хочешь, и даже весьма

разсердился. Иванъ Никифоровичъ вмѣсто ошвѣща оборотился спиною назадъ и хоть бы слово сказалъ. Тогда процессъ пошелъ съ необыкновенною быстротою, кошорою обыкновенно шакъ славящая судилища. Бумагу помѣшили, записали, выславили номеръ, ешили, росписались, все въ одинъ и шотъ же день и положили въ шкафъ, гдѣ оно лежало, лежало, лежало годъ, другой, шрешій; множесшво невѣсшъ успѣло выдши замужь, въ Миргородѣ пробили новую улицу, у судьи вышаль одинъ коренный зубъ и два боковыхъ, у Ивана Ивановича бѣгало по двору больше ребяшишекъ, нежели прежде; откуда они взялись, Богъ одинъ знаетъ! Иванъ Никифоровичъ въ упрекъ Ивану Ивановичу выстроилъ новый гусиный хлѣвъ, хоща немного подальше прежняго, и совершенно застроилъ ошъ Ивана Ивановича, шакъ что сіи досшойные люди никогда почши не видали въ лицо другъ друга — и дѣло все лежало, въ самомъ лучшемъ порядкѣ, въ шкафу, кошорый сдѣлался мраморнымъ ошъ чернильныхъ пшень.

Между шѣмъ произошелъ чрезвычайно важный случай для всего Миргорода.

Городничій давалъ асамблею! Гдѣ возьму я кишей и красокъ, чшобъ изобразить разнообразіе сѣзда и великолѣпное ширшество? Возьмите часы, ошкройше ихъ и посмошрите, что шамъ дѣлаешся! Не правда ли, чепуха спрашная? Предсавъше же шеперь себѣ, что почи шолько же, если не больше, колесъ шстояло среди двора городничаго. Какихъ бричекъ и повозокъ шамъ не было! Одна — задъ широкій, а передъ узенькой; другая — задъ узенькой, а передъ широкій. Одна была и бричка и повозка вмѣшѣ, другая ни бричка, ни повозка; иная была похожа на огромную конну сѣна, или на шолешую купчиху; другая на расшрепаннаго жида, или на скелешъ еще не совсѣмъ освободившійся ошъ кожи; иная была въ профиль совершенная шрубка съ чубукомъ; другая была ни на что не похожа, предсавляя какое-шо сшранное шущество, совершенно безобразное и чрезвычайно фаншасшическое. Изъ среды эшого хаоса колесъ и козель, воз-

вышалось подобіе карешы съ комнашнымъ окномъ, перекрещеннымъ шолешымъ переплешомъ. Кучера въ сѣрыхъ чекменяхъ, свихкахъ и сѣрякахъ, въ бараньихъ шапкахъ и разноколиберныхъ фуражкахъ, съ шрубками въ рукахъ, проводили по двору распряженныхъ лошадей. Чшо за асамблею даль городничій! Позвольше, я перечшу всѣхъ, кошорые были тамъ: Тарасъ Тарасовичъ, Евиль Акинфовичъ, Евшихій Евшихіевичъ, Иванъ Ивановичъ, не шопъ Иванъ Ивановичъ, а другой, Савва Гавриловичъ, нашъ Иванъ Ивановичъ, Елевферій Елевферіевичъ, Макаръ Назаревичъ, Оома Григорьевичъ . . . . Не могу далье! не въ силахъ! Рука ушаешъ пишашъ! А сколько было дамъ! смуглыхъ и бѣлолицыхъ, длинныхъ и корошенькихъ, шолешыхъ, какъ Иванъ Никифоровичъ, и шакихъ шонкихъ, чшо, казалось, каждую можно было упряшашъ въ шпажныя ножны городничаго. Сколько чешцовъ! сколько плашьевъ! красныхъ, желшыхъ, кофейныхъ, зеленыхъ, синихъ, новыхъ, перелицованныхъ, перекроенныхъ, плашковъ, леншъ, ридикулей!

Прощайше, бѣдные глаза! вы ни куда не будеша годиться послѣ этого спектакля. А какой длинной споль выль вышнянущь! А какъ разговорилось все — какой шумъ подняли! Куда прошивъ этого мельница со вѣми своими жерновами, колесами, шестерней, ступами! Не могу вамъ сказашь навѣрно, о чемъ они говорили, но должно думашь, что о многихъ пріятныхъ и полезныхъ вещахъ, какъ-шо: о погодѣ, о собакахъ, о пшеницѣ, о чепчикахъ, о жеребцахъ. Наконецъ Иванъ Ивановичъ, не пошъ Иванъ Ивановичъ, а другой, у кошораго одинъ глазъ кривъ, сказаль: » мнѣ очень спранно, что правый глазъ мой (кривой Иванъ Ивановичъ всегда говорилъ о себѣ иронически) не видишь Ивана Никифоровича г-на Довгочхуна. « — » Не хощѣль припши! « сказаль городничій.

» Какъ шакъ? «

» Вошъ уже, слава Богу, ешь два года, какъ поссорились они между собою, ш. е. Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ, и гдѣ одинъ, шуда другой ни за что не пойдешь! «

» Чшо вы говорите! « При эшомъ кривой Иванъ Ивановичъ поднялъ глаза вверхъ и сложилъ руки вмѣстѣ. » Чшо жъ шеперь, если уже люди съ добрыми глазами не живушь въ мирѣ, гдѣ же жишь мнѣ въ ладу съ кривымъ моимъ окомъ! « На эши слова всѣ засмѣялись во весь рожъ. Всѣ очень любили криваго Ивана Ивановича за то, чшо онъ опнуекалъ шушки совершенно во вкусѣ нынѣшнемъ; самъ высокій худощавый человекъ въ байковомъ сюртукѣ съ пласшыремъ на носу, кошорый до того сидѣлъ въ углу и ни разу не перемѣнилъ движенія на своемъ лицѣ, даже когда залешѣла къ нему въ носъ муха, эшомъ самый господинъ вешалъ съ своего мѣсна и подвинулся ближе къ шолпѣ, обшупившей криваго Ивана Ивановича. » Послушайте! « сказалъ кривой Иванъ Ивановичъ, когда увидѣлъ, чшо его окружило порядочное общество. » Послушайте, вмѣсто шого, чшо вы шеперь заглядываешесь на мое кривое око, давайше, вмѣсто эшого, помиримъ двухъ нашихъ пріяшелей! Теперь Иванъ Ивановичъ разговариваешъ съ бабами

и дѣвчашами, пошлемъ пошихоньку за Иваномъ Никифоровичемъ, да и сполкнемъ ихъ вмѣстѣ. «

Всѣ единодушно приняли предложеніе Ивана Ивановича и положили немедленно послать къ Ивану Никифоровичу на домъ просить его, во что бы ни спало, пріѣхать къ городничему на обѣдъ. Но важный вопросъ: на кого возложимъ это важное порученіе? повергнувъ всѣхъ въ недоумѣніе. Долго спорили, кто способнѣе и искуснѣе въ дипломатической часши; наконецъ единодушно рѣшили возложимъ все это на Антона Прокофьевича Голопузя. Но прежде нужно нѣсколько познакомимъ читателя съ этимъ замѣчательнымъ лицомъ. Антонъ Прокофьевичъ былъ совершенно добродѣтельный человекъ во всемъ значеніи этого слова: дастъ ли ему кто изъ почешныхъ людей въ Миргородѣ плашокъ на шею, или исподнее — онъ благодаритъ; щелкнетъ ли его кто слегка въ носъ, онъ и тогда благодаритъ. Если у него спрашивали, отъ чего это у васъ, Антонъ Прокофьевичъ, сюршукъ коричне-

вой, а рукава голубые? шо онь обыкно-
венно всегда ошвѣчалъ: » а у васъ и ша-
кого нѣшь! Подождише, обносишя, весь
будешъ одинаковой! « И шочно: голубое
сукно, ошъ дѣйствія солища, начало обра-
щашья въ коричневое и шенерь совер-
шенно подходишь подъ цвѣшь сюршюка;
но вошь чшо странно, чшо Аншонъ Про-
кофьевичъ имѣешъ обыкновение суконное
плашье носишь лѣшомъ, а нанковое зимою.
Аншонъ Прокофьевичъ не имѣешъ своего
дома. У него былъ прежде на концѣ города,
но онь его продалъ и на вырученныя деньги
купилъ шройку гнѣдыхъ лошадей и неболь-
шую бричку, въ кошорой разѣзжалъ го-
стишь по помѣщикамъ. Но такъ какъ съ
ними много было хлопощъ и пришомъ
нужны были деньги на овесъ, шо Аншонъ
Прокофьевичъ ихъ промѣнялъ на скрышку
и дворовую дѣвку, взявши придачи двад-
цатишяши рублевую бумажку. Пошомъ
скрышку Аншонъ Прокофьевичъ продалъ,
а дѣвку промѣнялъ за кисешъ сафьянный
съ золошомъ. И шенерь у него кисешъ ша-
кой, какого ни у кого нѣшь. За эшо на-

слажденіе, онъ уже не можеть разѣзжашь по деревнямъ, а долженъ ославашься въ городъ и ночевашь въ разныхъ домахъ, особенно шѣхъ дворянъ, кошорые находили удовольствіе шелкашъ его по носу. Аншонъ Прокофьевичъ любишъ хорошо поѣшъ, играешъ изрядно въ дураки и мельники; повиновашься всегда было его ешихію, и пошому онъ, взявши шапку и палку, немедленно ошправился въ пушь. Но идучи спашъ разсуждашъ, какимъ образомъ ему подвигнушъ Ивана Пикифоровича пришиши на асамблею. Нѣсколко крушой нравъ сего, впрочемъ достойнаго челоуѣка, дѣлалъ его предіріяшіе почши невозможнымъ. Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, ему рѣшишья придиши, когда вешашъ съ постели, уже ему спашло великаго шруда? Но положимъ, что онъ вешанешъ, какъ ему придиши шуда, гдѣ находишья, что безъ сомнѣнія онъ знаешъ, непримиримый врагъ его? Чѣмъ болѣе Аншонъ Прокофьевичъ обдумывалъ, шѣмъ болѣе находилъ препяшешвій. День былъ душенъ; солнце жгло; пошъ лился съ него градомъ. Аншонъ Прокофьевичъ,

не смошря, что его шелкали по носу, былъ довольно хитрый человекъ на многія дѣла. Въ мѣнѣ только былъ онъ не шакъ счастливъ; онъ очень зналъ, когда нужно прикинуться дуракомъ, и иногда умѣлъ найшиться въ шакихъ обешояшельсвахъ и случаяхъ, гдѣ рѣдко умный биваешъ въ сосшоаніи извернушья. Въ шо время, какъ изобрѣшательный умъ его выдумывалъ средешво, какъ убѣдишь Ивана Никифоровича, и уже онъ храбро шель на вешрѣчу всего, одно неожиданное обешояшельсешво нѣсколько смушило его. Не мѣнаешъ, при эшомъ, сообщишь читашелю, что у Аншона Прокофьевича были между прочимъ однѣ паншалоны шакого ешраннаго свойсешва, что когда онъ надѣвалъ ихъ, шо всегда собаки кусали его за икры. Какъ на бѣду, въ шошъ день онъ надѣлъ именно эши паншалоны. И пошому едва шолько онъ предался размышленіямъ, какъ ешрашннй лай со вѣхъ ешоронъ поразилъ слухъ его. Аншонъ Прокофьевичъ поднялъ шакой крикъ, громче его ни кшо не умѣлъ кричашъ, что не

шолько знакома баба и обиташель неиз-
мѣримаго сюрнука выбѣжали къ нему на
вспрѣчу, но даже мальчишки со двора
Ивана Ивановича посыпались къ нему, и
хотя собаки шолько за одну ногу усеѣли
его укусишь, однако жъ эшо очень умень-
шило его бодрость и онъ съ нѣкотораго
рода робостью подступалъ къ крыльцу.

ГЛАВА VII

и

п о с л ь д н я я .

» **А!** здравешвуйше. На что вы собакъ дразнише? « сказалъ Иванъ Никифоровичъ, увидѣвши Антона Прокофьевича; пошому что съ Антономъ Прокофьевичемъ ни кто иначе не говорилъ, какъ шуся.

» Чшобъ они передохли все! Кто ихъ дразнишь? « ошвѣчалъ Антонъ Прокофьевичъ.

» Вы врете. «

» Ей Богу нѣтъ! Просиль васъ Пешръ Федоровичъ на обѣдъ. «

» Гм. «

» Ей Богу! такъ убѣдительно просиль, что выразишь не можно. Чшо это, говоришь, Иванъ Никифоровичъ чуждается меня, какъ непріятеля. Никогда не зайдешь, поговоришь либо посидѣшь. «

Иванъ Никифоровичъ погладилъ свой подбородокъ.

» Если, говоришь, Иванъ Никифоровичъ и шеверъ не придетъ, то я не знаю, что подумаешь: вѣрно онъ имѣешь на меня какой умыселъ! Сдѣлайше милость, Антонъ Прокофьевичъ, уговорише Ивана Никифоровича! Чшо жъ, Иванъ Никифоровичъ? пойдемъ! шамъ собралась шеверъ опличная компанія! «

Иванъ Никифоровичъ началъ раземапривашъ нѣшуха, кошорый, снося на крыльцѣ, изо всей мочи дралъ горло.

» Если бы вы знали, Иванъ Никифоровичъ, « продолжалъ усердный депушангъ:

» какой осеприны, какой свѣжей икры прислали Пешру Федоровичу! «

При эшомъ Иванъ Никифоровичъ поворошилъ свою голову и началъ внимашельно прислушивашься.

Эшо ободрило депушама. » Пойдемше скорѣе, шамъ и Тома Григорьевичъ! Чшо жъ вы? « прибавилъ онъ, видя, чшо Иванъ Никифоровичъ лежалъ все въ одинаковомъ положеніи. » Чшо жъ? идемъ или нейдемъ? «

» Не хочу. «

Эшо не хочу поразило Антона Прокофьевича. Онъ уже думалъ, чшо убѣдительное предспавленіе его совершенно склонило эшого, впрочемъ достойнаго чловѣка, но вмѣсто того услышалъ рѣшишельное: не хочу.

» Опъ чего же не хошите вы? « спросилъ онъ почши съ досадою, кошорая показывалась у него чрезвычайно рѣдко, даже шогда, когда клали ему на голову зажженную бумагу, чѣмъ особенно любили себя шѣшишь судья и городничій.

Иванъ Никифоровичъ понюхалъ шабаку.

» Воля ваша, Иванъ Никифоровичъ, я не знаю, что васъ удерживаешь? «

» Чего я пойду? « проговорилъ наконецъ Иванъ Никифоровичъ: » шамъ будешь разбойникъ! « Такъ онъ называлъ обыкновенно Ивана Ивановича. Боже праведный! А давно ли . . . .

» Ей Богу не будешь! вошь какъ Богъ сваяшь, что не будешь! Чшобъ меня на самомъ эшомъ мѣсѣ громомъ убило! « ошвѣчалъ Аншонъ Прокофьевичъ, кошорый гошовъ былъ божишься десяшь разъ на одинъ часъ. » Ийдемше же, Иванъ Никифоровичъ! «

» Да вы вреше, Аншонъ Прокофьевичъ, онъ шамъ? «

» Ей Богу, ей Богу дѣшь! Чшобы я не сошелъ съ эшого мѣсеша, если онъ шамъ! Да и сами посудите, съ какой ешаши мнѣ лгашь! Чшобъ мнѣ руки и ноги ошсохли! . . . Чшо, и шеперь не вѣрише? Чшобъ я околъ шущъ же передъ вами! чшобъ ни ошцу, ни мамери моей, ни мнѣ, не видашь царешвіа небеснаго! Еще не вѣрише? «

Иванъ Никифоровичъ этими увѣреніями совершенно успокоился и велѣлъ своему камердинеру въ безграничномъ сюршукѣ принести шаровары и пантовый казакинь.

Я полагаю, что описываешь какимъ образомъ Иванъ Никифоровичъ надѣвалъ шаровары, какъ ему намотали галесухъ и наконецъ надѣли казакинь, кошорый подъ лѣвымъ рукавомъ лопнулъ, совершенно излишне. Довольно, что онъ во все это время сохранялъ приличное спокойствіе и не ошвѣчалъ ни слова на предложенія Антона Прокофьевича — что нибудь промѣняешь на его Турецкій кисея.

Между шѣмъ собраніе съ нешерѣвніемъ ожидало рѣшишельной минушы, когда явился Иванъ Никифоровичъ, и исполнился наконецъ всеобщее желаніе; чшобы сін досшойные люди примирились между собою; многіе были почти увѣрены, что не придетъ Иванъ Никифоровичъ. Городничій даже бился объ закладъ съ кривымъ Иваномъ Ивановичемъ, что не придетъ, но разошелся только пошому, что кривъ Иванъ Ивановичъ шребоваль, чшобы пошъ

поспавилъ въ закладъ подспрѣленную свою ногу, а онъ кривое око; чѣмъ городничій очень обидѣлся, а компанія пошихоньку смѣялась. Ни кто еще не садился за ешоль, хотя давно уже былъ вшорой часъ, время, въ кешорое въ Миргородъ, даже въ парадныхъ случаяхъ, давно уже обѣдающъ.

Едва шолько Аншонъ Прокофьевичъ появился въ дверяхъ, какъ въ шо же мгновение былъ обшупленъ всеми. Аншонъ Прокофьевичъ на все вопросы закричалъ однимъ рѣшишельнымъ словомъ: не будешъ; едва шолько онъ эшо произнесъ, и уже градъ выговоровъ, браней, а можешъ бышь и щелчковъ, гошовился посыпашься на его голову за неудачу посольсшва, какъ вдругъ дверь отворилась и — вошелъ Иванъ Никифоровичъ.

Если бы показался самъ сашана, или мершвецъ, шо они бы не произвели шакого изумленія на все общешво, въ какое повергнулъ его неожиданный приходъ Ивана Никифоровича. А Аншонъ Прокофьевичъ шолько заливался, ухвашившись за бока,

онъ радости, что шакъ подшунилъ надъ всею компанією.

Какъ бы шо ни было, шолько эшо было почши невѣрояшно для всѣхъ, чтошбы Иванъ Никифоровичъ въ шакое корошкое время могъ одѣшся, какъ прилично дворянину. Ивана Ивановича въ эшо время не было; онъ зачѣмъ-шо вышелъ. Очнувшись онъ изумленія, вся публика приняла участие въ здоровьѣ Ивана Никифоровича и изъявила удовольствіе, что онъ раздался въ шолщину. Иванъ Никифоровичъ цѣловался со всякимъ и говорилъ: »очень одолженъ.« Между шѣмъ запахъ борща понесся чрезъ комнашу и пощекоталъ пріятно ноздри проголодавшимся госшямъ. Всѣ повалили въ шоловую. Вереница дамъ говорливыхъ и молчаливыхъ, шощихъ и шолешыхъ, пошянулася впередъ и длинный шолъ зарябѣлъ всѣми цвѣшами. Не шану описывать кушаньсѣвъ, какія были за шоломъ! Ничего не упомяну ни о мнишкахъ въ смѣшанѣ, ни объ ушрибкѣ, кошорую подавали къ борщу, ни объ индѣйкѣ съ сливами и изюмомъ, ни о шомъ кушанѣ, кошорое

очень походило видомъ на сапоги, намоченные въ квасъ, ни о шомъ соусъ, кошорый ешь лебединая пѣснь сшариннаго повара, о шомъ соусъ, кошорый подавался обхваченный весь виннымъ пламенемъ, что очень забавляло и вмѣстѣ пугало дамъ. Не сшану говорить объ эшихъ кушаньяхъ пошому, что мнѣ гораздо болѣе нравишся ѣшь ихъ, нежели распространяшся объ нихъ въ разговорахъ. Ивану Ивановичу очень понравилась рыба, пригошовленная съ хрѣномъ. Онъ особенно занялся эшимъ полезнымъ и пишашельнымъ упражненіемъ. Выбирая самыя шонкія рыбы кочпочки, онъ клалъ ихъ на шарелки и какъ-шо нечаянно взглянулъ насупрошивъ: Творецъ Небесный, какъ эшо было спранно! Прощивъ него сидѣлъ Иванъ Никифоровичъ. Въ одно и шоже самое время взглянулъ и Иванъ Никифоровичъ!.... Нѣтъ!.... не могу!... Дайте мнѣ другое перо! Перо мое вяло, мершво, съ шонкимъ расчепомъ для эшой каршины! Лица ихъ съ опшазившимся изумленіемъ сдѣлались какъ бы окаменѣлыми. Каждый изъ нихъ увидѣлъ лицо

давно знакомое, къ кошорому казалось бы невольно гошовъ подойши, какъ къ пріятелю неожиданному и поднесшь рожокъ съ словомъ: »одолжайшесь« или »смѣю ли просишь объ одолженіи«; но вмѣстѣ съ эшимъ шоже самое лицо было спрашно, какъ не хорошее предзнаменованіе! Пошъ кашился градомъ у Ивана Ивановича и у Ивана Никифоровича. Присущешвующіе, всѣ, сколько ихъ ни было за шоломъ, онѣмѣли ошъ вниманія и не опрывали глазъ ошъ нѣкогда бывшихъ друзей. Дамы, кошорыя до шого времени были заняшы довольно иншереснымъ разговоромъ о шомъ, какимъ образомъ дѣлаюшся каплуны, вдругъ прервали разговоръ. Все спихло! Эшо было каршина, достойная кисши великаго художника! Наконецъ Иванъ Ивановичъ вынулъ носовой плашокъ и началъ сморкаться; а Иванъ Никифоровичъ осмошрѣлся вокругъ и осшановилъ глаза на расшворенной двери. Городничій шощасъ замѣшилъ эшо движеніе и велѣлъ зашворишь дверь покрѣче. Тогда каждый изъ друзей

началь кушашь и уже ни разу не взглянули другъ на друга.

Какъ шолько кончился обѣдъ, оба прежніе пріятели схвашились съ мѣсць и начали искашь шапокъ, чшобы улизнуть. Тогда городничій мигнуль, и Иванъ Ивановичъ, не шомъ Иванъ Ивановичъ, а другою, чшо съ кривымъ глазомъ, спалъ за спиною Ивана Никифоровича, а городничій зашелъ въ спину Ивана Ивановича, и оба начали подшалкивашь ихъ сзади, чшобы спихнуть ихъ вмѣсѣ и не выпускашь до пѣхъ поръ, пока не подадуть рукъ. Иванъ Ивановичъ, чшо съ кривымъ глазомъ, нашолкнуль Ивана Никифоровича, хошя и нѣсколько косо, однако жъ довольно еще удачно и въ шо мѣсто, гдѣ споялъ Иванъ Ивановичъ; но городничій сдѣлалъ дирекцію слишкомъ въ спорону, потому чшо онъ никакъ не могъ управишься съ своевольною пѣхошою, неслушавшею на шопъ разъ никакой команды и какъ на зло закидывавшею чрезвычайно далеко и совершенно въ прошивную спорону (чшо можешъ происходило ошъ шого, чшо за спо-

ломъ было чрезвычайно много разныхъ наливокъ), шакъ, что Ивапъ Ивановичъ упаль на даму въ красномъ плашьѣ, кошора изъ любопышешва просунулась въ самую средину. Такое предзнаменованіе не предвѣщало ничего добраго. Однако жъ судья, чшобъ поправиль это дѣло, заняль мѣшо городничаго и пошянувши носомъ съ верхней губы весь шабакъ, опшихнулъ Ивана Ивановича въ другую сторону. Въ Миргородѣ это обыкновенный способъ примиренія. Онъ нѣсколько похожъ на игру въ мячикъ. Какъ шолько судья пихнулъ Ивана Ивановича, Ивапъ Ивановичъ съ кривымъ глазомъ уперся всею силою и пихнулъ Ивана Никифоровича, съ кошораго пошъ валился какъ дождевая вода съ крыши. Не смощря на шо, что оба пріяшеля весьма упирались, однако жъ шаки были сполкнушы, пошому, что обѣ дѣйшвовавшія стороны получили значительное подкрѣпленіе со стороны другихъ госшей.

Тогда обешупили ихъ со всѣхъ сторонъ шѣсно и не выпускали до шѣхъ хоръ, пока они не рѣшились подашь другъ другу руки.

» Богъ съ вами, Иванъ Никифоровичъ и Иванъ Ивановичъ! Скажише по совѣсти, за что вы поссорились? не по пущякамъ ли? Не совѣстно ли вамъ передъ людьми и передъ Богомъ! «

» Я не знаю «, сказалъ Иванъ Никифоровичъ пыхтя ошъ ушалосши (замѣшно было, что онъ былъ весьма не прочь ошъ примиренія): » я не знаю, что я шакое сдѣлалъ Ивану Ивановичу; за что же онъ порубилъ мой хлѣвъ и замышлялъ погубишь меня? «

» Неповиненъ ни въ какомъ зломъ умыслѣ «, говорилъ Иванъ Ивановичъ, не обращая глазъ на Ивана Никифоровича. Клянусь и предъ Богомъ и передъ вами, почтенное дворянешво, я ничего не сдѣлалъ моему врагу. За что же онъ меня поноситъ и наноситъ вредъ моему чину и званію? «

» Какой же я вамъ, Иванъ Ивановичъ, нанесъ вредъ? « сказалъ Иванъ Никифоровичъ. Еще одна минуша объясненія — и давнишняя вражда гошова была погаснушь. Уже Иванъ Никифоровичъ полѣзъ въ кар-

манъ, чшобы досшашъ рожокъ и сказашъ:
» одолжайшесь. «

» Развѣ эшо не вредъ «, ошвѣчалъ Иванъ
Ивановичъ, не подымая глазъ: » когда вы,
милосшивый государь, оскорбили мой чинъ
и фамилію шакимъ словомъ, кошорое не-
прилично здѣсь сказашъ. «

» Позвольше вамъ сказашъ по дружески,
Иванъ Ивановичъ! (при эшомъ Иванъ Ни-
кифоровичъ дошпрунулся пальцемъ до пуго-
вицы Ивана Ивановича, чшо означало со-
вершенное его расположеіе) » вы обидѣ-
лись за чоршъ знаешъ чшо шакое: за шо,
чшо я васъ назвалъ *гусакомъ*.... « Иванъ
Никифоровичъ спохванился, чшо сдѣлалъ
неосшорожностъ, произнесши эшо слово;
но уже было поздно: слово было произ-
несено.

Все пошло къ чоршу!

Когда при произнесеніи эшого слова
безъ свидѣтелей, Иванъ Ивановичъ вышелъ
изъ себя и пришелъ въ шакой гнѣвъ, въ
какомъ не дай Богъ видывашъ человекъ,—
чшо жъ шеперь, посудише, любезные чи-
ташели, чшо шеперь, когда эшо убій-

ешвенное слово произнесено было въ собраніи, въ кошоромъ находилось множество дамъ, передъ кошорыми Иванъ Ивановичъ любилъ бытъ особенно приличнымъ? Посшупи Иванъ Никифоровичъ не такимъ образомъ, скажи онъ нища, а не гусака, еще бы можно было поправитъ.

Но — все кончено!

Онъ бросилъ на Ивана Никифоровича взглядъ — и какой взглядъ! Если бы эшому взгляду придана была власшь исполнишья, то онъ обратился бы въ прахъ Ивана Никифоровича. Госши поняли эшопъ взглядъ и посѣшили сами разлучитъ ихъ. И эшопъ человекъ, образецъ крошости, кошорый ни одну нищюю не пропускалъ, чшобъ не распроситъ ее, выбѣжалъ въ ужасномъ бѣшенствѣ. Такія сильныя бури производятъ шрасши!

Цѣлый мѣсяцъ ничего не было слышно объ Иванъ Ивановичъ. Онъ заперся въ своемъ домѣ. Завѣшныи сундукъ былъ опшертъ, изъ сундука были вынушы, чшо же? карбованцы! шарые, дѣдовскіе карбованцы! И эши карбованцы перешли въ

запачканныя руки чернильныхъ дѣльцевъ. Дѣло было перенесено въ Палашу. И когда получилъ Иванъ Ивановичъ радостное извѣстiе, что завтра рѣшился оно, тогда только выглянулъ на свѣтъ и рѣшился выдти изъ дому. Увы! съ того времени Палаша извѣщала ежедневно, что дѣло кончилось завтра, въ продолженiе десяти лѣтъ!

Правда тому, что я провѣдѣлъ
вѣдѣю, что я провѣдѣлъ
вѣдѣю, что я провѣдѣлъ
вѣдѣю, что я провѣдѣлъ
вѣдѣю, что я провѣдѣлъ
вѣдѣю, что я провѣдѣлъ
вѣдѣю, что я провѣдѣлъ
вѣдѣю, что я провѣдѣлъ
вѣдѣю, что я провѣдѣлъ
вѣдѣю, что я провѣдѣлъ

шалости шаруку, розы шарухъ. На меня тогда сильное вліяніе производила погода: я скучалъ, когда она была скучна. Но не смотря на то, когда я ехалъ подъѣзжая къ Миргороду, то почувствовалъ, что у меня сердце бьется сильно. Боже, сколько воспоминаній! я двѣнадцать лѣтъ не видалъ Миргорода. Здѣсь жили тогда въ прогашельной дружбѣ два единственные человека, два единственные друга. А сколько вымерло знаменитыхъ людей! Судья Демьянъ Демьяновичъ уже тогда былъ покойникомъ; Иванъ Ивановичъ, что съ кривымъ глазомъ, тоже приказалъ долго жить. Я въѣхалъ въ главную улицу: вездѣ стояли шесты съ привязаннымъ вверху пучкомъ соломы; производилась какая-то новая планировка! Нѣсколько избъ было снесено. Остатки заборовъ и плетней порчали уныло.

День былъ тогда праздничный; я приказалъ рогоженную кибитку свою осановишь переть церковью, и вошелъ шакъ шихо, что никто не обратился. Правда, и цѣкому было, Церковь была пуста. На-

роду почти никого. Видно было, что и самые богомольные побоялись грязи. Свѣчи при пасмурномъ, лучше скажешь больномъ днѣ, какъ-то были странно непріятны; шемные прищворы были печальны; продолговатые окна съ круглыми стеклами обливались дождливыми слезами. Я ошолъ въ прищворъ и оборотился къ одному почтенному шарикъ съ посѣдѣвшими волосами: »Позвольте узнать, живъ ли Иванъ Никифоровичъ? « Въ это время лампада вспыхнула живѣе предъ иконою и свѣтъ прямо ударился въ лице моего соседа. Какъ же я удивился, когда, разсмащивая, увидѣлъ чершы знакомя! Это былъ самъ Иванъ Никифоровичъ! Но какъ измѣнился! »Здоровы ли вы, Иванъ Никифоровичъ? Какъ же вы посшарѣли! « — »Да, посшарѣлъ. Я сегодня изъ Полшавы, « ошвѣчалъ Иванъ Никифоровичъ. »Что вы говорите! вы ѣздили въ Полшаву въ такую дурную погоду? « — »Что жъ дѣлать! шажба... « При этомъ я невольно вздохнулъ. Иванъ Никифоровичъ замѣшилъ шощъ вздохъ и сказалъ: »не безпокой-

шесь, я имѣю вѣрное извѣстіе, что дѣло рѣшится на слѣдующей недѣль, и въ мою пользу. « Я пожалъ плечами и пошелъ узнать что нибудь объ Иванѣ Ивановичѣ.

« Иванъ Ивановичъ здѣсь! » сказала мнѣ кто-то: » онъ на крылосѣ. « Я увидѣлъ тогда поющую фигуру. Это ли Иванъ Ивановичъ? Лице было покрыто морщинами, волосы были совершенно бѣлые; но бекеша была все та же. После первыхъ привѣтствій, Иванъ Ивановичъ, обратившись ко мнѣ съ веселою улыбкою, которая шакъ всегда шла къ его воронкообразному лицу, сказалъ: » Увѣдомишь ли васъ о пріятной новосши? « — » О какой новосши? « спросилъ я. » Завтра непременно рѣшится мое дѣло. Палаша сказала навѣрное. «

Я вздохнулъ еще глубже и поскорѣе поспѣшилъ просишья, пошому, что я ѣхалъ по весьма важному дѣлу, и сѣлъ въ кибинку. Тошя лошади, извѣсшныя въ Миргородѣ подь именемъ курьерскихъ, пошянулись, производя копышами своими, погружавшимися въ сѣрую массу грязи, непріятный для слуха звукъ. Дождь лилъ

ливня на жида, сидѣвшаго на козлахъ и
накрывшагося рогожкой. Сырость меня
проняла насквозь. Печальная заставка съ
будкою, въ кошорой инвалидъ чинилъ съ-
рые досѣхи свои, медленно пронеслась
мимо. Опять по же поле, мѣстами из-
рытое, черное, мѣстами зеленѣющее,
мокрыя талки и вороны, однообразный
дождь, слезливое безъ просвѣту небо. —
Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!

Конецъ.

60-

КНИЖКА
МАРТА № 19
60 -
КВ. № 08070/965

